

Хроники Арции

Вера Камша
Кровь Заката

«Автор»

2002

Камша В. В.

Кровь Заката / В. В. Камша — «Автор», 2002 — (Хроники Арции)

ISBN 5-04-010307-7

Смерти нет, есть дорога в иные миры и вечное расставание с теми, кто остается оплакивать ушедших. Но если призывают долг и любовь, некоторым из них суждено вернуться. Герики, Рене, Роман, однажды принесшие себя в жертву во имя жизни Тарры, снова приходят на ее землю. Потому что идет война, льется древняя кровь в междоусобной бойне, развязанной потомками Арроев, потому что искажена история и забыта правда, и герои названы врагами, а предатели – святыми. Потому что вот-вот рухнет последняя преграда на пути Зла, готового затопить Тарру.

ISBN 5-04-010307-7

© Камша В. В., 2002

© Автор, 2002

Содержание

СИНОПСИС, ИЛИ ЧТО БЫЛО РАНЬШЕ	5
ВСТУПЛЕНИЕ	9
ПРОЛОГ	14
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	15
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	67
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Вера Камша

Кровь Заката

Моим друзьям Николаю Аверкину, Веронике Алборти, Майку Гончарову, Илье Виниченко и Артему Хачатурову.

Автор благодарит за оказанную помощь Александра Домогарова, Юрия Нерсесова и Павла Шульженка.

СИНОПСИС, ИЛИ ЧТО БЫЛО РАНЬШЕ

В изначальные времена Таррой владели создавшие ее боги во главе с Великим Оммом. Населяло этот мир несколько разумных рас, в том числе и люди, но любимыми детьми богов были гоблины. И случилось так, что Ройгу, бог тумана, лжи и снов, замыслил единолично править миром, но был повержен и развоплощен, а его дух заточен под Корбутскими горами. Однако было предсказано, что рано или поздно бог-отступник освободится, соберет бесчисленные рати и вновь сразится с воинством Омма.

Задолго до назначенного срока в мир Тарры вторглись силы Света, победившие и уничтожившие прежних богов и большинство их слуг. К счастью для Тарры, кровь Омма уцелела – один из сыновей Отца Богов провел ночь накануне битвы со смертной из рода людей по имени Линета. Девушка первой узнала об исходе боя, но не бежала. Ей удалось пройти на Поле Смерти, охраняемое пришедшими вместе со Светозарными эльфами. Залиэль, Лебединая королева, пропустила Линету к умирающему возлюбленному, и она унесла с собой его меч, откованный для битвы с ордами Ройгу. Затем Линета укрылась в горах у гоблинов, единственной из рас Тарры, сохранившей верность прежним богам.

Время разбросало потомков Инты (так называли гоблины возлюбленную сына Омма) по всей Тарре. Старая кровь смешалась с эльфийской в жилах владык Эланда, государства маринеров¹ на северо-западе Арцийского материка. Эландцы не молились никому, но считали своими покровителями Великих Братьев, принимавших облик огромного орла и золотого дракона.

К этому времени Светозарные, предполагая свое поражение и гибель Тарры, покинули ее, взяв с собой эльфов и уничтожив нарождающееся племя магов. Однако двое из семи, Ангес и Адена, Воин и Дева, пошли против братьев и сестер, не желая бросать на произвол судьбы мир, защитники и хранители которого были уничтожены.

Ангес и Адена сделали так, что в Тарре остались два эльфийских клана – клан Лебеда и клан Серебряной Луны, владыкам которых Воин и Дева передали свои талисманы. Эльфы должны были помочь Тарре взрастить собственных магов-защитников, но далеко не все согласились променять жизнь в Свете ради отринутого ими мира. Между «Лебедами» и «Лунными» вспыхнула братоубийственная война, в которой уцелели немногие.

А медлить было нельзя. В своем заточении начинал шевелиться Ройгу, но не это было самым страшным. Сопоставляя реальные события с сурианскими преданиями и тем, что удавалось узнать с помощью магии, Ларэн Лунный король пришел к выводу, что еще до прихода Светозарных и бунта Ройгу в Тарре объявилась некая чужеродная сила, не обладающая божественной природой и могуществом, но странным образом влияющая на мысли и поступки дру-

¹ Маринер – вольный моряк, иногда – торговец, иногда – наемник, иногда – пират. Маринеры имели свой кодекс чести, нарушитель которого приговаривался к смерти Советом, куда входили самые уважаемые вольные капитаны. Местом сбора Совета была Идакона, столица Эланда.

гих, в том числе и богов. Ларэн полагал, что Ройгу был не более чем игрушкой в руках укрывшегося в Сером море пришельца, дожидającego своего часа.

Во время своих странствий Ларэн, поддавшись чувству жалости, спас и вылечил молодого повстанца Эрасти Церну, обреченного на смерть собственным побратимом. Для людей Эрасти погиб и был причислен к лику святых, на деле же он стал учеником Лунного короля, угадавшего в спасенном задатки великого мага. Эрасти не обманул ожиданий Ларэна. Он превзошел по силе своего учителя, став первым истинным магом Тарры. Знамения, предвещающие возвращение Ройгу, были все явственнее, и Эрасти начал действовать. Правда, то, что он проповедовал, шло вразрез с учением Церкви Единой и Единственной. Эрасти был предан анафеме и наречен Проклятым, против него предприняли Святой Поход, но церковное войско было разбито. Однако Проклятый все же был побежден и заточен за Последними горами. Это сделала возлюбленная Эрасти Циала, которая в награду за свой подвиг, на деле являвшийся величайшим предательством, была избрана Архипастырем Церкви.

После смерти Циала была объявлена святой, а учрежденный ею циалианский орден (единственный из церковных орденов, в который вступали женщины) стал одним из самых сильных и влиятельных. По иронии судьбы наиболее почитаемыми святыми в землях, входящих в лоно Церкви Единой и Единственной, стали равноапостольная Циала и великомученик Эрасти.

После поражения Эрасти остатки клана Серебряной Луны покинули Арцийский материк и укрылись на Лунных островах. Ларэн хотел познать природу таящегося в Сером море зла и вместе с горсткой соратников отправился на поиски, откуда никто не вернулся. Уцелевшие эльфы клана Лебеда, которых возглавил старший сын Залиэли Эмзар Снежное Крыло, еще раньше ушли в болота на юго-востоке Арции. Для людей эльфы, гоблины и чудовища прежних эпох стали сказкой, а Первые боги и Светозарные и вовсе были забыты, уступив место понятной людям религии, умело поддерживаемой Церковью. Почти тысячу лет Тарра, мир без богов, жила своей жизнью, ни о чем не вспоминая и ничего не опасаясь.

В 2228 году от Великого Исхода некоронованный владыка Эланда герцог Рене Аррой и бард Роман Ясный (он же Нео Рамиэрль из Дома Розы, внук Залиэли, эльфийский разведчик в мире людей) оказываются втянуты в круговорот странных событий. Одни еще можно было списать за счет совпадений и политических интриг, но другие объясняет лишь пробуждение древней страшной магии. Рене и Роман понимают, что причиной осязаемых бед является господарь Тарский, Михай Годой, связавшийся со служителями культа Ройгу.

Идя по следу древнего Пророчества, Роман догадывается, что святой Эрасти и Проклятый – одно и то же лицо, и становится обладателем Черного кольца, талисмана, оставленного Проклятым тому, кто сможет понять его послание. Кроме того, эльф-разведчик разгадывает смысл хранящейся в Святом городе Кантиске картины-Пророчества, нарисованной Эрасти.

Оно предупреждает, что судьба Тарры скоро окажется в руках Эстель Оскоры, Темной Звезды, женщины, в чьих жилах течет Старая Кровь. Она даст жизнь младенцу, который после прохождения ряда магических ритуалов станет новым воплощением бога Ройгу. После рождения младенца Эстель Оскора обретет силу, равную силе, которой в этот момент обладает ее супруг и его прислужники.

Вступая в сговор с ройгианцами, Михай Годой поставил условием, что избранницей Ройгу, Эстель Оскорой, будет его дочь Герики, которую он с раннего детства готовил для этой цели. Кроткая и забитая Герики должна была стать послушным орудием в отцовских руках, но жизнь распорядилась так, что полубезумная Герики ускользает от ройгианцев и Годоя и встречает Романа. С помощью эльфийской магии и кольца Эрасти Рамиэрль уничтожает чудовищного младенца и возвращает Герику с порога небытия. Однако вмешавшиеся в игру Великие Братья сделали так, что в тело дочери Годоя вселяется иная душа. Новая Герики, обладая

памятью и внешностью прежней и магической силой Эстель Оскоры, по сути является совсем другой женщиной, сильной и гордой, достойной соперницей Михаю Годой.

Еще одной надеждой Тарры остается Эрасти Церна. Роман убежден, что тот жив и его можно освободить, а силы и знаний Проклятого достаточно, чтобы дать бой не только Михаю и Ройгу, но и самому источнику разъедающего Тарру Зла. Но когда Роман добирается до места заточения Эрасти, дорога оказывается перекрытой ройгианскими заклятиями.

Начавшаяся в окраинных королевствах Таяне и Тарске смута постепенно захватывает всю Тарру. Перед лицом смертельной угрозы примиряются, казалось бы, непримиримые враги. Калиф Эр-Атэва Майхуб протягивает руку герцогу Эланда Рене Аррою, эльф Рамиэрль находит союзников среди гоблинов Южного Корбута, а уцелевшие слуги Первых Богов Тарры становятся плечом к плечу с эльфами.

Схватка Годоя и Рене, вошедшая в историю Тарры как Война Оленя, подробно описана в двух предыдущих хрониках. И в жилах Михая, и в жилах Рене текла смешанная кровь. Оба были потомками Омма и эльфов, оба были более чем людьми, хотя долгое время не догадывались об этом. Целью Михая была власть, ради которой он не жалел никого и ничего. Рене же никогда не желал власти, но судьба уготовила ему сначала роль вождя, а потом и императора.

Жизнь сталкивает герцога Рене и Герику Годойю, и Эстель Оскора понимает, что любит Рене и ее место рядом с ним. Именно вмешательство Герики, разрушившей ройгианские боевые заклятья, решает исход войны.

Магия гасит магию, все зависит теперь от силы мечей и искусства полководцев. Несмотря на значительное численное превосходство, армия узурпатора побеждена в генеральном сражении, Михай с помощью магии бежит в Таяну, где находит смерть от кинжала собственной супруги. Под скипетром Рене Арроя объединяются Арция, Эланд, Таяна и Тарска. С гоблинами и атэвами заключен вечный мир, по всем признакам Благодатные земли ожидает золотой век, но самые прозорливые – Рене, Роман, Эмзар, кардинал Иоахиммиус, калиф Майхуб – понимают, что Тар-ра получила не более чем отсрочку, так как не Годой и даже не ройгианцы являются корнем зла. Опасность по-прежнему прячется в Сером море.

Вопреки дурным пророчествам Рене и Роман на корабле «Созвездие Рыси» уходят на поиски врага. Герики следует со своим возлюбленным. По пути, на Лунных островах они встречают эльфов и покинувшую когда-то свой клан и ставшую возлюбленной Ларэна Залиэль. Она предлагает Рене план, с помощью которого появляется возможность победить. Рене соглашается, хотя и понимает, что шансов на победу и возвращение у него практически нет. Однако Залиэль не открывает Рене всей правды. Ее главная цель отнюдь не победа над их таинственным противником, которую Лебединая королева почитает невозможной. Она хочет отослать как можно дальше от Тарры Герику, так как, пока одна Эстель Оскора не нашла упокоение в земле Тарры, другой нет и быть не может, а значит, Ройгу никогда не обретет стойкого материального воплощения.

Залиэли удастся обмануть и Герику, которая, полагая, что спасает этим возлюбленного, бросается в магический огонь и покидает Тарру.

По погасшему магическому пламени Роман понимает, что Залиэль погибла, и Рене, вероятнее всего, тоже, но Эстель Оскора теперь недоступна для сил, намеревающихся овладеть Таррой. Эльф не может даже предполагать, сколько времени продлятся ее скитания по иным мирам, но рано или поздно Герики, обретя силы и знания истинного мага, вернется, и он должен ее встретить.

Готовятся к будущей войне и другие. Кардинал Иоахиммиус, опасаясь чрезмерного усиления циалянского ордена, убеждает Архипастыря Феликса в необходимости сохранить для будущих поколений правду о Войне Оленя. Союзником Иоахиммиуса становится калиф Майхуб, по приказу которого в пустыне Эр-Гидал строится более похожая на неприступную крепость обитель, в тайниках которой надежно укрыты реликвии, в том числе и Пророчество Эра-

сти. В горах Корбута южные гоблины клянутся в своей верности «крови Инты», соратник Рене великий герцог Таяны Шандер Гардани заключает с ними вечный союз, а старый маринер Эрик решается в присутствии Архипастыря Феликса принять Агва Закта, яд, наделяющий умирающего пророческим даром. Старому маринеру не дает покоя проклятие, выкрикнутое ненавидящей Рене старухой перед отплытием «Созвездия Рыси», предрекающее потомкам Арроя кровавую междоусобицу, а самому Рене участь худшую, чем просто смерть. Эрик ценой своей жизни хочет открыть правду тем, кто остается.

Феликсу удастся расслышать и записать последние слова Эрика: «Нужно ждать, – ждать, даже когда это будет казаться безумием. Ждать и помнить. В землю упали зерна. Им нужно время. Придет год Трех Звезд, и поднимет меч Последний из Королей. Голубая Звезда канет в море, Алая вернется на небо, Темная не погаснет. Она зажжена Избранным, но озарит путь Последнему, предвещая победу. Не бойтесь Ночи, не бойтесь Дня. Тьма защитит от Тьмы, Свет от Света. Не плачьте об уходящих в бой. „Созвездие Рыси“... Темная звезда... Им не сойтись, но сияние их вечно...»

ВСТУПЛЕНИЕ

*Серебрись, бубенчик, на шее вола...
– Девушка из снега, зачем ты пришла?
– На лугу зеленом ищу я цветок,
Всходит ночь по склонам, а луг мой далек.
– Губ твоих сиянье – не свет ли небес?
– То звезда, с которой любимый воскрес.
– Что прижмешь ты к сердцу, в саду покружив?
– Меч, хранимый милым. Он умер, но жив!
– Не любовь ли ищешь, веряясь судьбе?
Не любовь ли ищешь, Бог в помощь тебе.
Сыщешь ты едва ли того, кто приник
К омуту печали под слоем гвоздик.
Серебрись, бубенчик, на шее вола...
Девушка из снега, зачем ты пришла?
Серебрись, бубенчик, на шее вола...
Родниковой кровью душа изошла.*

Ф. Г. Лорка

Ярко горели восковые факелы, заливая светом пиршественный зал. Ольгерд Длинный праздновал совершеннолетие единственного сына – в третьем часу пополудни Зигмунду исполнился ровно двадцать один год и двадцать один день. Юноша стал мужчиной и отныне должен не только отвечать за себя перед богами и людьми, но и быть готов принять бремя власти, буде отец не сможет его нести. Увы, король не верил, что его отпрыск сможет удержать вожжи, слишком уж тот был изнежен и слаб. Где ему повелевать тысячами суровых воинов, знавших только войну, давать отпор Нижним, глядеть в глаза Горной Ведьме, когда придется просить ее и впредь помогать исскам.

Суровый и подчас жестокий Ольгерд рано потерял жену, и страх за здоровье наследника не позволял ему брать с рождения слабого ребенка в походы, заставляя его часами бегать взапуски с гончими и стоять на камнях с поднятым мечом, пока усталость не заставит опустить оружие. Король боялся потерять сына – и потерял его. Зигмунд вырос капризным и пугливым. При помощи учителей с Низа юноша выучился читать толстые книжки с пестрыми миниатюрами, брэнчать на лютне и слагать непонятные Ольгерду и его воинам вирши, но не был способен заменить на троне отца, к которому относился с приторным почтением, бесившим сурового и прямого исска. Даже Олайя, юная жена короля, которая, как надеялся венценосный супруг, вскоре осчастливит его многочисленным потомством (а что, его собственному отцу Вольфгангу Медвежьей Лапе в год рождения Ольгерда сравнялось полсотни и еще четыре года, а ему нет и сорока пяти!), почитала принца ничтожеством. Стоило тому появиться на отцовской половине, как девочка уходила к себе, презрительно передернув точеными плечиками.

При мысли о жене сердце владыки потеплело. Он и вообразить не мог, что дочь одного из Нижних, отданная ему в заложницы, покорит его сердце. Тем паче Олайя совсем не походила на его первую жену, наделенную богами внешностью валькирии. Дочь рагайского короля Меридита была грациозным миниатюрным созданием, резвым и горячим, как огонь в камине. А как она его любила! Уж в этом-то Ольгерд не сомневался, недаром, когда переговоры с Меридитом и его союзниками были благополучно завершены и заложники могли вернуться, девушка ударилась в слезы и, нагрубив присланному за ней вельможе, выскочила из комнаты. Отправившийся за ней по долгу гостеприимства Ольгерд не поверил своим ушам, когда среди всхлипы-

ваний и жалоб, перемежаемых яростными нападками на собственного отца, сначала отдавшего ее, а потом забирающего, прорвались слова любви.

Решенье созрело немедленно. Ему нужен еще один сын, а то, что рагайка еще и знатна, лишь прибавит веса искам, владыки которых войдут в круг венценосных семей Двадцати Королевств. И потом, девушка была красива, куда лучше его последней любовницы, чьи прелести королю начинали приедаться. Правду сказать, Олайя сначала слегка испугалась его слишком варварского проявления чувств, но через мгновение она, забыв о слезах, всю хохотала, прижимаясь огненной головкой к груди Ольгерда. То, что жена едва доставала ему до воротника, умиляло, хотя король всегда думал, что любит рослых женщин. Наверное, потому, что до появления в своей постели рыжего котенка никого не любил. Ильда, подарившая ему неудачного сына, была дочерью отцовского соратника и подругой детства, они слишком рано узнали, что предназначены друг другу. Отчаянья это не вызвало, но и радости тоже. Ильда была хорошей женой и достойной королевой, но она умерла семнадцать лет назад. Больше он не женился: ночных подруг хватало, но ни любви, ни государственной надобности не было. И вот теперь Олайя. Только бы у девочки все прошло благополучно, уж слишком узкие у нее бедра... Надо же! Он, похоже, боится расплескать еще не наполненный кувшин, ну да рано или поздно он наполнится. Может быть, даже этой ночью.

Король, сглотнув, отвернулся от жены, одетой в золотисто-зеленое платье, красиво оттеняющее безупречно белую кожу и огненные волосы. Он должен сегодня пировать до зари и остаться на ногах, провожая последнего гостя. Чтобы никто, не приведи боги, не сказал, что Длинный сдает или, того хуже, обабился и держится за женину юбку. Что ж, пить так пить! Для начала ему предстоит в одиночку осушить рог, поданный наследником. Король, слегка поморщившись – не о таком сыне мечталось, поднялся во весь свой немалый рост. Принц, от волнения побледнев (о боги, какая бестолочь!), обеими руками поднял оправленный в золото рог и, улыбаясь словно бы приклеенной улыбкой, подошел к отцу. По традиции, как только король выпьет, бочка, из которой налито вино, будет выплеснута в огонь в честь богов, после чего в зал внесут зажаренного целиком горного кабана, и начнется настоящий пир.

Ольгерд легко одной рукой поднял тяжеленный сосуд, подождал, когда стихнет одобрителный гул, и поднес ко рту. Выпить он не успел. Намертво запертые Черные Двери, ведущие на галерею, распахнулись, как распахиваются ставни крестьянской халупы от порыва ветра, хотя сдвинуть с места огромные, обитые позеленевшей бронзой створки было под силу разве что урагану, а на улице стояла тишь позднего лета. И хозяева, и ошалевшие гости с удивлением и ужасом уставились на высокую женщину в черном, чья рука опиралась на холку огромной снежной рыси. Горная Ведьма почтила своим присутствием пиршественный зал!

Ее узнали все, хотя видели немногие. Вопреки титулу Облачных Владык, вот уже шесть поколений передававшемуся в роду Ольгерда, истинной владычицей Черных гор была именно она. Никто не знал, кто она и откуда пришла, но когда согнанный со своих земель немилосердными соседями и взбесившимся морем народ иссков был прижат к горам, к ним вышла женщина со снежной рысью и указала дорогу. Преследователи же оказались погребены под снежными лавинами. С тех пор люди и Ведьма жили рядом.

Исски не забыли добра и, хотя она ничего и никогда не требовала, считали своим долгом в День Спасения устраивать в ее честь празднование с плясками между костров и сбрасыванием в ревущий горный поток подношений. Чтили Ведьму и Облачные Владыки. Когда новый король принимал Венец и Меч из рук жрецов, он поднимался по едва заметной каменистой тропе к Рысей горе, в одной из бесчисленных пещер которой, по слухам, она и обитала. Иногда Ведьма показывалась сразу, иногда приходилось ждать несколько дней, но она всегда появлялась. Даже Слуги Ветра не знали, о чем она говорит с наследником, но лишь после встречи с Ведьмой он становился Облачным Владыкой.

Исские жрецы попытались ставить в ее честь храмы и собирать десятину, но она воспротивилась этому весьма решительно. Здания и жертвенники, не успев подняться, оказывались расколоты молниями или сброшены в пропасть. Наиболее ретивые, присвоившие право говорить от имени Ведьмы, лишались языка или сходили с ума и начинали лопотать вздор. Исски поняли, что Ведьма не терпит посредников и не желает поклонения. С этим смирились. Ее побаивались и вместе с тем на нее надеялись.

Случалось, отчаявшиеся отправлялись в горы в поисках защиты или помощи; чаще всего эти походы заканчивались впустую, но некоторым везло. И тогда случалось всякое. Ведьма не была доброй, но она была справедливой, и если уж вмешивалась, то наказание часто превышало провинность. Чаще всего она приходила под утро к дому виновного, никто не видел, как это было, но серые утренние лучи высвечивали две цепочки следов – женских и рысьих, а на двери появлялся словно бы выжженный отпечаток узкой ладони. Это было предупреждение, после чего клеветник брал свои слова обратно, нелюбимый жених расторгал помолвку, вор возвращал краденое. Сначала так поступали не все, судьба невнявших была страшной и странной. Вот уже двести сорок весен никто не осмеливался перечить Ведьме, но никогда еще она не появлялась в Облачном Замке, никогда не вмешивалась в дела исских владык.

В огромном переполненном зале воцарилась тишина, прерываемая лишь треском сгорающих в камине огромных бревен. Все смотрели на Ведьму, а она смотрела на короля. Это была высокая женщина с бледным, совсем еще молодым лицом. Голову ее несколько раз обвивала светлая коса, из которой выбивалось несколько разноцветных прядок, словно бы колеблющихся несуществующим сквозняком. Рука с длинными тонкими пальцами бездумно перебирала серебристый рысий мех, крупный чувственный рот был плотно сжат, а слегка прищуренные серые глаза смотрели жестко и спокойно.

Король опомнился первым и решительно шагнул навстречу незваной гостье с древним приветствием.

– Моя жизнь принадлежит той, кто спасла иссков. Скажи мне умереть, и я умру.

– Мне не нужна твоя жизнь, владыка, – голос Ведьмы был хриловатым и негромким, – но она нужна исскам. Я пришла предупредить тебя. Те, кто живут внизу, но любят горное золото и ищут дорогу к морю, на рассвете подойдут к Серой Стене. Их много, они долго готовились и уверены в победе.

– Этого не может быть! – Чудовищность известия заставляла забыть о том, кто его принес.

– Это так, король, их видели орлы, их чуют рыси, а они не ошибаются. И я тоже их видела. Они идут ущельем эдельвейсов.

– Меч и доспехи! – загремел Ольгерд.

– Не спеши, – Ведьма улыбнулась, став похожей на свою четвероногую спутницу, – время терпит, сейчас они не выше Рысьего Когтя. Я не хочу, чтобы они здесь были, и горы помогут тебе. Те, кто все же поднимется, твои, сколько бы их ни было. Но сначала тебя ждет другое дело, куда менее приятное, чем честная битва. Речь идет, – глаза Ведьмы холодно блеснули, – о предательстве.

Шестеро твоих предков дарили мне свои жизни, они были мне не нужны, но верность вызывает взаимность. Я не хочу, чтоб твою жизнь прервали те, кому ты доверяешь. Я пришла за предателями, Ольгерд. Им не место в твоём доме. Отдай их мне.

– Карать предателей – долг короля, но... – Он осекся. – Я клялся служить тебе. Они твои, но кто они?

– Я не обретаю счастья, карая, король, но ты нравишься мне. Ты мне кого-то напоминаешь, кого-то, кого я некогда знала... Я не хочу, чтоб ты оказался между молотом и наковальней. Не понимаешь? Оглянись.

Ольгерд рывком обернулся и встретился с сотнями побледневших лиц. Одно лицо было особенно белым, и это было лицо его собственного сына...

– Зигмунд! Ты...

– Он, – спокойно кивнула Ведьма, – в кубке яд, который подействует на рассвете. Воспользовавшись суматохой, он хотел открыть ворота.

– Ты, – повторил король, глядя в перекошенное лицо сына, – ты вправе ненавидеть меня и желать короны. Ты знал, что я не хотел оставлять ее тебе! Ты мог убить меня, но впустить в свой дом рокайцев?! Выродок! Пей! Пей свою отраву!

Король сгреб сына за шиворот, сунув ему в лицо кубок. Наследник извивался всем телом, как нашкодивший кот, которого тычут мордой в его безобразия, но Ольгерд был неумолим.

– Венд, Ораг, держите его! – Двое дюжих воинов кинулись вперед.

– Стой, владыка иссков, – Ведьма говорила все так же ровно. – Ты отдал его мне.

– Прости, – король перевел дух, – ты заберешь его?

– Обоих. И его, и ее...

– Ее?

– Твою королеву.

– Олайя!! Это неправда!

– Правда, король. Спроси сам.

– Отец, – принц заговорил хриплым баском, сорвавшимся на визг, – отец! Это все она! Она всегда хотела меня... Я не хотел, но она угрожала мне... Она заставила меня... Заставила...

– Олайя!

– Он лжет. – Королева владела собой. – Ты должен мне верить, Оле, – большие глаза глядели с чарующей искренностью, – я люблю тебя. Только тебя. Твой сын лжет, это он хотел меня, но я отвергла его. Я виновна, что не сказала об этом, но я не хотела причинять тебе боль.

– Это она! – визжал принц. – Первый раз ЭТО было, когда ты уезжал к Сосновой вершине. Она сказала, что, если я не возьму ее, она скажет тебе, что я ее изнасиловал... Она заставляла меня водить к ней гонцов ее отца, она дала мне яд...

– Ничтожество, – женщина гневно сдвинула брови, – тебе не удастся оклеветать меня. Король справедлив.

– Да, король справедлив, – хриловатый голос Ведьмы поражал спокойствием, – но вы оба принадлежите мне.

– Госпожа! – В возгласе короля слышались все муки ада. – Госпожа, ты ошибаешься!

– Я не ошибаюсь, король, – вздохнула Ведьма, – Олайя виновна, она была конем, а твой сын – лишь телегой. Но хватит. Я забираю обоих.

– Прости, – король склонил голову, – забери мою жизнь, но верни мне их. Я покараю их, страшно покараю, но я не могу их отдать...

– ...ведьме, – за него окончила она, – что ж, я хотела облегчить твою совесть, но, если хочешь нести эту ношу сам, неси.

– Взять их! – В голосе Ольгерда звучал металл. – Мы выступаем немедленно. Хватит прятаться за Стеной! Пусть Нижние узнают силу наших мечей, а эти... Пусть выпьют свой яд поровну. Влейте им его в глотку.

Принц продолжал вырываться и что-то бляеть, затем его вытошнило прямо на мозаичный пол, и он безвольно повис на руках стражников, но королева была из другого теста. От ее лица отхлынула кровь, яркие рыжие волосы лишь подчеркнули бледность кожи. Женщина с ненавистью, невероятной для столь хрупкого и изнеженного существа, глядела на короля.

– Варвар! Грубый варвар! Животное! Я презираю тебя... Насильник, ублюдок. – Поток оскорблений не оборвался, даже когда стражники выволокли осатаневшую женщину вон, ее затихающие вопли еще долго доносились с лестницы. Когда же все стихло, Ольгерд оглядел замерший зал и рявкнул:

– Все вон! Собираться во дворе с мечами.

Воины и придворные, толкаясь, бросились из зала. Вскоре в нем остались лишь король и Ведьма.

– Я должен благодарить тебя, – с трудом произнес он.

– Но ты меня ненавидишь, – закончила она, – не будь ты королем, лишившимся сегодня наследника, ты мог бы умереть или позволить себя убить, но права на это ты больше не имеешь.

– Не имею, – согласился он. – Кто ты, госпожа? Ты странно говоришь и еще более странно делаешь.

– Неважно. – Ведьма опустилась в одно из кресел и замерла, словно прислушиваясь. – Если ты хочешь битвы, то тебе пора выступать. Скоро к Когтю подойдет рокайский отряд. Его вождь оказался слишком глуп и самовлюблен, он не повернул, хотя его предупреждали. Ты должен его встретить.

– Встретим, – кивнул король, – я еще помню, кто я. И я помню свои клятвы. Я виноват перед сыном, виноват, что вырастил из доброго семени ядовитую траву. Но перед ней я чист. Клянусь тебе, она лжет. Я любил ее.

– Я верю, – серьезно кивнула Ведьма.

– Клянусь, – повторил король, – я НИКОГДА НЕ НАСИЛОВАЛ ЖЕНЩИН.

В устремленных на него серых глазах вспыхнула ослепительная искра. От бесстрастности его странной собеседницы не осталось и следа. Горная Ведьма смотрела вперед невидящим взглядом только что разбуженного человека. Затем ее губы шевельнулись, и король разобрал: «...никогда не насиловал женщин... Великий Орел! Тарра... Рене!»

ПРОЛОГ

*Все выше, все выше – высот
Последнее злато.
Сновидческий голос: Восход
Навстречу Закату.*

М. Цветаева

Vivos voco, mortuos plango, fulgura frango²

- Вы посмели?!
- Вот как ты заговорил, милосердный и всепрощающий, когда дело коснулось тебя?
- Впрочем, брат меня предупреждал...
- Оставь ее!
- Кого?
- Не лги! Ты знаешь, о ком я говорю...
- Знаю, а вот знаешь ли ты? Впрочем, она в любом случае свободна в своем выборе и сделает то, что считает нужным!
- Что ты сделал с ней?!
- С кем?
- Прекрати изворачиваться.
- Я не изворачиваюсь. Да, я знаю, кем стала та, о ком ты говоришь, но ни я, ни ты, ни кто другой никогда не узнает, та ли это, о ком ты думаешь. Но кто бы она ни была, я с ней ничего не сделал, только дал ей право вернуться...

² Зову живых, оплакиваю мертвых, сокрушаю молнии (лат.).

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Vim vi repellere licet³

Одна из всех – за всех – противу всех!
М.Цветаева

Эстель Оскора

Я вдыхала холодный горьковатый воздух, пропитанный запахом осенних костров и полыни. Вечерело, по усыпанному крупными звездами небу порывистый ветер гнал редкие неопрятные облака. Звезды свидетельствовали – это Тарра. Или почти Тарра. Я узнавала очертания созвездий, но с ними было что-то не так, они изменились, как меняется проволоочный узор, если его немного растянуть.

Послышался топот, и я поспешно отступила в темноту. Конечно, бояться мне было не то чтобы нечего (и в мирах, через которые я прошла, и в междумирье хватало чудищ, с которыми мне бы не хотелось встречаться), но лошадиный топот уж точно не нес ничего такого, что могло бы причинить мне неприятности. Другое дело, что сначала следовало оглядеться. Я не знала ни времени, ни места, в котором очутилась, а изменившиеся созвездия наводили на тревожные размышления. Хотя чего следовало ожидать, если в последнем из миров, где я чуть было не осталась навсегда, устав от бессмысленных скитаний, перед моими глазами прошло шесть колен Облачных Владык, а сколько всего было до этого...

И все равно я надеялась, сама не знаю на что. Я должна была вернуться. Чтобы найти Рене, какова бы ни была его судьба, или узнать, что его больше нет. Нигде. В конце концов, его могло точно так же вышвырнуть за пределы Тарры, как и меня, но поиски следовало начинать здесь, в Арции. Даже если все окажется бессмысленным, прежде чем покончить со всем разом (а это, судя по всему, для таких, как я, дело непростое), придется довести до ума то, что начали Рене и Залиэль. А потом я отыщу и прикончу ту тварь, которая его погубила, если она все еще здесь. Прикончу и умру.

...Из-за поворота вырвалось несколько конных с факелами, за ними попарно проскакало десятка полтора воинов, за которыми следовали карета и две закрытые повозки, а замыкали процессию еще несколько десятков вояк. Все это безобразие, немилосердно грохоча и лязгая, быстро удалялось на юго-запад. Меня не так уж и занимало, куда торопится честная компания, пусть их едут, хотя, если они не дадут через час-полтора лошадям роздых, те начнут падать. Поражало другое: воины были в доспехах, весьма напоминавших железяки, бывшие в ходу при Анхеле Светлом, когда самым страшным оружием был арбалет. И эти изменившиеся звезды! Неужели я попала в прошлое?! Но этого не могло быть: по всем Законам, явным и тайным. Время не имеет обратного хода, в него нельзя войти снова, как нельзя войти в одну и ту же реку. Да, где-то оно течет быстрее, где-то медленнее, где-то и вовсе почти стоит, но нигде не идет вспять. Это невозможно, как невозможен дождь, идущий снизу вверх. Но откуда тогда эти нагрудники, налокотники, шлемы, которых в той Тарре, которую я знала, не носили уже лет двести?

От размышлений меня отвлекло мягкое, прохладное касание. Еще веселее! Меня искали, и искали с помощью магии. Заклятье было сильным и умелым... Впрочем, каким бы сильным себя ни полагал искавший меня маг, я была сильнее. Много сильнее. Я могла поймать нить его волшбы и выдернуть его сюда, как затягивает в воду нерадивого рыбака хитрая рыба. Я не сделала этого только потому, что пошел бы такой астральный звон, что мое присутствие стало

³ Насилие разрешается отражать силой (*лат.*).

бы очевидным всем синякам Тарры. Я же чем дальше, тем больше не желала себя обнаруживать. По крайней мере, пока не пойму, что здесь творится и не ошиблась ли я, не попала ли в мир, невозможно похожий на Тарру, но отстающий от нее лет на триста...

Но сначала следовало разобраться с унюхавшим мое появление колдуном. Вряд ли он искал именно меня – о том, что я вернусь, не знали даже Великие Братья, но мое появление вызвало, не могло не вызвать изрядного астрального возмущения. Неудивительно, что кто-то пытается выяснить, что же произошло на этой дороге. Ну что ж, играть так играть. Оставаясь на месте, я довольно легко удерживала вокруг себя мельчайшие магические корпускулы, надолго прилипающие к тому, кто возмутил сей мир спонтанным появлением. Теперь оставалось ждать, а ждать я могла долго. Однако не прошло и пары ор⁴ (созвездие Агнца над горизонтом не успело смениться созвездием Иноходца), как тишину вновь разорвал стук копыт – на сей раз всадник был один и ехал крупной рысью, как нельзя лучше подходящей для ночной дороги. Вскоре появился и сам наездник, лунный свет засеребрился на его шлеме. И этот туда же! Они что тут, про мушкетеры вообще позабыли, только стрел берегутся? Ладно, посмотрим, но сначала следует заняться путешественником. Возможно, я причиню ему большие неприятности, но чем-то или кем-то всегда приходится жертвовать. Я приготовилась и, когда путник (отчего-то мне подумалось, что это гонец) поравнялся со мной, мысленно произнесла Слово.

Как всегда, вокруг меня что-то стремительно обернулось и встало на свое место. Бедняга, так ничего и не почувствовав, проследовал своей дорогой, унося с собой приклеившийся к нему намертво мой астральный хвост, я же направились в противоположную сторону. Теперь я могла спокойно разузнать, что же здесь творится. Пока я не захочу, меня не обнаружит никто...

2850 год от В.И.

26-й день месяца Зеркала.

Ариция. Мунт

– Не люблю Мунт, – сероглазый всадник обернулся к своему спутнику, темноволосому атлету, – как попаду сюда, так хочется бежать куда глаза глядят. Суета, вранье, взгляды какие-то липкие...

– А что ты хочешь, Шарло? Столица, одно слово...

– Наверное, – названный Шарло пожал плечами, – не понимаю, как кому-то нравится здесь копошиться, тут и дышать-то нечем!

– Сейчас ты заговоришь об Эльте, – хмыкнул темноволосый, – уж с тамошними ветрами точно не задохнешься.

– Да я и в Ифрану не прочь вернуться, – Шарло весело и открыто засмеялся, – там хоть и юг, но все просто. Война, мы, враги... Если грязь, то только под ногами.

– Повезло с тобой Лумэнам⁷, – атлет вздохнул и комично развел руками. – Другой бы на твоём месте...

– Рауль, друг мой, я тысячу раз все слышал. Я знаю, что мне скажешь ты и что думает твой отец, но это бессмысленно. Я не собираюсь выдергивать трон из-под Пьера.

– Пьера, – хмыкнул Рауль, – да Пьер тебя от своего любимого хомья не отличит... Можно подумать, ты не знаешь, что всем Фарбье вертит.

– А можно подумать, ты не знаешь, что я знаю, что ты скажешь, – отмахнулся Шарло. – Ладно, хватит об этом. Раз уж нас занесло в этот город, давай хоть отдохнем. К королю я сейчас точно не пойду, устал!

– Я так и вовсе бы к нему не ходил...

⁴ Ора – единица времени, одна двадцать шестая суток (половина времени, за которое над горизонтом поднимается одно из созвездий Звездного круга).

⁷ Лумэны – королевская династия, берущая начало от третьего сына короля Филиппа Третьего Арроя. Сигна – золотые нарциссы на красном поле.

В словах, сказанных Раулем, был свой смысл, так как спутником его был не кто иной, как Шарль Тагэре⁸, герцог Эльты и дважды правнук короля Филиппа Третьего Арроя, имевшего счастье или несчастье пережить своего старшего сына, так и умершего наследником короны. Престол перешел к внуку коронованного старца Этьену. Второй сын короля, Лионэль, герцог Ларрэн, пережил это довольно спокойно, зато третий, Жан Лумэн, счел, что на троне пристало сидеть его собственному отпрыску, а не племяннику. Этьен был свергнут и вскоре умер, то ли сам, то ли с помощью заботливых родичей, и на престоле обосновались Лумэны.

Первый Лумэн, правивший под именем Пьера Четвертого, был хоть и не самым приятным человеком, но сносным правителем. Его сын, опять-таки Пьер, полагал себя великим воином, но, прежде чем погибнуть при очередной осаде Авиры, довел страну до нищеты. Наследник горе-полководца Пьер нынешний, а по счету Шестой, унаследовал корону еще в колыбели, но оказался слабоумным. Арцией, по сути, правил незаконный дядя короля Жан Фарбье⁹ Второй, а дела на затянувшейся почти на сто лет войне с отделившейся от Арции Ифраной шли хуже и хуже. И не потому, что арцийцы не умели воевать, а потому, что в самой стране творилось Проклятый¹⁰ знает что. Неудивительно, что и знать, и купцы, и крестьяне все чаще и чаще посматривали в сторону Шарля Тагэре, «дважды Арроя» и к тому же отменного воина и человека, думающего сначала об Арции, потом о друзьях и лишь затем о себе.

Именно поэтому Рауль имел все основания говорить, что Шарлю Тагэре нечего делать в Мунте. Под стрелами ифранских лучников красавцу герцогу и то было безопаснее, но Шарль, носивший титул лейтенанта всей Ифраны, счел уместным принять приглашение короля. Отказ означал бы открытое неповиновение короне. Вообще-то, многие арцийцы только бы обрадовались, заяви Тагэре о своих правах, но сам Шарль пока подобных стремлений не выказывал. Да, в Мунт он не хотел, но развязывать гражданскую войну не хотел еще больше. И герцог поехал, взяв с собой всего две дюжины всадников и оруженосца.

Рауль ре Фло, один из друзей герцога, увязался с ним чуть ли не насильно и всю дорогу отговаривал Шарля от визита. Не помогло. Вечером 26-го дня месяца Зеркала они въехали в столицу некогда простиравшейся от Последних гор до Старого моря империи, а ныне раздираемого на части интригами и склоками королевства. Город, впрочем, выглядел мирно и благополучно. Из открытых дверей харчевен вырывался вкусно пахнущий пар, по улицам сновали укутанные в теплые суконные накидки горожане, на многочисленных иглциях¹¹ звонили к вечерней службе.

Тагэре никогда не любили столицу и так и не озаботились построить собственный дворец. Эльта, город на суровом северном берегу, недалеко от покоящейся нынче на дне Сельдяного моря Гверганды, и для деда и отца Шарля, и для него самого была лучшим местом на земле. Первый Тагэре, отказавшись поддержать брата-узурпатора, покинул Мунт добровольно, а его сыновья и единственный выживший внук отнюдь не стремились вернуться в столицу. А раз так, зачем им особняк, тем паче Тагэре всегда могли отдохнуть под крышей Мальвани. Нынешний маркиз был ближайшим другом Шарля и Рауля и, как и все в этом роду, прирожденным полководцем. Анри, получивший в прошлом году, после смерти своего отца, титул маршала¹² Арции, порывался ехать вместе с друзьями, но Шарль встал на дыбы. Тагэре пола-

⁸ Тагэре – герцогский род, владеющий землями на севере Арции. Тагэре происходят от четвертого сына Филиппа Третьего. Сигна – серебряные нарциссы на синем поле.

⁹ Фарбье – имя, данное вторым сыном Филиппа Третьего Жаном Лумэном своему незаконному сыну от связи с Катрин Суэль.

¹⁰ Проклятый – темный маг, побежденный и заточенный святой Циалой, упоминание Проклятого равноценно упоминанию черта в земных языках.

¹¹ Иглций – небольшой храм, посвященный церковному празднику или одному из святых.

¹² Маршал Арции – звание командующего арцийской армии. Маршал назначается королем и утверждается Советом нобилей и Генеральными Штатами (последнее является пустой формальностью). Маршал подчиняется только королю и особам королевской крови, если кто-то из них назначается главнокомандующим во время военной кампании. В 2844 году по насто-

гал, что нельзя оставлять армию на милость Конрада Батара, который, возможно, и неплохой военный, но слишком много думает о маршальском жезле и слишком мало об Арции. Мальвани скривился при упоминании бывшего приятеля, а теперь соперника, как от зубной боли, но остался в армии, предоставив друзьям в полное распоряжение родовое гнездо, помнящее еще героев Войны Оленя¹³. Впрочем, строить с той поры в Арции лучше не стали, скорее наоборот.

Шарль и Рауль намеревались провести вечер вдвоем за стаканом атэвского вина, но не вышло. Не успело стемнеть, как с черного хода постучали. Наладившийся было прогнать не понимающего благородного обхождения ремесленника, мажордом склонился в почтительном поклоне перед командором¹⁴ Мунта бароном Обеном Трюэлем, явившимся засвидетельствовать свое почтение герцогу. Нельзя сказать, чтобы Тагэре был от этого в восторге, но деваться было некуда. Трюэль, хоть и играл с упоением роль недалекого солдафона, был умен и прекрасно осведомлен о том, что творится во вверенной ему столице. Ни господин начальник Тайной Канцелярии, ни канцлер Арции, ни всемогущий королевский родственничек Жан Фарбье, не сомневаясь в способностях барона, вынужденно принимали его игру. Трюэля это, видимо, забавляло, но как выглядит командор славного города Мунта без своей обычной маски, знала разве что его сестра.

Увидев визитера, Шарль поднялся ему навстречу:

– Не скажу, что так уж рад видеть вас, барон. Мы только что с дороги, как вы, вероятно, знаете, и очень устали.

– Не сомневаюсь, – Обен, крупный, чтобы не сказать толстый, мужчина лет сорока с лицом обжоры и выпивохы пожал могучими плечами, – но лично я посоветовал бы вам промучиться в пути еще ночь. Чем дальше вы будете к утру, тем лучше для вас, да и для меня. Ловить Шарля Тагэре мне не улыбается, потом по улице не проедешь, тухлыми яйцами забросают.

– Вы хотите, чтоб я уехал? – Шарль поднял темную бровь, странно контрастирующую со светло-золотистыми волосами.

– Хочу, – не стал отпираться барон, подходя к столу и самочинно наливая себе вина, – вы даже не представляете, как хочу.

– Иными словами, – встрял в беседу Рауль ре Фло, – герцогу грозит опасность.

– Хуже, – изрек Обен, – опасность грозит мне. Поддерживать порядок в городе во время покаяния Шарля Тагэре? Увольте! Легче сразу пойти и удавиться.

– Вот даже как? – Герцог не казался ни удивленным, ни встревоженным. – Значит, Бэррот все же решился...

– Бэррот-то как раз ни при чем, это Жан с Дианой разыгрались. Ну и сволочная же баба, я скажу... Хоть бы кто ее прикончил, я бы Проклятому за это душу отдал. А Вы бы, монсигнор¹⁵, прежде чем в Мунт соваться, справились бы о здоровье кардинала! Он, между прочим, совсем плох.

– Сочувствую, – нагнул голову Шарль Тагэре, – мне Его Высокопреосвященство нравится, не хотелось бы, чтоб кардиналом Арцийским стало какое-нибудь надутое чучело, но при чем...

– А при том, что Евгений никогда не позволил бы схватить Тагэре и тем более не отдал бы его в руки Скорбящих, но сейчас бедняга лежит в занавешенной комнате, к нему никого не пускают. Короче, мерзко все, Ваша светлость, так что прикажите седлать коней!

– Пойду распоряжусь. – Ре Фло сделал попытку подняться.

янию Совета нобилей и маршала Сезара Мальвани командующим на арцийско-ифранском театре стал двадцатипятилетний Шарль Тагэре.

¹³ Война Оленя(2228—2230 гг.), о ней подробно рассказано в двух первых Хрониках.

¹⁴ Командор – высокое воинское звание, которое носят командующие армиями и комендант столицы.

¹⁵ Монсигнор – обращение к особе королевской крови или к главе независимого герцогства.

– Садись, Рауль, – махнул рукой герцог, – никуда я не поеду. Благодарю, барон, но Тагэре от королей не бегают, тем более от таких. Тагэре вообще не бегают.

– Ну, хозяин – барин, хочет – живет, хочет – умрет. – Командор вынул еще кубок и поднялся. – На всякий случай запомните. Улица Сэн-Ришар этой ночью совершенно безопасна, а привратника в ее конце зовут Гийом-Прыщ. Ну а я, само собой, вас не видел. Если вам хочется лезть в это болото змеиное, лезьте, но я бы подождал, пока гадюки друг дружку не пережальют.

– Спасибо, – снова улыбнулся Тагэре, протягивая Обену руку, которую тот и пожал с недовольным видом, пробурчав: «И все же нечего вам делать во дворце. Атэвы говорят, что гиены, если их много, могут загрызть льва, а гиен сейчас в Мунте о-го-го...»

Рауль дождался, пока слуга доложил о том, что Трюэль покинул дворец, и только после этого повернулся к Тагэре:

– Я был прав, Шарло, но сейчас не до этого. Ты должен бежать.

– Я уже сказал, что не побегу!

– Да слышал я, но это твое благородство здесь не к месту.

– Это не благородство, Рауль. – Герцог задумчиво посмотрел бокал на свет. – Надо же, какое красное, я и не замечал раньше. – И повторил: – Это не благородство и не смелость, потому что я боюсь, очень боюсь того, что творят в Замке Святого Духа. Только выхода у меня нет. Я ДОЛЖЕН завтра пойти к королю.

– Должен? Ничего не понимаю.

– Тут и понимать нечего. Согласен, я свалил самого большого дурака в своей жизни, когда сунулся в Мунт, но мы уже здесь. Не знаю, пришел ли Обен сам по себе или его кто-то послал, но то, что мы в столице, знает не только он и его люди. Синяки¹⁶, те наверняка следили за нами с самой границы. Нас или убьют при попытке к бегству или схватят, но тайно, и объявят, что мы подались за Проклятый перевал¹⁷. Может быть, ты был не так уж не прав, когда советовал поднять восстание, войска бы пошли за нами, только вот Жозеф¹⁸ под шумок оттяпал бы от Арции еще кусок. Не хочу и не могу превращать войну с самым мерзким врагом, который был у Арции за последние шестьсот лет, в смуту. Да и что я сказал бы людям? Что хочу стать королем? Но я не хочу...

– Лучше быть королем, чем покойником, – Рауль ре Фло нехорошо улыбнулся, – но ты прав. Живыми уйти трудно, даже если Обен не станет нас ловить, а я ему отчего-то верю.

– Я тоже. Этот винный бочонок нам не враг. Но нам от этого не легче. Мой единственный шанс, Рауль, – делать то, чего от меня не ждут. Если Трюэль подослан, от меня не ждут, что, узнав обо всем, я все же пойду завтра к королю, а я пойду.

– А если не подослан, и о его визите никто не знает?

– Нас выследят в любом случае. А если меня схватят, то пусть это будет при всем честном народе. От меня ждут буйства, а я сопротивляться не стану. И попытки к бегству не будет. А вот ты уедешь, но не сейчас, а утром. В ливрее одного из твоих людей, якобы с письмом в Эльту.

– Если они поднимут на тебя хвост, я запалю такой пожар...

– Хорошо бы обойтись без этого, мне отнюдь не хочется изображать из себя жертву.

¹⁶ Синяки – презрительная кличка сыщиков из Тайной Канцелярии, в ведении которой находятся дела о государственной измене и оскорблении Величества. Согласно подписанной в 1659 году нотации (договору), Тайная Канцелярия Арции действует совместно со Скорбящими Братьями, адептами ордена святого Антония, расследующими дела о ереси и незаконном колдовстве. Главой Скорбящих является кардинал, формально назначаемый Архипастырем и назначающий своих епископов в странах, находящихся в лоне Церкви Единой и Единственной. Синяки и Скорбящие при ведении дознаний пользовались особым рода магией.

¹⁷ Проклятый перевал, ранее именовавшийся Гремехинским или Гордой. Перевал через Лисьи горы, отделяющий Благодатные земли от впавшей в ересь Таяны.

¹⁸ Жозеф-Луи – король Ифраны.

А барон Обен Трюэль был недоволен. В порядке исключения он не преследовал никакой далеко идущей цели, а просто хотел, чтобы Тагэре убрался из Мунта. Герцог ему не поверил и имел на то веские основания. Обен и сам бы себе не поверил, и все же, все же Тагэре нравился ему много больше полоумного короля и его обнаглевшего родича. Фарбье вел себя так, словно у него на гербе не кошачьи следы¹⁹, а, самое малое, Великий Тигр²⁰, это не могло не бесить.

Трюэль был человеком циничным и равнодушным, но Шарль его чем-то тронул, и барон, посмеиваясь над своей чувствительностью, написал сестре в Фей-Вэйю. Он не собирался рисковать собой и своим положением, но и не предпринять вообще ничего отчего-то тоже не мог.

2850 год от В.И.

26-й день месяца Зеркала.

Арция. Постоялый двор «Веселый горшок»

Эстела ре Фло со вздохом отодвинула тарелку с истекающими маслом пирожками. Есть не хотелось, ей вообще ничего не хотелось, даже жить. Все, что было хорошего, все надежды, все радости остались в родном Фло, а ее продали. Продали. Чтобы спасти владения и обезопасить братьев, племянников, сестер, кузенов. Воспитанница! Ха! Ей никогда не выйти из монастыря, уж циалианки²¹ об этом позаботятся. Она примет постриг, и ее жизнь мало чем будет отличаться от заключения. Эста и раньше слышала, что Лумэны при помощи бланкиссимы²² Дианы берут в заложницы девушек из знатных семей, но не представляла, что именно ей уготована подобная участь. Сначала воспитанница, через два года – послушница, затем – монахиня, которой если и разрешат увидеть родичей, то лишь через решетчатое окошечко в монастырской приемной. Эстела помнила, как много лет назад они навещали сестру деда, и бледная женщина в белом тихо и монотонно говорила внучатой племяннице, что нужно молиться святой Циаля и слушаться папу с мамой, а Эсте отчего-то было страшно.

А ведь когда Вивьен увезли из дома, ей было столько же лет, сколько сегодня самой Эстеле. Уж лучше сразу умереть, чем заживо гнить всю жизнь, без солнца, без родных и... без Шарля Тагэре. При мыслях о внуке первого герцога Тагэре Эстела вовсе расклеилась, и доселе сдерживаемые слезы вырвались наружу. Девушка разрыдалась, уже не заботясь о том, что на нее смотрят и ее эскорт, и все, кто находился в зале придорожной гостиницы.

Валентин Рузо, сопровождавший Эстелу ре Фло в Мунтскую обитель святой Циаля, не был злым человеком, к тому же у него тоже были сестры. Белый рыцарь понимал, что девушкам всегда тяжело отрываться от дома, эта же, по мнению Валентина, вряд ли приживется в монастыре. За свои сорок с лишним он повидал немало благородных девиц, поначалу плакавших, затем молчащих, а в конце концов решительно поднимавшихся вверх по ступенькам циалянской иерархии.

¹⁹ Кошачий след – в Благодатных землях на гербах незаконнорожденных, в случае, если их права признаны монархом и Церковью, к фамильному гербу (сигне) добавлялся отпечаток кошачьей лапы. Если бастард не был признан, но есть четыре свидетеля, готовые подтвердить его происхождение, он может использовать герб того же цвета, что и фамильный, где в правом верхнем углу помещается уменьшенное изображение родового символа (золотого – для мужчин, серебряного – для женщин), а через весь герб наискосок изображаются отпечатки кошачьих лап.

²⁰ Тигр Мальвани (Великий Тигр) – изображение лежащего Тигра на фоне башни – родовая сигна Мальвани.

²¹ Орден святой равноапостольной Циаля – единственный, но очень влиятельный церковный орден, в котором состояли исключительно женщины. Циалянские сестры владели специфической магией. Во главе ордена стояла Наместница святой Циаля, носящая титул Ее Иносенсии. Главная резиденция ордена находилась в монастыре в Фей-Вэе, где хранилась основная циалянская реликвия – рубиновый гарнитур, некогда принадлежавший святой. Представительства ордена играли заметную роль в жизни всех стран, находящихся в лоне Церкви. В подчинении ордена находились Рыцари Оленя (называемые также Белыми рыцарями) – воины, давшие обет безбрачия и служения. Белый рыцарь при желании мог отказаться от своего обета, вступить в брак или перейти на службу какому-либо сигнору или монарху, для этого нужно было лишь поставить в известность сестринство и дать клятву не разглашать орденских тайн. Но вернуться единожды ушедший не мог.

²² Бланкиссима – титул циалянки высокой степени посвящения.

Такой была нынешняя Предстоятельница²³ ордена Виргиния, такой будет и юная Моника Бэррот, весной принявшая обет послушания, но вот эта темноволосая девочка, задыхающаяся от страха и обиды на судьбу... Рыцарю было жаль Эстелу, но помочь он не мог, да и права не имел. Ре Фло были могущественным семейством, а явная дружба нынешнего графа и его младшего сына с Шарлем Тагэре, столь выгодно отличавшимся от сидящего на престоле слабоумного Пьера, была занозой для всех, кто сделал ставку на Лумэнов. Тагэре в отличие от родоначальника новой династии не запятнали себя свержением законного короля и братоубийством. Лумэнов терпели, потому что на их стороне была Церковь, и потому что у баронской оппозиции не было головы, но наметившийся союз двух могущественных фамилий мог стать для них роковым. В лице Шарля Тагэре и Старого Медведя²⁴, Этьена ре Фло, оппозиция получала сразу двух вождей. Если же Эстела станет герцогиней Тагэре, то ее дети, особенно если наследуют отвагу и красоту Тагэре и честолюбие и ум владетелей Фло, могут не только потребовать корону, но и завоевать ее. Нет, бланкиссима Диана права, девушка должна стать циалянкой, это, возможно, удержит ее отца и братьев от мятежа.

Валентин подозревал, что заложниками Лумэны не ограничатся, и в глубине души был рад, что его миссия – только доставить девочку в монастырь. Куда печальнее, если бы его заставили поднять меч на Тагэре. В глубине души циалянский рыцарь не то чтобы сочувствовал Шарлю, но слишком уж тот выигрывал в сравнении с жалким полоумным юнцом, превратившим арчийскую корону в шутовской колпак. И это он, Валентин, не один десяток лет верой и правдой служащий бланкиссиме Диане и в ее лице равноапостольной Циале! Что же тогда говорить о других нобилях²⁵. Пьера большинство нобилей презирает и за глаза называет не иначе как дурачком, а Тагэре любят, а от такой любви до гражданской войны один шаг. Нет, бланкиссима правильно поступила, потребовав юную Эстелу, хоть и жаль ее, но покой в государстве и святое дело дороже.

Рыцарь покачал головой и потребовал старого чинтского. Несвоевременные мысли лучше всего запить. Скоро ему придется позабыть о вине – рыцарям Оленя пить не то чтоб запрещалось, но замеченные в этом могли забыть о продвижении вверх, сегодня же он еще не в обители, а в дороге, причем среди его людей, как ему кажется, доносчики отсутствуют.

Трактирщик принес кувшин и поспешно ретировался: простолюдины недолюбливали Белых рыцарей, хотя те и служили божьему делу. Нобили тоже предпочитали по возможности не иметь дел с теми, кто посвятил себя святой Циале, так что в уютной комнате с Эстелой и ее эскортом оставались лишь трактирщик с подавальщиками да маленькая серая кошка, в отличие от людей и не думавшая бояться воинов в белом. Валентин с умилением наблюдал, как зверушка деликатно доедает предложенное ей угощение. Затем киска подняла головку, так что стал виден аккуратный белый треугольник на шейке, и, коротко мяукнув, вспрыгнула рыцарю на колени, несколько раз обернулась вокруг себя и улеглась. Грубая мужская ладонь коснулась мягкой шерстки, кошка прищурила желто-зеленые глаза и замурлыкала. Доверие слабого всегда умиляет, и рыцарь с сожалением ссадил разнежившееся животное на пол, когда пол-оры спустя его вызвали на улицу. Гонец от Ее Иносенсии молча передал свиток, и, развернув его, Валентин ахнул.

Им предписывалось везти девушку прямо в Фей-Вэйю, минуя Мунт. Значит, юная Эстела понадобилась самой Виргинии! Что случилось, посланник не объяснил, возможно, сам не знал, но Валентин родился не вчера, объяснение могло быть лишь одно: Ее Иносенсия не наме-

²³ Предстоятельница, Предстоятель – глава церковного ордена. Главы наиболее значимых орденов (кроме циалянок) имели статус кардиналов.

²⁴ Изображение вставшего на дыбы медведя – родовой знак семейства Фло.

²⁵ Нобиль – дворянин, noblesка – дворянка.

рена оставлять в руках арцийской бланкиссимы, слишком часто заглядывающейся на рубины Циалы, такой козырь, как дочь Рауля ре Фло.

Скрипнув зубами, рыцарь отдал необходимые распоряжения воинам и поднялся в зал расплатиться. Хозяин гостиницы, узнав, что гости его покидают, с трудом скрыл вздох облегчения. Теперь предстояло забрать девушку. Та, к счастью, немного успокоилась, чему поспособствовала все та же трактирная кошечка. Валентин был, в сущности, незлым человеком и ничего не имел против, когда его подопечная захотела взять киску с собой. Трактирщик и вовсе лишь плечами пожал, но от дополнительной серебряной монетки, на которую можно было купить и прокормить дюжину мурок, не отказался. Вскоре опасные гости покинули гостиницу «Веселый горшок», и сразу же общая зала наполнилась смехом и разговорами.

2850 год от В.И.

27-й день месяца Зеркала.

Арция. Мунт

Обычно в эту пору в Мунте было теплее, но на этот раз осень взялась за дело раньше, чем обычно, до срока сорвав с деревьев разноцветную листву. Канцлер Луи Бэррот был человеком смелым, но иссиня-черные скрюченные стволы каштанов, лишившихся пышного летнего убранства, с детства вызывали у него безотчетный страх. Впрочем, для мерзкого настроения нынче были куда более серьезные основания, чем просто плохая погода. Жан Фарбье, заклятый друг и фактический правитель, не посоветовавшись, захватил Шарля Тагэре. Бэррот считал это чудовищной ошибкой, но он был в одной лодке с Лумэнами и бланкиссимой Дианой и понимал, что тонуть придется всем вместе, а тонуть сорокапятилетний нобиль ну никак не хотел. Он только весной закончил постройку нового особняка на Собачьей улице и поселил там очаровательную рыжую кошечку, чьим родичам пришлось дать хорошего отступного. Бэррот собирался провести осень и зиму в милых развлечениях, а эти уроды сделали все, чтобы страна заполыхала!

– Он не сопротивлялся? – Канцлер с трудом сдерживал раздражение, но командор Мунта, одновременно являющийся и начальником городской стражи, был не виноват в том, что получил идиотский приказ, а ссориться с ним было себе дороже.

– Нет, Тагэре не только не трус, но и не дурак. Вырваться из Мунта он все равно не смог бы. Я знаю, что его предупредили, но он решил, что ему не уйти. И правильно решил, между прочим, – маленькие глазки барона задержались на лице Бэррота, и тому стало не по себе, – синяки и капустницы²⁶ караулили на всех дорогах, его бы прикончили, разве что Проклятый бы помог...

– Кому он отдал шпагу? Вам?

– Никому.

– То есть?

– Красавчик Шарло переломил клинок о колено, бросил обломки за спину, скрестил руки на груди и, насвистывая, направился за синяками. Мое участие не понадобилось, чему я донельзя рад. Этот парень мне нравится. И не только мне. Молодые нобили, ошивавшиеся в королевской приемной, от его выходки были в восторге.

– Этого еще не хватало. Он в Замке²⁷?

– Где же еще... Диана с этим поганым Домиником добычу из рук не выпустят. Они хотят, чтоб Шарло сказал на площади то, чего он на самом деле знать не знает.

– Я бы предпочел быть в курсе всех дел.

²⁶ Презрительная кличка циалианок, возникшая, видимо, из-за их белых одежд, напоминающих расцветку бабочек-капустниц.

²⁷ Замок Святого Духа – совместная резиденция Тайной Канцелярии и ордена святого Антония Скорбящего.

– А как они могут обстоять? Жан с Дианой как тот чудака из притчи, который хотел и яичницу слопать, и цыплят осенью продать. – Обен разразился довольно-таки неприятным смехом. – Если им нужна правда, герцога следовало бы отдать палачам. Может, он что и сказал бы, хотя вряд ли... Заговоры не по его части, тут скорее нужно старика ре Фло потрясти, а Шарлю, тот все больше воевать любит да к женщинам в окна лазить. К тому ж беднягу придется предъявить народу, так что калечить его нельзя, а то мунтские бабы Лумэнов в клочья разорвут.

– Не паясничайте, Обен. Что сделано, то сделано. Вы не хуже меня знаете, что, пока Тагэре жив, спать нам не придется, так что нужно спешить.

– Ну и глупо, – махнул лапишей Обен, – красавчик не сделал ничего такого. Его любят, особенно на севере, это да, ну и что с того? Его отца тоже любили, а тот взял да и помер. И никто не виноват. А тут такого нагородили: и подложное письмо, и обвинение в измене, и публичное покаяние или чего там еще удумали. Тут недолго и голову сломать, причем свою...

– Это не ваше дело, – резко оборвал барона Бэррот.

– Вот уж нет, – Обен не собирался уступать, – дело самое что ни на есть наше, потому что королек ни хрена не поймет, даже если его вверх ногами повесят, эта чертова баба отсидится в монастыре, Фарбье не жалко, прибьют и ладно, а мне и вам, между прочим, по улицам ходить и по дорогам ездить. Вам нужно, чтобы какой-нибудь ополоумевший баронский сынок влепил нам в спину по стреле просто потому, что на наших плащах золотые нарциссы? Мне – нет!

Бэррот сжал зубы. Барон Обен Трюэль слыл хамом, пьяницей и взяточником, но знавшие его давным-давно убедились, что командор куда как не прост. Вот и сейчас проклятый пьянчуга смотрел в корень. Луи Бэррот был полностью с ним согласен: затея с захватом Шарля Тагэре была опасной и глупой. Однако ни его, ни Трюэля не спросили, все устроил Фарбье, заручившись согласием слабоумного короля и помощью своей любовницы. Ненависть всемогущего бастарда к Шарлю была общеизвестна, а недавний отказ ре Фло поженить единственную дочь Жана и одного из сыновей графа стала последней каплей. Старый Медведь заявил, что не собирается родниться с аганским²⁸ боровом, от которого за весу²⁹ разит кошками. Это была правда, но не вся. Хитрый ре Фло спал и видел свою дочь женой Тагэре, а внука – королем. Оскорбленный и встревоженный Фарбье начал действовать с грацией слона в посудной лавке. И как после всего этого прикажете обеспечить покой в столице?

– Ты прав, – угрюмо бросил Бэррот, – я говорил Диане и Жану, но они уперлись, как мулы. Ладно, что сделано, то сделано, а наше дело, чтобы в Мунте было тихо. Если Старый Медведь зашевелится, мы должны об этом знать.

– Мы? Ну, нет... Когда дело дойдет до драки, на меня и моих кабанов можно рассчитывать. А подслушивать, подглядывать и шарить под кроватями – на это синяки есть.

– Хорошо, – устало вздохнул Бэррот, – но чтоб с сегодняшнего дня патрули ходили в два, нет, в три раза чаще и чтобы все улицы, примыкающие к Люффере и ратуше, были освещены. Деньги для людей получите у казначея.

– Деньги это хорошо, – заржал толстяк, – но лично я предпочел бы получить их за другое. Связываться с Фло я злому врагу не пожелаю... Хоть бы кто вправил мозги этой Диане. Да там и мозгов-то нет, один гонор. Ну, прощай, монсигнор! – От могучего удара по спине Луи чуть не свалился, но ничем не выказал своего недовольства. Хорошими отношениями с Обеном нужно дорожить.

А насчет Дианы старый хитрюга прав, но циалянку может унять только циалянка. Жаль, Елена тут ему не помощница, напротив. Попробуй она вмешаться, Диана только бы укрепилась в своем решении. Если он хочет переиграть эту парочку, он ни в коем случае не

²⁸ Жан Лумэн носил титул графа Аганского.

²⁹ Мера длины, приблизительно равная расстоянию, которое за одну ору рысью проходит лошадь.

должен до поры до времени обнаруживать связь с ифранской бланкиссимой. Но и сидеть сложа руки больше нельзя.

Отец нынешнего Пьера был еще тем подарком, но он был королем и думал о том, что его потомки станут и дальше править Арцией, а вот сын, похоже, и вовсе не знает, зачем ему голова. Идеальный король для умного министра или духовника, но пока вокруг бедняги сплошные стервятники, которые думают о будущем не дальше чем на месяц вперед. Похоже, единственный способ выгнать взащей эту стаю – найти Пьеру подходящую невесту. Правда, бедняга не нуждается в женщине, но это и к лучшему. Он найдет королеву... для себя. И с ее помощью покажет, как нужно управлять государством. И хорошо бы, чтобы Жан со своей бланкиссимой поначалу считали, что это они подобрали подходящую девушку. Решено, именно этим он и займется, когда расхлебает историю с Шарлем.

2850 год от В.И.

29-й день месяца Зеркала.

Арция. Фей-Вэйя

– Говори все как есть, ты меня знаешь, делать при мне хорошую мину при плохой игре не стоит, – покачала головой полная женщина лет тридцати с небольшим, – так что натворили эти уболюдки?

– Шарль Тагэре явился в Мунт по приглашению короля, при нем была охранный грамота, подписанная Пьером. Сейчас он в Замке Святого Духа. – Загорелый воин с упрямым подбородком с наслаждением взял с подноса посыпанную корицей булочку, закрученную наподобие раковины улитки – Фей-Вэйя славилась своими стряпухами.

– Да ты не стесняйся... Все только из печи, я бы с удовольствием к вам присоединилась, но я и так больше похожа не на лань³⁰, а, прости святая Циала, на свинку...

– Если сигнора простит мне такое, то пышки куда приятнее сухарей. – Вообще-то Агриппину Трюэль, сестру-наставницу в Фей-Вэе, полагалось называть «бланкиссима», но Антуан знал и ее, и ее брата с детства. Да и сама Агриппина, когда они оставались наедине, с готовностью откликалась на мирское обращение, тем паче новости, о которых сообщал Обен, не оставляя времени для этикета.

– Спасибо, Антуан, но приличия требуют, чтобы циалианская сестра не походила на жену трактирщика.

– Как глупо!

– Не спорю, но я привыкла. Какие обвинения предъявили герцогу?

– В заговоре против короны.

– Доказательства?

– Доказательств нет, если не считать свидетельств людей, которым бы я не поверил, даже скажи они в месяц Вепря, что на улице снег.

– Даже улики не подготовили? Это неразумно... Именно неразумно...

– Вот и сигнор Обен говорит то же, что и вы, сигнора Агриппина.

– Значит, Обен согласен со мной... Это и радует, и огорчает. Радует, что брат думает так же, и огорчает, потому что такую ошибку легче совершить, чем исправить... Как вы думаете, Антуан, они оба рехнулись, Фарбье и Бэррот? Или кто-то один? Что они думают делать и что говорит Диана?

– Все затеял бастард. Бэррот вне себя и думает, как выскочить из горящего курятника, не подпалив хвост. Диана довольна. Она считает, что смерть Шарля Тагэре окончательно обезопасит трон Пьера.

³⁰ Белый Олень – символ ордена святой равноапостольной Циалы, одно из канонических изображений которой представляет святую, возложившую руку на голову лежащего у ее ног оленя.

– Дура, – не выдержала собеседница Антуана. – Самый страшный враг Лумэнов – сами Лумэны, вольно им было сотворить все глупости, которые только можно удумать. Их распрескрасный Пьер – слабоумный. Это даже мунтским тараканам известно, а слабоумный король – вечное искушение для любого сильного нобиля. Пока Тагэре на свободе, но не посягает на трон, другие поневоле сидят тихо, так как у Шарля поболее прав, чем у всех остальных, вместе взятых. Если его убить, объявится толпа мстителей с прицелом на корону. Лично я при таком раскладе за Пьера гроша ломаного не дам, они и оглянуться не успеют, как на троне окажутся ре Фло или Мальвани...

– Вот-вот, – Антуан запил угощение вином и блаженно улыбнулся: – Шарль Тагэре не больно хочет усесться на трон, но кошкин хвост в это не верит.

– Каждый судит по себе, дорогой... Ты когда возвращаешься?

– Как только бланкиссиме, – в устах Антуана титул прозвучал как-то интимно, – будет угодно меня отпустить.

– Я еду с тобой.

Антуан пожал плечами. Он и не сомневался, что она поедет. Антуан Кроасс не первый год варился в мунтской грязи, он знал, что делал его молочный брат и господин, когда посылал отвезти сигноре письмо, сообщающее, что у ее третьего племянника режутся зубки. Разумеется, тетушка Агриппина, узнав новости, не останется в стороне, но решение ехать в столицу – только ее решение. Обен ни при чем.

2850 год от В.И.

6-й день месяца Волка.

Арция. Фло

Сквозь щель в занавесках можно было видеть кусок луны, через которую неслись похожие на гончих облака. Было ветрено, и ветки огромного клена назойливо скреблись в окно, воскрешая в памяти веселые истории об оживших мертвецах и прочих прелестях.

– Отец, что мы будем делать? – Рауль ре Фло старался говорить спокойно.

– Ничего, разумеется... Пока ничего. – Немолодой мужчина, вполне достойный иметь своей сигной медведя, задумчиво потер переносицу. – Бедняга Шарль угодил в ловушку, тут уж ничего не поделаешь. Взять Мунт я пока не могу, если бы мог, крысеныш не просидел бы на троне и недели.

– Но не можем же мы бросить Шарло?

– Разумеется, не можем, – Старый граф подошел к столу, зачем-то тронул бронзовую чернильницу в виде спящего медведя и отошел к окну. – Проклятье! Надо же было такому случиться именно тогда, когда я был в отъезде. Ты не должен был пускать его в Мунт, хотя бы ему привезли не одну, а дюжину охранных грамот. Пьер подписывает все, что ему подсовывают, хоть пустой лист, хоть непристойные вирши... Я думал, в свои двадцать девять твой друг научился хоть чему-то, а он... Или ты чего-то недоговариваешь?

– Да нет, все так и было. Король писал, что его уговаривают заключить мир с Ифраной, но что он хочет выслушать не только тех, кто сидит в столице, но и тех, кто воюет. Разумеется, это было изложено иначе, но смысл таков.

– И вы не учуяли ловушки?

– Мы долго думали, отец... Но Пьер, он же блаженный, он действительно мог такое написать. А если так, мешкать было нельзя.

– Да кто б ему дал это написать?! Эта лиса Жан или его капустница? Не смешите меня! Да и сам королек... Я отнюдь не уверен, что он и читать-то умеет. И вы с Анри пустили Шарло одного?!

– Ну, он взял с собой охрану и оруженосца.

– А собак и кадку с геранью не прихватил случайно?! Если уж вы решили поверить, то ехать в Мунт должен был ТЫ. Случись с тобой что, у меня останется еще два сына и пятеро твоих оболтусов-племянников, не говоря уж о девчонках, а Шарль Тагэре один! Ты с ним так спелся, что забываешь, какой он крови, а вот Лумэны помнят.

– Ты прав, отец, но что теперь делать?

– Не знаю! – отрезал старый граф. – Мы можем сделать вид, что нас это не касается, а можем поднять восстание. Если сговориться с Мальвани, закрутим такое, что Лумэны удерут впереди своего визга в Авиру и дальше. Только вот Шарлю это не поможет... Да и я, как бы ни гордился своей родословной, помню, что Фло не Аррой.

– Но неужели ничего нельзя сделать?

– Во имя Проклятого! – рявкнул ре Фло-старший. – Для того чтобы что-то делать, нужно быть в Мунте, а ты все еще тут торчишь!

– Отец, значит, мне... Значит, я...

– Значит, ты одеваешься попроще, состригаешь эти проклятые лохмы и отправляешься. Этой же ночью. Возьмешь с собой Жака и Эдгара. Да, пускай этот плут тебе волосы и брови осветлит. Золота бери, сколько сможете увезти, пригодится. Чем только Проклятый не шутит, когда Циала спит. Жак в свое время кое с кем в Мунте знался, ты его слушай, но решай сам. И запомни: лучше смерть, чем дюз³¹... Для всех ты тут с девицей загулял, и я даже знаю с какой.

– А Эста?

– А о ней придется забыть. Да не дергайся ты! Пока ей косы отрежут, три года пройдет, за это время много чего случиться может.

2850 год от В.И.

6-й день месяца Волка.

Фей-Вэйя

Ее Иносенсия с любопытством рассматривала невысокую девушку с темно-каштановыми волосами. Красива, ничего не скажешь. И, похоже, неглупа. Хотя чего в этом удивительного? Быть ре Фло – это почти наверняка быть красавицей и к тому же незаурядной личностью. Эстела совсем молода, из нее можно вылепить что-то полезное. Эта надутая гусыня Диана видела в юной графине только заложницу, а зря. От девчонки, если ее приручить как следует, может быть прок.

Диана с Еленой уже полагают Рубины своими, причем каждая обманывает другую. Ну и пусть им. Она намерена прожить еще лет пятьдесят, если кто-то из наследниц не укоротит ее жизнь, а это вряд ли: обе крысы понимают, как за ними следят. Но с помощью Эстелы ре Фло можно перетянуть на свою сторону ее отца и братьев. Совсем уж ломать их не стоит, пусть думают, что играют свою игру, пусть даже выигрывают, но в самом крупном выигрыше будет она... Она добьется того же, что святая Циала, и будет Архипастырем всех Благодатных земель³².

– Я рада видеть тебя, дитя, – Ее Иносенсия поцеловала Эстелу в лоб, – тебе следует с дороги переодеться и отдохнуть. Утром я поговорю с тобой и дам тебе наставницу, которая подготовит тебя к Вопросам³³. Дениза... – Юная девушка в белом бесшумно склонилась перед бланкиссимой. – Отведи свою новую подругу в ее комнату и позаботься о ней.

³¹ Дюз – в Арции небольшой монастырь-тюрьма, где содержались узники, обвиненные в недозволенном колдовстве, богохульстве, государственной измене и оскорблении властей.

³² Благодатные земли – с 2613 года «земли, осиянные светом Церкви Единой и Единственной» (Арция, Ифрана, Эскота, Фронтера, Оргонда, Элл, союз вольных дарнийских городов). Ранее так называли все земли, населенные людьми. После 2613 года это было запрещено Церковью, полагающей слово «благодатный» по отношению к иноверцам (атэвы, хаонгцы), язычникам (жители Дальнего Сура) и еретикам (таянцы) неуместным.

³³ Вопросы числом семь и четыре задаются воспитаннице, вступающей в обитель. Семь касаются ее знаний в области

Дениза почтительно наклонила головку: слушаю Ее Иносенсию.

– Вот и хорошо, идите, дети мои. Я еще должна поговорить с нашим рыцарем.

Аудиенция была окончена, Эстеле оставалось только поклониться и выйти. Вроде бы все было хорошо, ее никто не обижал, Ее Иносенсия была ласкова, а другие сестры добры и внимательны, но девушка отчего-то чувствовала себя так, словно ее, обнаженную, привязали к позорному столбу, как уличенную в прелюбодеяние. Эста была не робкого десятка, да дочь старого Этьена и не могла вырасти трусливой дурочкой, но Виргинию она боялась, боялась до безумия, до дрожи. Она скорее согласилась бы оказаться среди сотни разбойников, чем рядом с этой женщиной, красивой и холодной, словно вылепленной из снега. Только добравшись до своей комнатки и тщательно затворив дверь – засовов воспитанницам не полагалось, – Эстела ре Фло немного перевела дух. Святая Циала, как же она хотела домой, к отцу, к маме, братьям...

Сейчас они наверняка сидят в большом зале у камина. Отец маленькими глотками пьет из своего любимого кубка подогретое вино, мама вышивает очередной покров для замкового иглеция, Леон и Морис, по обыкновению, препираются, а Марион пытается читать, но нет-нет да и вставляет пару реплик. А может быть, во Фло приехали Рауль и герцог Тагэре. Тогда они заперлись с отцом в его кабинете, и папа наверняка убеждает Шарля заявить о своих правах на корону, а тот смеется и говорит, что не хочет.

Эста знала, что отец прочит ее в жены красавцу герцогу, но пока дальше намеков дело не шло. Девушка так и не поняла, любит ли ее Тагэре или просто относится к ней как к дочери своего старшего друга и союзника. Впрочем, Эстела не сомневалась, что папа все уладит, и тут за ней приехали. Сначала она надеялась, что ее не отдадут, но, увы, даже ре Фло не могли отказать бланкиссиме Арции. Она совсем уже впала в отчаянье, но оказалось, что ее привезли не в Мунт, а в Фей-Вэйю. Эстела-Ангелина-Рамола ре Фло была истинной дочерью своего отца и знала, что бланкиссима Диана и Ее Иносенсия отнюдь не одно и то же. Но вспыхнувшая было надежда погасла. Кто его знает, какой была Диана, но Виргиния оказалась очень страшной. Девушка не могла понять, почему она так думает, она просто знала. Если бы она могла бежать, она бы бежала, но из Фей-Вэйи, охраняемой не только высокими стенами и рвом с водой, но и магией, выйти было невозможно...

Мягкий удар отвлек девушку от невеселых размышлений. Привезенная с разрешения рыцаря Валентина трактирная кошечка бесцеремонно вскочила ей на колени и всячески старалась потереться о лицо. Эста прижала мурку к груди и разрыдалась.

2850 год от В.И.

6-й день месяца Волка.

Арция. Мунт

Камера была небольшой, но чистой и, если бы не решетки на окнах и тяжелая дверь, вполне бы сошла за комнату в третьеразрядной гостинице. С тех пор как Скорбящие Братья окончательно сговорились с судебными магиками, заплочных дел мастера, гнилая солома и железные цепи стали уделом воришек, фальшивомонетчиков да контрабандистов. Тех же, кто оказывался достаточно смел, чтобы затевать интриги, и достаточно глуп, чтобы попасться, ожидала участь куда более мерзкая.

Шарль Тагэре не верил, что сила, которая подчиняется синякам, от Творца, но откуда бы она ни шла, она была, и против нее считались бессильными любая воля и любой меч. Он слышал, что здешние маги каким-то образом подчиняют тела узников, заставляя делать и проносить все, что хотят допросчики. К счастью, те не умели развязывать языки своим жертвам

Священной Истории, а четыре, которые вернее назвать испытаниями, имеют целью выявление и оценку магических способностей, буде таковые окажутся. Последнее является строжайшей тайной ордена, и испытуемые и не догадываются об истинной цели ритуала.

и тем более читать мысли. От Старого Медведя Тагэре знал, что синяки неустанно совершенствуются в своем искусстве, надеясь овладеть не только телами, но и душами. Шарло надеялся, что он этого уже не увидит.

Герцог постарался поудобнее раскинуться на кровати: что толку метаться по комнате, радуя тюремщиков. Этого удовольствия он им не доставит. Если бы только вырваться! В глубине души Шарль не верил, что он, никогда и никого не боявшийся, словно глупая птица папалло из южных краев, станет повторять чужие слова о собственной вине. Он всегда считал себя сильным, вот и посмотрим, чего он стоит. Самое малое, что можно сделать, это публично отрицать свою вину, тем паче он действительно не злоумышлял против этих ублюдков, и, право слово, зря!

Полоумный король, пляшущий под дудку мерзавцев и выжиг, это не то, что нужно Арции. Святой Эрасти не зря наградил Пьера Пятого таким сыном: Лумэны преступили все законы божеские и человеческие и должны уйти. Если он вырвется, он так и сделает то, в чем его обвиняли: поднимет восстание, и еще вопрос, за какими нарциссами³⁴ пойдет Арция. Но сначала выжить. Проклятый! Из Замка Святого Духа не убежишь, по крайней мере без посторонней помощи. В магии же он, увы, не силен. Скорбящие и синяки не подпускают простых смертных к своим тайнам, даже печатных волшебников и тех подмяли. Оно и понятно, без волшбы эти уроды как гадюки без яда. Впрочем, циалианки тоже хороши, в их монастырях, говорят, всякое творится.

Интересно, где сейчас Рауль? И вернулся ли старый граф? Они что-то должны предпринять, но, сильные на севере, в Мунте ре Фло почти что изгой. А Анри в Сарриже. Каким он был дураком, отговорив его ехать с ними. А может, Рауль догадается взбунтовать войска? На радость Жозефу! Куда ни кинь, везде клин! Да и Мунт, как назло, принадлежит Лумэнам, хотя простолюдины, конечно, и не питают к ним особой любви. Но достаточно ли этого, чтобы вспыхнул бунт? Пожалуй, да, если за дело возьмется Старый Медведь! Его могут попытаться освободить в момент покаяния, беда в том, что Лумэны это тоже понимают...

2850 год от В.И.

8-й день месяца Волка.

Арция. Мунт

«Помяни, Творец, равноапостольную Циалу и всю кротость ее...» Бланкиссима Агриппина сдерживалась из последних сил. Кварта³⁵, проведенная в Мунте, окончательно открыла глаза на всю бездну глупости и гордыни, в которую скатились арцийская бланкиссима и ее соратники, управляющие от имени слабоумного короля. То, что Диана мысленно на себя нацепила Рубины Циалы, новостью ни для кого не было, но все же следует соблюдать хоть какие-то приличия. Агриппина не любила Виргинию, считая ее самоуверенной, жестокой и равнодушной, но Ее Иносенсия хотя бы не была дурой. Да, Виргиния, безусловно, не была дурой, потому-то она и поставила во главе самой значимой резиденции ордена одну из двух своих основных соперниц. В Фей-Вэе Диане могло прийти в голову все, что угодно, а в ядах и магии она разбиралась превосходно даже по орденским меркам.

На первый взгляд Виргиния могла отделаться от излишне предприимчивой сестры куда проще. Можно было отправить ее в какое-нибудь второразрядное герцогство, а то и к самой равноапостольной Циале, но это означало бы усиление засевшей в Ифране тихони Елены, которая была не меньшей змеей, чем Диана, разве что не гремучей, а подколенной. Догадаться, как

³⁴ Нарцисс – символ принадлежности к роду Арроев, символ Лумэнов – желтые или золотые нарциссы, Тагэре – белые или серебряные.

³⁵ Время, за которое Луна проходит одну из своих фаз, приблизительно равно семи суткам.

и когда укусит авирская бланкиссима, не взялась бы даже Агриппина, хоть она и выросла в доме не последнего из мунтских интриганов.

Сажая в Арции Диану, Виргиния ссраивала ее с Еленой. Пока ни одна из них не съела другую, Ее Иносенсия могла спать спокойно. Ее Иносенсия, но не Агриппина, которая, в отличие от всей троицы и своей подруги и покровительницы бланкиссимы Генриетты, настоятельница обители в Фей-Вэйе, думала не о том, как заполучить и удержать Рубины Циалы, и даже не о том, чтобы повторить успех святой, до сих пор остававшейся единственной женщиной-Архипастырем, но исполнить то, ради чего в свое время и создавался орден. Агриппина верила в опасность, нависшую над Благодатными землями, и понимала, что встретить ее следует во всеоружии. Именно для этого власть духовная и светская должна соединиться в одних руках, а любая магия, даже самая простая и незначительная, должна исходить либо от самого Ордена, либо от полностью ему подотчетных печатных и судебных магов. И уж, само собой, ни одна волшба, даже самая пустячная, но чужая, не должна укрыться от Фей-Вэйи.

По расчетам астрологов, Благодатные земли в самом недалеком будущем ждут тяжелые времена, а с учетом того, что говорится в древних книгах, о которых сегодня из всех сил стараются забыть, можно ожидать худшего.

Агриппина была уверена, что книги не лгут, и Проклятый может вернуться, но у Тарры больше нет святой Циалы, способной остановить его. Арцийская империя развалилась, и ее обломки грызутся друг с другом, как бродячие псы. Церковь раздирают склоки, Архипастырь слаб, а кардиналы и, что греха таить, святые сестры заняты своими делами. Они не смотрят на небо, со страхом ожидая появления Темной Звезды... Агриппина давно поняла, что рассчитывать может лишь на себя самое.

Женщина не заблуждалась на свой счет: природа не наделила ее ни магическими способностями, ни красотой, ни умением вести за собой других. Ради нее не совершали ни подвигов, ни преступлений, Белые рыцари не посвящали ей сонетов, они занимали у нее деньги и с аппетитом поедали всяческие вкусности, которыми она их угощала. Плотная круглолицая сестра не могла стать ни владычицей, ни прекрасной дамой, и она становилась наперсницей, утешительницей, советчицей. Ей не завидовали, ее не боялись, ее не принимали в расчет, а она знала и запоминала все, что происходит в Фей-Вэйе, а ее брат сообщал ей об арцийских делах.

Постепенно в голове бланкиссимы стал вырисовываться план, который был ей по силам. Она принимала воспитанниц и послушниц, возможно, ей удастся найти и вырастить новую Циалу, а пока следует делать все, чтобы Елена и Диана грызли друг друга и не могли догрызть до конца. Пусть Виргиния следит за ними и только за ними, а Генриетта за Виргинией. Тогда все на первый взгляд мелкие и скучные дела будут в руках недалекой, но невероятно трудолюбивой и ни на что не претендующей Агриппины, а уж она постарается.

Именно поэтому Агриппина сейчас в Мунте. Ей не нравится то, что затеяли Диана со своим любовником, а то, что незаконный дядюшка короля – любовник бланкиссимы, круглолицая сестра знала наверняка. Вообще-то за любовные пашни циалианку ждало суровое наказание, но не пойман – не вор, а ловить Диану за руку было рано.

Занятно, что в истории с Тагэре смерть герцога была нужна всем. Елену устраивала гражданская война в Арции, которая неминуемо разразится, если Шарль Тагэре будет предательски убит. Диана хотела уничтожить единственного законного претендента на арцийский трон и тем обезопасить короля, а точнее своего Фарбе и собственную власть. Виргинии было нужно ослабить обоих, Генриетта ждала ослабления Виргинии, и только Агриппина загадывала дальше, чем на шаг вперед. Она слишком хорошо помнила пророчество о том, что придет год Трех Звезд и поднимет меч Последний из Королей.

Если Блаженный Эрик, прозревший будущее, говорил об арцийской династии, то последним из королей мог быть либо Пьер Лумэн, либо Шарль Тагэре. Пьер был жалок и вряд ли способен поднять не то что меч, но даже ложку, а Шарло... Агриппина еще раз вспомнила

то, что знала про герцога. Этот МОГ стать защитником Света и Веры, за ним бы пошли. Да и прав на корону у него больше, чем у Лумэнов. По Коронному Праву тот, кто отобрал у законного наследника титул, владения, имущество или что другое, принадлежащее тому по праву первородства, подлежит наказанию. Захваченное же должно быть возвращено законному владельцу или его потомкам, а в случае отсутствия таковых ближайшему родственнику по мужской линии, не являющемуся прямым потомком захватчика. Лумэны – узурпаторы, а значит, трон принадлежит Тагэре. Неудивительно, что Диана и Жан хотят избавиться от герцога до того, как тот женится и обзаведется потомством, тем паче ему предложил союз граф ре Фло. Диана постаралась прибрать к рукам и Эстелу, но тут уж Агриппина пустила в ход все свое умение, благо брат вовремя сообщил о планах мунтской бланкиссимы.

Виргиния узнала все и, разумеется, приняла меры. Сейчас юная ре Фло в Фей-Вэйе. К сожалению, Агриппина отнюдь не была уверена, что у Ее Иносенсии хватит терпения и ума потихоньку привязать к себе юную ноблеску. Только бы она не испробовала над девушкой одно из тайных заклятий, которые хороши с теми, кто, сделав свое дело, становится не нужен и может спокойно отправляться, скажем, к святой Цiale. Эстелу ре Фло следует сделать не оружием, а союзницей, дело это хлопотное, но нужное. Агриппина не сомневалась, что ей удастся поладить с девушкой, если только Виргиния не вздумает гнать коней, но сначала нужно решить с Шарлем. Его следовало спасти, но как? Проклятый знает, каким он будет, после того как проведет несколько ор в Цепи Раскаяния.

Агриппина не слишком хорошо понимала, как работает этот артефакт, сотворенный три сотни лет назад Старшим Судебным Магом, унесшим тайну своего детища в могилу, но те, на кого надевали Цепь, теряли всякую волю к сопротивлению и действительно ощущали себя ничтожнее и презреннее роющегося в навозе червя. Бедняги чуть ли не с наслаждением каялись и кричали о своей скверне и ничтожестве, заодно признавая любые грехи, действительные или мнимые. Агриппине не хотелось видеть Шарля Тагэре в таком состоянии, но отменить экзекуцию было не в ее власти. Увы, она не кардинал и не король. Король? Пьер безумен, но необыкновенно добродушен и жалостлив, и он должен присутствовать при церемонии. Его Величеству вряд ли понравится вид человека в рубище и на коленях, палача в красной маске и плахи с топором. Если подсказать нужные слова, то монарх, словно ребенок, увидевший возможность увернуться от неприятного зрелища, непременно помилует мятежника! Это единственный способ сохранить Тагэре рассудок и честь.

Правда, это укрепит Лумэнов, хотя бы потому, что Шарль никогда не поднимет меч на спасшего его человека, даже если это безумец, но Пьер не вечен. Возможно, он умрет несколько раньше, чем ему предназначено природой, умрет и, безусловно, окажется в царстве Божием, ибо невинен, как дитя. Ну, и хвала святой Цiale...

– Бланкиссима...

Агриппина вздрогнула от неожиданности. Надо же так задуматься в чужой приемной. Циалианка подняла голову. Перед ней стояла совсем юная девушка, вернее, девочка в белом с синей полосой по подолу платье и белой косынке. Воспитанница!

– Что тебе, дитя?

– Бланкиссима Агриппина, бланкиссима Диана задерживается во дворце и велит передать свои извинения и просьбу обязательно ее дождаться.

– Разумеется, я подожду. Как тебя зовут, дитя мое?

– Соланж. – Девочка опустила глаза, и Агриппина невольно залюбовалась длинными загнутыми ресницами. У нее самой реснички были короткие и светлые, как у поросенка, в юности это печалило, сейчас стало безразлично.

– У тебя темные брови и синие глаза. В Арции это встречается нечасто.

– Моя матушка из Эскоты, бланкиссима.

- Из Эскоты? Но почему тебя не отдали в Данлейскую³⁶ обитель?
- Моя матушка вышла замуж за нобиля из Эстре.
- Я бывала там когда-то... Как зовут твоего отца?
- Раймон ре Ноар. Он умер в прошлом году от красной лихорадки.
- Странно, что матушка отпустила тебя. После такой утраты семьи стараются держаться вместе.
- Матушка умерла годом раньше. – Синие глаза заволокли слезы.
- С кем же ты осталась?
- С сестрой отца...

Бланкиссима сама не понимала, зачем расспрашивает эту девочку о ее делах, но Соланж казалась такой одинокой и потерянной, что Агриппина, привыкшая вытирать чужие слезы, просто не могла пройти мимо этого создания. Да и делать ей в приемной Дианы было нечего, так почему бы не расспросить воспитанницу с северной границы о том, как и почему она оказалась в столичной обители.

2850 год от В.И.

8-й день месяца Волка.

Арция. Фей-Вэйя

Виргиния откинулась на спинку резного кресла, смакуя свою победу. Она все же разгадала древний секрет! Разгадала без Утраченной Вещи³⁷ и древней Крови, то есть сделала то, что считалось невозможным! Только ум, воля и ее собственная Сила, которая ей тоже не просто так досталась. Сегодня она поднялась еще на одну ступень. Жаль, наслаждаться победой можно лишь в одиночестве, слишком драгоценны обретенные знания, чтобы доверить их кому бы то ни было, даже лучшей подруге Генриетте и этой толстой курице Агриппине.

Да, сам фокус не нов, синяки давно практикуют нечто подобное, но зачем тащить груз волоком, если его можно везти на тележке? В Мунте судебные маги втроем надевают на одного узника Цепь, а потом валяются без задних ног. И это при всех их артефактах, без которых они что змея без зубов. А вот она в одиночку заставит любого СДЕЛАТЬ то, что она хочет. Убить, украсть, изнасиловать, опозорить себя и других. А потом... Потом этот человек станет ее рабом, так как доказательства его вины будут у нее.

Без этого не обойтись, заклятье подчинения действует только в непосредственной близости от наложившего и ограниченное время. Говорят, некогда умели удерживать «взнузданных» и издалека, но это умение утрачено вместе с талисманом, который не отыщут вот уже шестьсот лет. Синяки полагают, что без него не обойтись, но она обошла некоторые запреты, почитавшиеся непреложными, и ничего! Хотя, правду сказать, если б не синяки, она бы не сумела отыскать верную дорогу. Сначала она разобралась, как действуют господа судебные маги, а потом пошла дальше. Но и это лишь начало...

Ее Иносенсия не находила себе места, до того хотелось немедленно испытать новое умение. Начинать лучше с кого-то неискушенного, сестры же обладают кое-какими знаниями. Разумеется, ее основная цель – Елена и Диана, а затем – Генриетта. Подруги имеют обыкновение предавать, так пусть наперсница будет чем-то запятнана, тем паче после поражения основных соперниц Гета может вообразить о себе больше чем нужно. Пожалуй, она начнет с кого-то из воспитанниц, которые ничего не понимают в магии.

³⁶ Данлея – столица Эскоты.

³⁷ Утраченная Вещь – так циапианки называли мощнейший артефакт, принадлежавший герцогу Михаю Тарскому и исчезнувший во время Войны Оленя.

В том, что новая волшба не принесет им физического вреда, она уверена. Чтобы убивать или калечить, у нее есть другие заклятья, а это просто заставляет любую тварь делать то, что хочет заклинатель, причем делать с удовольствием.

Предстоятельница ордена равноапостольной Циалы мысленно перебрала всех служанок и воспитанниц и, припомнив одно имя, улыбнулась! Вот оно! Она совместит приятное с полезным. Игрой в стенах ордена мир не исчерпывается, чтобы стать Архипастырем, нужна поддержка не только клириков, но и светских владык. Старый Медведь любит свою дочь, он опытный интриган и сильный воин. С него и начнем, вернее, не с него, а с маленькой Эстелы.

Жаль только, если подтвердится ее догадка о зависимости силы полученного заклятия от крови. Виргиния, к несчастью, изначально была напрочь лишена магических способностей. То, что Ее Иносенсия стала сильным магом, было результатом железной воли, изощренного ума и некоего средства, о котором ей посчастливилось узнать. Если б в ней была хотя бы капля Старой Крови, она бы горы своротила, а так приходится довольствоваться не то чтобы малым, но меньшим, чем хотелось бы. Она как человек, лишенный слуха, который все же научился играть по нотам на клавикордах, но никогда не напишет своей песни... Впрочем, отыскать кого-то, изначально способного к высшей магии, нынче трудно, а уж к магии Оленя и подавно! Да и откуда им взяться?

Виргиния прочла достаточно, чтобы понять: если не считать свалившегося из ниоткуда Проклятого, лишь святая Циала и ее отдаленный родич Рене Аррой, да, пожалуй, Эрасти Церна обладали магическим даром. Природных магов нужно искать либо в семействе мирийских герцогов, либо потомства Тарских господарей, в свое время смешавшихся с таянским королевским домом, а через него с эландскими Арроями. Эти, пожалуй, смогли бы устоять перед ее заклятьем, если, разумеется, достанет силы воли. Но в Эстеле Силы ни на грош, так что неожиданностей не предвидится...

Ее Иносенсия встала, поправила и без того безупречно лежащее покрывало, посмотрела в зеркало. Она себе нравилась. Именно такой и должна быть наместница святой Циалы. Красивой и холодной. Конечно, еще лучше было бы походить на свою великую предшественницу. Теперь она могла бы подправить свою внешность, но это было бы несерьезно. Все знают ее такой, какая она есть, пусть такой и остается. В конце концов, каштановые волосы и светлогриые глаза тоже неплохо...

Виргиния вышла из своих покоев, и дежурившая в приемной сестра торопливо поклонилась.

– Цецилия, – она знала по именам всех обитателей Фей-Вэйи, даже самых незначительных, – я намерена посетить воспитанниц. Возможно, некоторых придется наказать, и сильно. Не обращайтесь внимания и не мешайте мне.

– Слушаю Ее Иносенсию...

Но Ее Иносенсия ответа не слышала, зачем? Приказание будет исполнено, потому что иначе не может быть. Теперь всплески магии, которые уловят Кристаллы³⁸ дежурных сестер, будут списаны на наказание нерадивых. Виргиния, придерживая рукой белое платье, спустилась на этаж, где жили воспитанницы; прошла низким сводчатым коридором, тускло освещенным единственным окном, выходящим на двор. Комната Эстелы ре Фло была в самом конце. Предстоятельница нажала на медную ручку и вошла.

Девушка сидела в обнимку с серой кошкой. Это было послабление, за которое сестра Агриппина, когда вернется, будет наказана. Животные не должны заходить в комнаты, их место на улице, в подвалах, на худой конец в кухнях, но сейчас не до кошки.

³⁸ Кристалл Поиска – магический инструмент, изготовленный из кристаллов дымчатого кастеора, применяемый для того, чтобы узнать, не творится ли рядом волшба. Недостатком К.П. являлось то, что они не чувствовали заклинания, произносимые в непосредственной близости от держащего их.

Виргиния оценивающе смотрела на забившуюся в угол дочку могущественного Этьена. Она сегодня же подчинит ее. Эстела ей нужна, но не как узница, а как добровольная помощница. Можно, конечно, вбить девчонке в голову, что она на поводке, но это риск. То, что бланкиссима слышала про Старого Медведя, не обнадеживало. Он уже в двадцать с небольшим водил за собой испытанных ветеранов и ни разу не проигрывал по-крупному. Если граф как следует надавит на дочь, та нарушит любую клятву, а наказания не последует. Тут даже последняя дурочка поймет, что ее обманули! Нет, Эстелу нужно повязать чем-то позорным, только тогда она станет надежным орудием. Но сначала она убедит ее в своем могуществе, вызовет в ней животный страх. Это не столь уж и трудно... Затем – два или три Приказа, поход в подвал – и готово. Она никогда не расскажет, что видела и что делала, и, чтобы утаить это от близких, пойдет на все!

Виргиния сосредоточилась, очищая разум от всего лишнего. Сейчас она проверит новое заклятье, а юная Эстела станет первой, на ком будет опробован результат многолетних поисков. А дочка грозного Этьена начинала что-то понимать. Она судорожно сглотнула и покрепче прижала к груди свою кошку. Было видно, что ей страшно, очень страшно, но у девчонки хватило мужества выдержать взгляд Предстоятельницы. Что ж, это не так уж и плохо. Если она в состоянии сопротивляться, значит, будет в состоянии испытывать стыд.

Виргиния холодно улыбнулась и приказала: «Выбрось эту тварь в окно!»

– Нет, – с усилием выдохнула девушка, – я не сделаю этого.

– Почему? – Голос циалянки был холоден, как зимняя луна.

– Потому что я люблю ее! – выдохнула Эста. – А она любит меня.

– Любишь? Сейчас я покажу тебе, чего стоит эта любовь. – Предстоятельница пренебрежительно махнула рукой в сторону кошки. – Ты любишь ее, кормишь, ласкаешь, говоришь с ней как с человеком. А она сейчас вцепится тебе в лицо. Смотри!

Губы Ее Иносенсии шевельнулись, свет свечей стал молочно-белым. Эстеле стало еще страшнее, хотя, казалось, такое было невозможно. Ее глаза, не отрываясь, смотрели на маленькую серую кошечку, а та... та и не думала нападать. Она легко высвободилась из вдруг онемевших рук девушки, спрыгнула на пол и, усевшись на полу, занялась интимным туалетом, не обращая никакого внимания на Предстоятельницу. С трудом заставив глаза повиноваться, Эста перевела взгляд на свою мучительницу и увидела на холеном лице досаду. Виргиния вновь что-то пробормотала, мертвенно-белое пламя вытянулось вверх чуть ли не на длину самой свечи, стены комнаты словно бы скрылись в тумане, но кошка не повела и ухом.

– Мерзкая тварь, – прошипела циалянка. И тут девушка не выдержала. Весь ужас, все унижение последних дней вырвалось в истерическом хохоте. Взгляд, брошенный на нее Виргинией, поверг бы в ужас закаленного воина, но Эстела была в таком состоянии, когда уже ничего не боялся. К счастью, Ее Иносенсия владела собой лучше и помнила, какую роль должны сыграть ре Фло в ее игре. Ярость Предстоятельницы излилась на животное.

Последовала белая вспышка, Эстела инстинктивно зажмурилась, а когда открыла глаза, на месте серой кошечки стояла светловолосая женщина в черном, а на обычно бесстрастном лице Виргинии застыл смертный ужас. Женщины о чем-то говорили, но дочка старого Этьена не понимала ни слова. В каком-то жутком экстазе она смотрела на искаженные черты циалянки, на ее ставшие умоляющими глаза. Она, без сомнения, знала, кто перед ней, ненавидела ее, но была совершенно беспомощна, беспомощней, чем сама Эстела мгновение назад. Сколько продолжалась чудовищная беседа, юная графиня так и не поняла. Светловолосая что-то сказала, и страшное слепое пламя свечей с двух сторон рванулось к Ее Иносенсии, окружив ее голову мерцающей опаловой короной. Девушка видела, как выражение ужаса на лице Предстоятельницы сменилось бессмысленной улыбкой идиотки, глаза больше ничего не выражали, из полуоткрытого рта потекла слюна. Циалянка хихикнула, почесалась, опустилась на четвереньки и отползла к стене.

– Ты собираешься оставаться тут или пойдешь со мной? – негромкий хриловатый голос оторвал Эстелу от созерцания того, во что превратилась глава сильнейшего в Арции ордена. Девушка подняла голову и столкнулась взглядом с молодой сероглазой женщиной.

– Кто... вы?

– Неважно. Нам нужно уходить, пока остальные думают, что эта красотка занята тобой.

– Что с ней?

– Ничего... Она даже счастлива по-своему. По крайней мере, в таком виде она больше никому ничего не сделает. И не расскажет. Так ты идешь?

– Иду...

Эстель Оскора

Первый раз я стала кошкой во время скитаний по иным мирам. Тогда я еще допускала, что, принимая облик той или иной твари, ты в какой-то мере перенимаешь и ее суть. Кошки не знают ни любви, ни стыда, ни тоски по несбывшемуся, и я надеялась, что мне станет легче. Куда там! Трансформация тем и характерна, что затрагивает все, кроме сознания. Я могла видеть, слышать, ощущать запахи, как кошка, но я оставалась самой собой, существом, которое должно **ВСПОМНИТЬ И ВЕРНУТЬСЯ**.

К счастью, никакой опыт не бывает излишним, я очень быстро поняла преимущество кошачьего облика перед каким угодно другим. Во-первых, кошки обладают легкой магической аурой, в которой проще простого укрыть не самые сильные заклатья, от которых тоже остается след или след следа, а опытный маг или любой дурак, но с Кристаллом, их обязательно учует. Во-вторых, кошка пролезет везде, где пролезет ее голова, их пруд пруди в любом городе любой реальности, на нее никто не будет пялиться и показывать пальцем. В-третьих, эти хвостатые твари подмяли под себя почти всех женщин и половину мужчин. При желании кошка может обосноваться чуть ли не в любом доме, а уж во дворцах, где полным– полно прислуги и крыс, их и вовсе десятки. Лучшего обличья для того, чтобы, не привлекая к себе внимания, разузнать нужное, не придумаешь.

Лично я неоднократно убеждалась, что надеть на время кошачью шкуру проще и безопаснее, чем творить сложные заклатья вроде того же двойного зеркала или невидимости. Принять облик кошки просто, а оставаться в нем можно сколь угодно долго, это заклатье не требуется поддерживать, и снимается оно молниеносно. Догадайся кто, что за ним охотится оборотень, толку-то! Попробуй перелови и проверь **ВСЕХ** кошек в округе, от этого сам Творец и тот рехнется. Конечно, если ты физически **СТАНОВИШЬСЯ** кошкой, а не заставляешь других себя видеть таковой, возникают определенные неудобства, например, запахи, которые делаются отвратительно сильными и от которых потом очень трудно избавиться. Но это не самое страшное.

Я неоднократно пускала в ход эту уловку, и она меня еще ни разу не подводила. Вот и на этот раз я не только узнала то, что хотела, но и вывела из строя достаточно сильного врага. Виргинию с ее отвратительной магией нельзя было оставлять за спиной. Жаль, ее разум выгорел раньше, чем я узнала, как женщина, в которой не было и капли Старой Крови, достигла таких высот. Признаю, тогда это вызвало у меня лишь досаду, но не более. Мыслями я была уже в другом месте, к тому же мне на голову свалилась девчонка, с которой нужно было что-то делать.

Что до циалианок, то главное я все же поняла. В их магии отчетливо проступал след Ройгу, но без него самого. Циалианская волшба была тоньше и на первый взгляд слабее и питалась из какого-то иного источника. Это не могло не беспокоить. В Тарре вообще творилось что-то не вполне понятное и на редкость пакостное. Я хорошо помнила ту Арцию, которую покинула. Тогда тоже все было куда как непросто, но, по крайней мере, можно было разобраться, кто на чьей стороне. Сейчас все запуталось окончательно, и мне предстояло решить, нырнуть

ли в хитросплетения местной политики или попробовать пробиться к Эрасти и перевалить все на его плечи, а самой искать Рене. Я знала, что это безумие, что даже звезды и те изменились за тот чудовищный срок, пока меня носило по иным мирам, но логика диктовала одно, а сердце – другое. Я верила, что Рене жив и что он здесь...

– Куда мы идем? – Голосок моей спутницы вернул меня к действительности. Она была мужественной девочкой, эта Эстела ре Фло. Я помнила это имя. Ре Фло были сторонниками Луи, а за прошедшее время их влияние только возросло. Не знаю, каковы отец и братья Эсты, но она сама мне нравилась. Когда мы, прикрытые тенью магии Виргинии, шли через обитель, брали лошадей, ввали приворотницам, неспешным шагом выезжали со двора, она молча исполняла все, что я ей приказывала. К вечеру наш магический покров рассеялся, но, пока я не пущу в ход собственную Силу, нас не найти даже с помощью Кристалла. Для окружающих мы всего лишь две женщины – совсем молоденькая и чуть постарше, в которых при всем желании не учуять ничего запретного.

Я очень хорошо вывела из себя Виргинию, и Силы, обрушенной ею на бедную маленькую кошечку, хватило с избытком и для допроса, и для побега. Совесть меня не мучила, ибо подобные бабы счастливы чужими мучениями и унижениями, уничтожить такую означает спасти многих от участи худшей, чем обычная смерть. Хотя лучше было бы, если б она продержалась подольше.

Тем не менее я теперь знала про циалианок достаточно. Подумать только: это мы с Рене сделали их тем, чем они стали, отдав им Рубины. Эту дрянь следовало утопить где-то в Сером море. Но что сделано, то сделано. Отбери я сейчас проклятые камни – ничего не изменится. Могущественный, опирающийся на собственную магию орден, подмявший под себя изрядное количество владык светских и духовных, существовал. Властолюбие же, жестокость и, чего греха таить, Сила его высших адептов делали их непростыми противниками даже для меня, тем паче я не должна была до поры до времени пускать в ход все, что имела. Прежде следовало разобраться, каким боком циалианская магия связана с ройгианской, где обретается пресловутый Белый Олень и что слышно о том, из Серого моря. Что это за пакость, наверняка мог рассказать Эрасти, а я знала, где его искать. Только сначала отвезу домой мою случайную спутницу, все еще терпеливо ждущую ответа.

– Куда мы идем? – я старалась говорить спокойно и равнодушно. – Я провожу тебя к отцу, а дальше – твое дело.

2850 год от В.И.

10-й день месяца Волка.

Арция. Мунт

Значит, завтра... Шарль Тагэре налил себе вина и выпил. Осужденному полагался ужин с королевского стола, этой традиции в Арции еще придерживались. Есть герцогу не хотелось, но упрямство, которое родилось раньше его, заставляло дразнить тюремщиков до последнего. Шарлю заставил себя сесть и слопать половину роскошных кушаний, а затем с блаженным видом развалился на кровати. Те, кто подглядывают (а что подглядывают, он не сомневался), должны видеть: ему море по колено. Это был единственный способ не уронить себя.

Внешне герцог сохранял полное спокойствие, но внутри его все было напряжено до предела. Если завтра ему не помогут, все будет кончено. В дюз он не хотел, лучше умереть. Он не слишком хорошо представлял, что именно творят с людьми Скорбящие, но он видел тех, кто побывал у них в руках. Дюз означал медленную и унижительную смерть или жизнь, но жизнь не более достойную и осмысленную, чем у назначенного на убой кабана. Шарлю было всего девять, когда на коронации нынешнего нескладного королишки он увидел тогдашнего герцога ре Эстре, прошедшего три года в Аганском дюзе. Буквально накануне того, как Эстре схватили по обвинению в измене, он приезжал к отцу Шарля, чтобы убедить его подняться

против Лумэнов. Это был высокий стройный силач с веселыми глазами, в которого влюбилась вся Эльта от мала до велика. После Аганы Шарль узнал ре Эстре лишь по сигне на необъятном брюхе. Прежний герцог исчез. Появилось тупое животное, с трудом таскавшее огромное расплывшееся тело. Его сопровождали два вооруженных синяка, но это, видимо, была лишь дань обычаю, так как единственным желанием некогда умного и гордого человека было набить и без того огромный живот.

Потом Шарль Тагэре понял, что владельца Эстре привезли, дабы устроить других ноби-лей, недовольных Лумэнами. И тогда же Шарль решил, что лучше смерть, чем такая жизнь. Теперь ему предстояло исполнить свое решение. Если на эшафоте он сможет опровергнуть возведенную на него напраслину, обвинители будут вынуждены провозгласить Высший Суд, в котором неправая сторона сгорает в огне святого Антония. Шарль не сомневался, что игра ведется нечестно, и сгореть придется ему, но это лучше, много лучше того, что сотворили с красавцем ре Эстре.

На первый взгляд умереть очень просто. Нужно только ответить обвинителю «нет», а еще лучше оскорбить и его, и Лумэнов. Но сможет ли он? Шарля Тагэре никогда не считали слабаком, но, возможно, именно поэтому его будут «держат» до конца. Правда, там, рядом с осужденным, может быть лишь один синяк... Он должен с ним справиться! И потом, должен же хоть кто-то помочь ему! Неужели Рауль или Анри не догадаются хотя бы пристрелить его из арбалета! Мальвани, тогда еще виконт Малве, тоже видел герцога ре Эстре, он должен понять...

Шарль Тагэре потянулся сильно и красиво, как молодой тигр, и, соскочив с койки, налил себе еще вина. Большие серые глаза в обрамлении черных ресниц смотрели спокойно и даже чуточку лениво, а руки, когда он поднял кувшин, и не думали дрожать.

– А он красив. – Бланкиссима Агриппина со знанием дела рассматривала через потайное оконце высокого светловолосого человека, вновь раскинувшегося на постели. – Даже жаль. Народ любит красивых королей, а бедняжка Пьер... Он даже в храме вызывает смех.

– Безусловно, сестрица, – барон Трюэль пожал плечищами, – но красота Тагэре вряд ли ему поможет.

– Кто знает... – Циалианка загадочно улыбнулась. – Он положительно мне нравится. Не спит, это точно. Никто, кроме дурачка-короля, не смог бы спать, оказавшись в таком положении, но как притворяется! Можно подумать, валяется в гостинице в ожидании встречи с местной красоткой. А Жан все же не рискнул его прилюдно казнить! Понятно, зачем Лумэнам еще один мученик? Другое дело дюз... Правду говорят, что славу смерть не убивает, славу убивает только позор. Если судебники взнуздают нашего красавца, можно считать, что дело сделано. Вряд ли в Арции найдутся люди с волей посильнее, чем у этого Тагэре.

– Похоже, он тебе здорово понравился, – хохотнул барон, – может, запереть тебя с ним на ночьку-другую?

– Глупости, Обен, – Агриппина шутиливо стукнула брата по лбу, – мне мужчины ни к чему, даже такие красивые. Я себя от всех слабостей заговорила, иначе у меня ничего не выйдет... Но вот другим наш герцог очень даже может приглянуться, и от этого может быть и вред, и польза. В любом случае он должен жить и оставаться в здравом уме и твердой памяти.

– Ты права, но дело зашло слишком далеко. Тагэре опасен.

– Для кого? Для Лумэнов? Не спорю. Но НАМ он ничем не угрожает. Тагэре на троне предпочтительнее дурачка.

– Сестрица! Пьер, конечно, не в себе, но не без вашей помощи. Покойный король позволил сестрам влиять на ребенка, пока он еще был в чреве матери. Вы обещали, что позаботитесь о нем.

– У всех бывают ошибки. Впрочем, Регина, виновная в случившемся, наказана. Диана от Лумэнов не откажется, но Диана не есть Циала, и ошибиться может, и согрешить... И что

будет, если бедняга Пьер умрет бездетным? А так и будет, если Фарбье не понравится девице, которую назовут супругой нашего бедного монарха. Нет, положительно неплохо посадить на престол Шарлю Тагэре. Или, на худой конец, кого-то из его сыновей.

– Шарль не женат и, если его отправить в дюз, таковым и останется.

– Пожалуй. А все-таки жаль.

– И мне жаль, – внезапно признался Обен, – но пора идти. Если синяки узнают, что я разгуливаю по их замку да еще девушек вожу, они такое устроят... По крайности беднягу Клода, который нас сюда провел, точно в таракана превратят.

– Это невозможно, брат. По крайней мере, нынешние маги никого ни в таракана, ни в осла превратить не в состоянии, но ты прав. Нас не должны заметить.

Эстель Оскора

Вот когда я пожалела, что не осталась в кошачьем облике, кошки каким-то образом ухитряются выглядеть равнодушными, всезнающими и отрешенными от всего земного, человеку же сохранить лицо куда труднее. Если бы я предполагала, что встреча с Мунтом станет для меня такой пыткой, я бы обошла столицу Арции десятой дорогой. Увы, способность мановением руки обрушить гору вовсе не означает, что ты можешь спокойно взглянуть в глаза своему прошлому, а это прошлое смотрело на меня отовсюду – из серых вод Люфферы, из окон императорского, а ныне королевского дворца, с башен Замка Святого Духа. Не знаю, что бы я учудила, не болтайся у меня на шее Эстела ре Фло, каковую нужно было сдать с рук на руки родичам, заставив забыть то, что произошло в Фей-Вэе. Я еще не решила, что сделаю – заклятье забвения одно из самых тонких, если ты, разумеется, не хочешь причинить человеку вред и обречь его на вечные муки, когда кажется, что вот-вот вспомнишь что-то важное, а оно всякий раз ускользает... От этого один шаг до безумия, я не раз видела, как люди, которых заставляли забыть какую-то совершенную ерунду (чье-то лицо или имя, случайную встречу или происшествие), через несколько лет сходили с ума.

Подвергать такому Эсту я не хотела! Да и пускать в ход мою магию было слишком рискованно, в центре королевства синяки прямо-таки кишмя кишели. Видно, нынешние хозяева Мунта сидели на троне как на гвоздях, иначе зачем им было заводить такое количество прозатчиков и судебных магов? Эстела говорила, что чем дальше на север, тем этой публики меньше, так что наложение заклятия в любом случае откладывается на несколько дней. А пока не мешает посмотреть на город, который я не видела шесть с лишним сотен лет.

Мунт оставался большим, шумным и красивым, я узнавала некоторые здания и памятники, но нового тоже хватало. Сигны на фасадах особняков нобилей по большей части были мне незнакомы, хотя я с какой-то внутренней дрожью узнала и крылатого змея Батаров, и лежащего тигра Мальвани. Я с трудом заставила себя оторвать взгляд от трехэтажного особняка, в котором обретались родичи Сезара. Ум твердил, что здесь никого и ничего не осталось и что своих друзей я могу найти разве что на кладбище, а сердце шептало – а вдруг! Ты поступишь, и к тебе выйдет маршал Арции, человек, которому можно рассказать все, спросить совета, при ком не зазорно плакать, будь ты хоть тысячу раз Эстель Оскора. Я все еще смотрела на особняк, когда рядом провыла труба. Люди с любопытством оглядывались, поворачивали на звук. Я последовала их примеру. Трубили с коронного помоста, расположенного посередине площади, а рядом стоял человек в алой куртке с золотыми нарциссами. Без сомнения, герольд. Ну что ж, послушаем.

Трубач протрубил еще дважды, после чего зачитали указ, в котором говорилось, что завтра на площади Ратуши состоится публичное покаяние Шарля Тагэре, бывшего лейтенанта всей Ифраны, каковой Тагэре злоумышлял против Его Величества Пьера Шестого, был уличен, во всем сознался и, лишенный титула и владений, будет препровожден в Аганский дюз. Синяки всегда честно отработывали свой хлеб, но ко мне и Рене завтрашняя церемония ника-

кого отношения не имела. К этому времени нас с Эстелой уже не должно быть в Мунте. Ее место в отцовском замке, мое – в Последних горах, где я или найду Эрасти, или пойму, что это безнадежно.

Народ, отвлекшийся на глашатая, постепенно вернулся к своим делам, и я не была исключением. Пора было подобрать гостиницу, где можно спокойно переночевать. Я обернулась к Тэле, чтобы спросить, где, по ее мнению, лучше всего остановиться двум не очень знатным и богатым путешественницам, и поняла, что сейчас мне мало не покажется. Девушка стояла соляным столбом и была бледна, как сорок ройгианцев. Я еще не знала, что случилось, но чутье услужливо подсказало, что на мою голову свалилось очередное приключение. Так и вышло. Этот самый Шарль Тагэре, приговоренный к публичному покаянию и так далее, для Эстелы был светом в окошке.

Более того, когда дурочка пришла в себя, она потребовала, именно потребовала, чтобы я вытащила его прямо с эшафота, несмотря на орды стражников, синяков и просто любопытствующих. В противном случае моя очаровательная спутница собиралась или сделать это сама, или разделить его судьбу. Я смотрела на расхोлившуюся девушку с какой-то смесью грусти и веселья. Каким простым и понятным был для нее мир, она знала, что есть добро, а что – зло, и что кому надлежит делать. Это было бы смешно, если бы я сама не прорвалась сюда через тридевять пределов, чтобы отыскать одного-единственного человека, бывшего для меня важнее гибели миров и воссияния негасимых светов. Мне помочь не мог никто, а вот вернуть Эстеле ее возлюбленного я была в силах, нужно было лишь исхитриться и проделать все так, чтобы синяки не учуяли Эстель Оскору...

2850 год от В.И.

10-й день месяца Волка.

Ариция. Мунт

Рауль в который раз обходил пока еще пустую площадь. Коронный помост уже был обит алым сукном, плаха и топор лежали где положено, а несколько дюжих стражников бдили, чтобы какой-нибудь предприимчивый воришка не утащил атрибуты правосудия. Молодой ре Фло был в Мунте пятый день, он тайком наведился к барону Обену и Его Высокопреосвященству, а его спутники обошли своих сомнительных знакомцев. Увы! Все сходились на том, что вытащить Шарля Тагэре невозможно. Обвинители никогда не возьмут своих слов назад, кардинал все еще без сознания, а случая, чтобы человек, оказавшийся в цепях на коронном помосте, отрицал свою вину, еще не было. Обен полагал (и Жак это подтверждал), что синяки держат свои жертвы с помощью магии, перед которой любая воля бессильна. У Рауля мелькнула безумная мысль попробовать освободить Шарля по дороге на эшафот, но почтенное сообщество городских грабителей и нищих решительно отказалось участвовать в столь безнадежной затее даже за золото.

Оставалось три выхода, вернее, два, так как первый – предоставить Тагэре его участи – Рауль отменил сразу. Можно было забраться с арбалетом на какую-нибудь крышу и оборвать мучения друга. Он бы так и поступил, не будь призрачной возможности отбить или похитить его по дороге в дюз.

– Сигнор слишком часто возвращается на это место. – Голос был женским, слегка хриловатым. Рауль решил, что с ним заговорила уличная девка, и уже приготовился дать ей пару аргов³⁹, чтоб она отстала, но следующие слова буквально пригвоздили его к месту. – Если сигнор хочет помочь Шарлю Тагэре, ему лучше пойти со мной.

Это могло оказаться ловушкой, но Рауль беспрекословно последовал за высокой женщиной в темно-синем плаще без сигны. Вскоре они сидели за заменяющей отдельный стол здо-

³⁹ Арг – общая серебряная монета Благодатных земель.

ровенной бочкой в таверне «Развеселый Жак». Ре Фло заказал легкий ужин и кувшин белого вина. Женщина спокойно откинула капюшон, позволив виконту рассмотреть ее лицо. Молодая, светловолосая. Милое лицо с высоким лбом и пухлыми губами, только вот с глазами что-то не то. Глаза большие, серые, но вот взгляд... Ну не смотрят так молодые женщины, даже прошедшие через ад войны и плена. Раулю на мгновение стало зябко, но он взял себя в руки.

– Откуда сигнора меня знает?

– Вы похожи на свою сестру.

Так, похоже, он все-таки попался, это наверняка циалианка, потому и взгляд у нее такой.

– На сестру? – Жалкая попытка выкрутиться. – Я не понимаю...

– Я не принадлежу к ордену, – губы женщины тронула нехорошая улыбка, – напротив, у меня к капустницам свой счет. Так уж вышло, что ваша сестра оказалась свидетельницей моей, скажем так, беседы с Папессой⁴⁰. После этого оставлять Эстелу в обители было бы бесчестно, на нее могли взвалить мою вину.

– Вину?

– Ее Иносенсия лишилась рассудка, перед этим пустив в ход магию. – Сероглазая пожала плечами. – Я ей вернула то, что предназначалось Эстеле и мне. Правда, гадюка не предполагала, что я это я.

– Где Эста? – Рауль уже ничего не понимал и, пожалуй, не хотел понимать.

– Через дорогу, вон в той гостинице с малиновой вывеской. Ей отчего-то пришлось в голову, что я должна вытащить еще и Тагэре.

– И...

– Я думаю, как это сделать. Лучше всего, если вы мне расскажете об этом обряде все, что знаете и предполагаете. Мне кажется, синяков можно ударить их собственным оружием, но для этого я должна знать все.

2850 год от В.И.

10-й день месяца Волка.

Арция. Мунт

В комнате бланкиссимы Козимы было душно и жарко. Тошная и изжелта-бледная, словно снедаемая изнутри каким-то недугом, Козима даже летом куталась в шаль и зажигала камин, осенью же и зимой ее покои и вовсе превращались в подобие преисподней. Не хватало только сковородок да жарящихся на них грешников, впрочем, под тяжелым взглядом наставницы воспитанницы чувствовали себя не многим уютнее, чем души в преисподней.

Соланж Ноар преклонила колени перед комнатным алтарем, облобызала перстень циалианки и замерла, опустив глаза. Козима кашлянула, поплотнее закуталась в белую шаль и обратила свой пугающий взгляд на девочку.

– Мы слушаем тебя, Соланж. Сегодня ты должна рассказать нам о Войне Оленя.

Сола судорожно сглотнула и молитвенно сложила руки.

– Война Оленя началась в 2228 году. В те времена светоч Церкви Единой и Единственной освещал Арцийский материк до Последних гор, но в Таяне и Эланде уже прорастала ересь. – Сола запнулась, испуганно вздрогнула и торопливо продолжала: – Однако Творец не желал гибели Благодатных земель. Своим орудием он избрал непорочную деву той же крови, что и равноапостольная святая Циала. Это была дочь тарскийского герцога Мишеля...

– Надо говорить «благочестивого тарскийского герцога».

– ...благочестивого тарскийского герцога, – послушно повторила Соланж.

– Как было ее имя?

⁴⁰ В прямом смысле Папесса (в других вариантах Повелительница демонов, Повелительница Кошек, Великая Жрица) – одна из самых сильных фигур при игре в Эрмет.

– Ее имя было Мария-Эрика.

– Так, дальше.

– Благочестивый герцог Мишель выдал свою дочь за престарелого таянского короля Марка, который не мог сделать ее своей женой. И тогда свершилось чудо. Юная Мария понесла по воле Божией и разродилась младенцем мужского пола, который должен был стать спасением Благодатных земель. Но у короля Марка была дочь Илана...

– Упомянув ее, – перебила наставница, – следует всякий раз осенять себя Знаком и добавлять: «Да будет ее имя проклято во веки веков».

– Да будет ее имя проклято во веки веков.

– Арде⁴¹, – веско произнесла Козима.

– Принцесса, желая после смерти отца единолично владеть Таяной, вознамерилась погубить мачеху и брата и обратилась за помощью к богомерзким тварям, именуемым гоблинами и обитавшим в Последних горах. Твари эти испокон века поклонялись Антиподу и почитали Проклятого и были весьма искушены в черном колдовстве. Среди них находили приют и маги людского племени, предавшиеся Запретному. С одним из них, именуемым Романом Черным, и сошлась Илана, да будет проклято ее имя во веки веков.

– Арде!

– С его помощью дочь короля Марка убила брата, призванного стать спасением Благодатных земель, но Мария-Эрика была спасена святой Циалой. Босая и одинокая, она прошла зимой через леса, горы и болота, и дикие звери не трогали ее, а лютые морозы не причиняли ей вреда. Ведомая святой Циалой, она вышла к святому городу Кантиске, где и нашла приют. Илана, да будет проклято ее имя во веки веков, сказала своему отцу и благочестивому герцогу Мишелю, что не ведает, где их супруга и дочь. И те поверили.

Мишель отправился на поиски дочери. По дороге ему явилась святая равноапостольная Циала и поведала, что Мария в Кантиске и что грядет поход Тьмы против Света, а он, Мишель Тарский, избран, дабы встать на пути вражеских ратей. Благочестивый герцог Мишель Тарский отправился в Мунт, предстал пред мудрым императором Базилеком и сказал то, что открыла ему святая равноапостольная Циала. И выслушал его император и повелел собирать войнство. Но племянник императора Луи не захотел принять сторону Света и предался Тьме, потребовав у богомерзких за помощь арцийскую корону. И те ему обещали. И соединилось войско Луи Арцийского с нечестивым войнством, приведенным с Последних гор магом Романом. И оскверняли они храмы и иглеции, и приносили жертвы человеческие Антиподу, и желали они освободить Проклятого и править его именем. Многое множество народа погубили они, и среди всех прочих благочестивого кардинала Таянского Тиберия, который перед смертью постиг, что Илана, да будет проклято ее имя во веки веков, и есть та, кого именуют Темной Звездой, погибелью Тарры.

И все, что было в Благодатных землях темного и порочного, принимало сторону Луи Арцийского и чернокнижника Романа, а все, что было доброго и светлого, вставало под знамена благочестивого герцога Мишеля. И пришел срок. И сошлись два войнства под стенами святого города Кантиски...

Соланж перевела дух и робко взглянула на наставницу.

– Продолжай, дитя мое.

– Герц... Благочестивый герцог Мишель сражался как лев, но был убит. Непорочная дева Мария-Эрика видела со стен святого города гибель отца. В отчаянье она воззвала к святой Циале, и ее мольба была услышана. Святая послала на поле боя Белого Оленя, который поразил чернокнижника Романа и остановил полчища мерзких тварей, именуемых гоблинами, которые в ужасе бежали. Но Илана, да будет ее имя проклято во веки веков, избежала кары, воззвав

⁴¹ «Арде!» – «Да будет так!», заключительное слово некоторых молитв.

к Антиподу, и тот укрыл ее до поры до времени. Если Тарра вновь погрязнет во грехе и Свет ослабеет, именуемая Темной Звездой вернется, дабы сеять смуту в душах и готовить возвращение Проклятого. Это об Илане, да будет ее имя проклято во веки веков и да защитит нас святая Циала.

– Арде! Чем же закончилась битва?

– После бегства чудовищ открылись ворота Кантиски, и оттуда выехало Святое воинство, обрушившееся, как меч карающий, на головы таянских еретиков, ведомых предавшимся Тьме арцийским принцем Луи. Меч ударял о меч, – монотонно шептала Сола, – ломались копья и сокрушались щиты. Но у Луи было много богопротивного зелья, именуемого порохом, и исход битвы не был ясен. Но тут подошли войска эландского герцога Рене, который, увидев великую сечу, заколебался.

Эландский герцог Рене был смел и честолюбив, но душа его была далека от Света, хотя в те поры еще не погрязла во Тьме. Душой эландский властелин тянулся к власти, а телом к разврату, но, подобно двум крыльям, удерживающим птицу над бездной, удерживали Рене Эландского от грехопадения благочестивая жена его Ольвия и кардинал Максимилиан...

– Обычно, – вмешалась Козима, – первым называют духовную особу, но в данном случае надлежит говорить так, как ты и сказала. Ибо благочестивая Ольвия впоследствии стала Предстоятельницей ордена равноапостольной Циалы. Итак, что же сделал Аррой Эландский?

– Он, – выдохнула трясущаяся Соланж, – он... Он колебался, и, видя это, кардинал Максимилиан посулил ему корону Арции, если он сразит впавшего во Тьму принца Луи. Так извлечен был мед из львиного чрева, и властолюбие герцога Рене подвигнуло его к подвигу... К подвигу подвигнуло... И он свершил во имя короны, что не желал свершить во славу Творца нашего. Рене Эландский бросил свои полки на полки безбожного Луи, и вновь закипела битва, и вновь Свет не мог одолеть Тьму, а Тьма Свет.

И тогда во всех храмах и иглециях святого города Кантиски воззвали к Творцу, и Творец услышал и послал свое воинство на помощь воинству церковному. И узрели люди сверкающую рать на дивных конях, и за плечами всадников вздымались белые, как снег, крылья. И при виде их в ужасе бежали полки безбожного принца Луи, а сам он погиб в битве, и даже тело его не удалось найти. Так была одержана великая победа у Святого холма, на котором позднее был воздвигнут храм.

– А что было дальше? – Немигающие глаза продолжали буравить девочку.

– Дальше корона Благодатных земель была вручена эландскому герцогу, как и обещал ему Максимилиан. Но герцог захотел большего. Он увидел Марию-Эрику и, пленившись ее красотой, возж... возж... возжелал ее. Дочь благочестивого герцога Мишеля с негодованием отвергла домогательства старого императора, который уже был женат на достойнейшей из женщин. И тогда Рене Аррой предался Тьме. Он воззвал к Проклятому, и тот ответил ему из бездны. При помощи Тьмы, которой Аррой предавал свою душу и свою кровь во веки веков, император совратил Марию-Эрику и вместе с ней бежал за Запретную Черту. С тех пор никто никогда о них не слышал. Однако благочестивой Зенобии, наперснице супруги герцога Рене благочестивой Ольвии, перед смертью было видение, что святая равноапостольная Циала послала бурю, утопившую корабль нечестивцев. Сама же Ольвия, дабы искупить грехи, совершенные тем, кто был избран ей в мужа, вступила в орден, и не было в те времена женщины достойнее, добродетельнее и мудрее ее. Ее молитвы умиливали святую Циалу, и она послала Благодатным землям золотой век, а с сына Ольвии и Рене Сгинувшего не было спрошено за грехи отца, и он царствовал долго и мирно. – Сола замерла, с опаской глядя на наставницу.

Темные губы тронуло нечто напоминающую улыбку, и Козима еле заметно кивнула.

– Иди, дочь моя. Сегодня ты отвечала удовлетворительно. На завтра подготовь житие святого Анхеля.

2850 год от В.И.

Вечер 10-го дня месяца Волка.

Арция. Мунт

Королевский желудок отчего-то совершенно не переносил слив. Сладкие темно-синие ягоды, которые Пьер обожал, через несколько ор доводили его до самого жалкого состояния. Его Величество, разумеется, знал, что ему следует избегать слив, да и много чего другого, но сила воли отнюдь не числилась среди достоинств девятнадцатилетнего короля Арции, к тому же ему всякий раз казалось, что в этот раз обойдется. Сначала воспитатели, а потом придворные поняли, что самый верный способ сберечь королевский желудок и простыни – это не допускать во дворец опасные лакомства. И тем не менее Пьер каким-то непостижимым способом умудрялся их находить, или, вернее, они находили его.

Вот и сегодня после скучного вечера, когда король под бдительным присмотром дяди Жана нарисовал свое имя под кучей бумаг, он обнаружил целое блюдо вожделенных слив, забытое на окне в комнате, где стояли клетки с королевскими хомяками. Пьер Шестой с детства любил этих маленьких неопасных существ, которые забавляли его, бегая в специальных колесах и желобках и лазая по решеткам.

В первый раз малолетний король увидел хомяка на портрете, изображающем какую-то древнюю королеву, и пролепетал «дай». Заботливый дядюшка тут же отрядил за зверьками доверенного нобия, который, несмотря на зиму, сумел разыскать на покрытом снегом поле норку и вытащить из нее меховой комочек. Оказавшись в тепле, хомячок быстро пришел в себя и стал любимцем пятилетнего Пьера. С тех пор привязанности короля не изменились. Он боялся собак и кошек, научить его ездить на лошади стоило больших трудов, но вот хомякам был предан всей душой. Не было дня, который бы не начинался с высочайшего визита в комнату, где обитали королевские любимцы, спешил он к ним и покончив с государственными делами. Чем скучнее и неприятнее был день, тем больше времени король проводил с хомяками. Его Величество предпочитал заниматься со своими зверьками лично и в одиночестве, поэтому слуги, подготовив все необходимое, покидали помещение, как только король выходил из кабинета.

Так было и на этот раз. Наутро и лакей, и специальный человек, отвечающий за чистоту клеток, клялись, что злополучные ягоды появились после их ухода. Так ли это было, никто не знал, но король, дорвавшись до излюбленного лакомства, за вечер съел все, что лежало на немалом блюде. Ночь прошла спокойно, но утром стало ясно, что ни о каком участии в церемонии покаяния Шарля Тагэре не может быть и речи. Канцлер Бэррот, злой, надоедливый и непонятливый человек, предложил было все отложить до выздоровления Его Величества, но дядя Жан сказал, что ничего интересного там не будет, но что, когда желудок короля успокоится, можно будет съездить к бланкиссиме. Впрочем, если Пьер хочет сидеть на площади, где очень холодно, и смотреть на неинтересное зрелище, его туда отведут.

Разумеется, он не хотел. Король не любил холод, его пугали толпы на улицах и шум, а вот бывать у Дианы ему нравилось. После хомяков и вкусных вещей Пьер больше всего любил молиться, так как почти всегда получал то, о чем просил доброго боженьку. Диану он тоже любил, она не заставляла его ничего подписывать или долго сидеть на одном месте, когда чужие люди с неприятными голосами читали и говорили что-то непонятное, и нельзя было ни повернуться, чтобы устроиться поудобнее, ни заснуть, ни даже вынуть и съесть запасенные сладости. Правда, у бланкиссимы не было хомяков, но зато была очень красивая картина, где женщина, похожая на Диану, кормила из рук белого оленя, а вокруг росли цветы и летали бабочки.

Бабочек Пьер тоже любил, в его спальне ими была украшена целая стена. Бабочек привозили со всего света, жаль только, что они не летали. Дядя Жан объяснил, что они не могут жить во дворце, как хомяки. Кроме картины, у Дианы хорошо пахло, там всегда угощали чем-

нибудь вкусным, и он еще ни разу не ушел оттуда без подарка. К сожалению, ездили туда только по праздникам и после долгого и утомительного дня среди чужих и шумных людей. А тут можно поехать прямо с утра, если это дело с кем-то на площади сделают без него. И Его Величество король Арции Пьер Шестой решительно сказал: «Пусть все будет сегодня, а мы поедем к Диане...»

2850 год от В.И.

11-й день месяца Волка.

Арция. Мунт

Вообще-то, кающемуся полагалось идти пешком, но не было бы счастья, да несчастье помогло. Шарля спас страх Фарбье. Временщик опасался, что друзья Тагэре избавят того от унижения, пустив с какой-нибудь крыши стрелу. Уследить за каждой трубой или чердачным окном не взялся бы никто, и Шарля загнали в карету с занавешенными окнами. Он смиренно сел напротив обвинителя, ненавидя в первую очередь себя, а во вторую синяка. Герцог раз за разом переживал те мгновенья, когда сначала один, потом два, три и, наконец, шестеро Скорбящих надевали на него Цепь. Это было унижительно, отвратительно, мерзко, но его руки и губы в какой-то момент стали слушаться не его, а шестерых мерзавцев в белом, четверо из которых стояли по четырем углам камеры, а еще двое у двери и окна.

Самым мерзким было то, что он оставался в сознании все время, пока его везли на площадь Ратуши. Проклятая Цепь, с виду такая тоненькая и легкая – дерни и разорвется, давила, как хороший удав из сурианских лесов. Герцог понимал, что это конец, против магии такой силы ему не выстоять. Он послушно взойдет на помост и при всем честном народе разденется донага, чтобы показать, что его никто не пытал, а потом станет на колени и расскажет о своих мнимых преступлениях, будет умолять о прощении, целовать руки и сапоги судей, затем с благодарностью натянет рубище... Если ему повезет, то проклятый ошейник с него снимут, поскольку антонианцы не могут надолго расставаться с этой вещью, и тогда он, возможно, успеет разбить голову о какой-нибудь камень, прежде чем окончательно превратится в животное. Но о добром имени придется забыть, разве что Рауль или Анри успеют его убить еще до позора.

Синяк, похожий на мокрого галчонка (Шарль, будь он свободен, мог бы прикончить такого одним ударом), шевелил губами, наверное, репетировал обвинительную речь, а Тагэре смиренно сидел напротив, сложив руки на коленях, и, чтобы хоть как-то отвлечься, тщательно считал повороты, угадывая дорогу, которой их везли. У него была слабая надежда на перекресток перед въездом на Рыбный мост. Если бы он захотел освободить узника, то напал бы именно здесь, но карета благополучно миновала и это место, и еще два более или менее пригодных для засады.

Человечишко в лиловом перестал жевать губами и принялся стряхивать с мантии волоски и перхотинки. Значит, они вот-вот приедут, вернее, уже приехали.

2850 год от В.И.

11-й день месяца Волка.

Арция. Мунт

– Едут! – заорали повисшие на деревьях и фонарях мальчишки, и Агриппина безнадежно вздохнула. Она ничего не смогла сделать! Евгений по-прежнему без сознания, а король, разумеется, заболел. Просить же Жана или Диану бессмысленно. Правда, бланкиссима, прослышавшая, что Агриппина хочет о чем-то говорить с королем (уж не потому ли бедный Пьер слег?), очень любезно поинтересовалась, не может ли дорогой Агриппине помочь монсигнор Фарбье. Но фейвэйская гостья умела держать удар и вводить в заблуждение самых ловких. Она мило улыбнулась и сказала, что ее растрогала история юной воспитанницы. Девочка показа-

лась ей смысленной и приятной, и она хотела просить Его Величество проследить, чтобы, пока Соланж проходит обучение, ее приданое не перекочевало в сундуки ее кузин. Если же у самой Дианы нет особенных видов на юную Ноар, Агриппина была бы рада увезти ее в Фей-Вэйю, где гораздо больше воспитанниц ее возраста.

Диана предполагала, что толстая сестра врет, а Агриппина знала, что та ей не верит, но игра имела свои правила. Арцийская бланкиссима с нежнейшей улыбкой обещала проследить за имуществом Соланж, ее же саму она с удовольствием препоручает заботам дорогой гостью. Что ж, нет худа без добра, девочка и вправду приглянулась Агриппине какой-то пронзительной беззащитностью и доверчивостью. К тому же она была удивительно хороша – синие глаза и черные волосы среди жителей Эскоты встречаются, но, как правило, у тамошних обитательниц черты грубоваты, а личико Соланж было точеным. Да, с такой внешностью она вряд ли станет желанной гостьей в доме, захваченном родственниками, у которых взрослый сын и дочери-невесты.

Агриппина не жалела, что взяла девчушку под свое крыло. В Фей-Вэе та, по крайней мере, не станет добычей какого-нибудь рыцаря из окружения Жана. Кто знает, вдруг Сола найдет себя в циалянстве. А нет, так выйдет из обители не жалкой бесприданницей, а богатой невестой. Но она приехала сюда вовсе не для того, чтобы приглубить синеглазую эстрийку. Бланкиссима собиралась разузнать всю подноготную мунтского двора и не дать свершиться непоправимой глупости. В последнем она не преуспела, и вот теперь вынуждена наблюдать за уничтожением человека, жизнь и смерть которого была, если она правильно разобрала откровения Эрика, жизнью и смертью Арции. Оставалось надеяться на чудо, но за свои тридцать четыре года Агриппина привыкла к тому, что чудес не бывает, а бывают умные и неожиданные ходы в игре, которую ведут сильные мира сего.

А они здорово боятся Тагэре. Даже безоружного, униженного, скованного пресловутой Цепью. Привезли в закрытой карете, стражники и шпионы и в толпе, и на крышах... Агриппина носила с собой Кристалл Поиска и легко отличала тех, у кого были такие же. Похоже, синяки выгнали на площадь всех, кого могли, чтобы пресечь в зародыше любую попытку хоть как-то помочь герцогу. А ведь она бы сделала это, обладай достаточной силой и ловкостью. Нужно лишь пригасить действие Цепи. Остальное сделала бы воля самого Тагэре, но, увы... Циалианка обернулась к дрожащей Соле.

– Холодно?

– Нет. – Девочка с доверчивым обожанием посмотрела на свою покровительницу, и на сердце у Агриппины стало теплее. – Мне страшно.

– Страшно?

– Вы не чувствуете? Небо ясное, а словно гроза идет...

Вот это новость! Соланж, совершенно необученная, без Кристалла, способна чувствовать магическое напряжение! Неужели она, Агриппина, наконец-то случайно нашла то, что искала всю жизнь?!

2850 год от В.И.

11-й день месяца Волка.

Арция. Мунт

Сквозь занавески он слышал шум толпы. Карета остановилась. Кто-то распахнул дверцу, и синяк неуклюже полез наружу. Шарль Тагэре остался сидеть, ожидая, когда за ним придут. Вернее, ожидало его тело, а душа билась, как птица о стекло. Из последних сил герцог постарался успокоиться и собраться. Нужно еще раз попробовать стать самим собой. Он должен сказать «нет»! Его губы не разжимались с той самой минуты, когда, сломленный шестью магами, он повалился на четвереньки в своей камере и на его шее защелкнули ошейник, казавшийся символической игрушкой. Он в прямом смысле ползал на брюхе и лизал сапоги укротителей;

затем ему велели встать и замолчать, и Шарль Тагэре встал и замолчал. Прошло две оры, может быть, его воля немного приподняла голову? Герцог собрал все свои силы и попробовал прошептать: «Нет!» Навалилась жуткая тяжесть, захотелось взвыть в голос, но губы шевельнулись. Получилось!

«И получится, – прозвучало то ли в его мозгу, то ли рядом. Он готов был поклясться, что никогда не слышал этого чуть хрипловатого женского голоса. – Хорошо, что ты борешься. Успокойся и соберись. Это твой бой и ничей больше...»

Шарло оглянулся. Никого. Но давление не то чтобы совсем исчезло, но стало терпимым. Он приподнял руки, вновь положил их на колени, поправил волосы, одернул одежду. Его тело ему повиновалось! Проклятый ошейник стал простой железкой. Ну, что ж, позора, по крайней мере, не будет.

2850 год от В.И.

11-й день месяца Волка.

Арция. Мунт

Судебный маг Иаков Эвгле не без опаски взошел на обитый сукном помост. Нет, Шарля Тагэре он не боялся, взнудать его было куда как непросто, но теперь он смирнее ягненка. А вот дружки герцога, которые наверняка окажутся в толпе... А ну как попробуют пристрелить своего предводителя, чтоб избавить от покаянья, а попадут в стоящего рядом?! Иаков хотел жить, и жить хорошо, но для успешной карьеры порой приходится делать что-то опасное, тем паче его наконец оценили по достоинству! Не зря именно ему, человеку сугубо мирскому, предложили вести церемонию покаяния.

Маг-недоросток не догадывался, что решающую роль сыграла его, мягко говоря, неприглядная внешность. Диана и Фарбье хотели унижить Тагэре как можно сильнее, а чем смешнее и незначительнее тот, перед кем гордый герцог будет ползать на коленях, тем лучше. Смешнее же и незначительнее Иакова Эвгле в Мунте не нашлось никого.

Самому же Эвгле ужасно хотелось увидеть свой звездный час, но еще никто не научился одновременно находиться в двух местах. Правда, синяк через вторые руки нанял мазилу, обещавшего запечатлеть церемонию в максимально выгодном для обвинителя свете, но как все-таки жаль, что магия не позволяет видеть себя со стороны!

Судебный маг еще раз отряхнул мантию, медленно и, как ему казалось, величественно поднялся вверх по тринадцати – по числу месяцев года – ступеням и занял отведенное ему место справа от плахи с воткнутым топором, рядом с которой стоял палач в красном.

Площадь была запружена народом, и дальнзоркий брат Иаков заметил, что люди выглядят угрюмыми и настороженными. Синяк вслушался в довольно-таки жидкие крики, поносящие всех Тагэре вообще и Шарля в частности. Однако крикуны вопили как-то неуверенно, с одной стороны, отрабатывая полученные деньги, а с другой – опасаясь получить по шее от стоящих рядом. Иаков поднял руку и возгласил самым громким и солидным голосом, на который был способен.

– Приведите обвиняемого!

Стражник с желтыми нарциссами на красной тунике, надетой поверх кирасы, торопливо скатился по ступеням и направился к карете. Обвинитель принял значительный и скорбный вид, глядя вниз, туда, откуда должен появиться преступник. И он появился. Странно, но Тагэре шел уверенно, с гордо поднятой головой, ничем не напоминая раздавленного страхом человека. Увидев это, люди на площади радостно загудели, а кто-то даже завопил здравицу в адрес Шарля. Безобразие! Неужели измотанные небывалым поединком магии и воли антонианцы позабыли сказать «взнуданному», как вести себя на эшафоте? Что ж, за этот промах они поплатятся, особенно несносный брат Серж, не так давно униживший Иакова при самой бланкиссеме! Но сначала дело.

– Признаешь ли ты себя виновным? – Эвгле, трепеща от наслаждения, задал узнику вопрос, на который мог быть лишь один ответ. Обвиняемые подробно рассказывали о своих злодеяниях и коварных замыслах, каялись в грехах, получали отпущение и либо клали голову на плаху, либо в рубище под улюлюканье зевак навсегда уходили в дюзы. Случая, когда кто-то посмел отвести обвинение, не было и быть не могло, но Шарль Тагэре ответил ясным и чистым голосом, далеко разнесшимся в осеннем воздухе:

– Я ни в чем не виноват перед Арцией и тем, кого называют ее королем. Меня схватили по наущению Жана Фарбье, попытались обманом и угрозами вырвать признание, а когда не вышло, прибегли к магии.

Иаков потерял дар речи. И было от чего: судебная магия делала подобное просто невозможным. Человек говорил лишь то, что ему велели, его желание или нежелание не имели никакого значения, но Тагэре каким-то непостижимым образом сорвался с магической цепи. Что ж, значит, он умрет, и умрет страшно. На подобный случай предусматривалось специальное заклинание. Правда, его еще прилюдно не применяли, хотя знать его был обязан каждый Скорбящий, которому приходилось присутствовать при публичном покаянии. Они и знали, тренируясь в подвалах Духова Замка на тех, кого не обязательно было показывать народу.

К истине как таковой это заклятие не имело никакого отношения. Просто человек, на которого указывал перст Обвинителя с «Кольцом скорби» (после церемонии или «тренировки» артефакт возвращался брату-казначею), заживо сгорал в ослепительном белом огне, не оставалось даже костей. Иаков Эвгле вытянул руку в направлении Тагэре:

– Да разрешит наш спор Кастигатор⁴²!

– Арде! – дерзко ответил эльтский герцог, с вызовом тряхнув золотистой гривой. С пальцев Иакова потек пока еще невидимый огонь. Сейчас он коснется ослушника, и все будет кончено! Однако случилось невозможное. Заклятье отскочило от Тагэре, как мяч от стены, и понеслось к тому, кто его сотворил. Синяк даже не успел ничего понять. Колдовское пламя охватило его, он зашелся в жутком, визгливом вопле, и все было кончено.

– Оправдан, – закричала какая-то женщина, и ей ответил грубый мужской бас, проревевший: «Виват Тагэре!» На глазах потрясенной толпы с герцога сами собой спали, вспыхнули и рассыпались пеплом оковы, и Шарль с удивлением, еще не веря спасению, размял затекшие кисти. Кто-то бросил на эшафот цветок, золотистая хризантема ярким пятном легла на алую обивку, герцог хотел ее поднять, но голова у него закружилась, и он мешком свалился на руки подоспевшего Рауля.

Простолюдинки в умилении плакали, вытирая глаза белыми фартуками, мужчины, радостно улыбаясь, хлопали друг друга по плечам, и никому не было дела до серой кошечки, устроившейся на одной из балок, поддерживавших страшную конструкцию. А зверушка, потянувшись, сиганула на каменную балюстраду, ограждавшую фонтан, оттуда перелетела на крышу лавки цирюльника, прыгнула вниз и затерялась среди узких улиц.

Эстель Оскора

С моей стороны было большой глупостью влезать в арцийскую междоусобицу, но я на старости лет стала сентиментальной. Ну не могла я бросить свалившуюся мне на голову девчонку на произвол судьбы, пришлось тащить ее с собой, а дальше все пошло по вечному принципу: дайте напиться, а то так есть хочется, что переночевать негде. У Эстелы, как и положено в ее возрасте, оказался возлюбленный, умудрившийся угодить в ловушку, которую обошел бы и слепой. Правду сказать, мне следовало передать свою подопечную братцу, а самой наконец заняться действительно важным. Я же полезла в пасть синякам, и не моя вина, что те оказались настолько тупы, что не поняли происшедшего у них под носом.

⁴² Кастигатор – Всезнающий Судия, одна из ипостасей Творца Триединого.

Но я ни в коем случае не жалела, что спалила этого воцерковленного крысеныша с его амулетом. Когда я случайно зацепила его ауру, у меня возникло ощущение, что я босыми ногами прошла по какой-то гадости. Арция докатилась, если суд в ней вершат подобные людишки! А вот герцог мне понравился, ничего не могу сказать. Дрался до конца, хотя был обречен: человек, каким бы сильным он ни был, не мог противостоять таким артефактам. Но Тагэре мне все же помог. Сломайся он, я была бы вынуждена себя раскрыть, а так я лишь подержала рывок самого герцога, к слову сказать, для человека, да еще измотанного схваткой с синяками, очень сильный. Помогло и то, что в его жилах текла капля той же крови, что и в моих, когда я еще не была Эстель Оскора. Мне удалось так слить свою Силу с его, что сам Ройгу не разобрал бы, где начинается одна и кончается другая. Это было красиво. Не спору, артефакты Скорбящих были сработаны с выдумкой, но мы видывали и не такое!

Впрочем, было бы нелишним докопаться, кто и когда сработал Цепь и пламенное Кольцо. Вот уж что я сделала с удовольствием, так это их разрушила. Это был риск: к Силе, выплеснутой крысенышем на Шарля и отброшенной мной назад, пришлось добавить изрядную долю моей собственной. Умей эти ублюдки разделять поражающее и отражающее заклятия, они бы поняли, что вторичное было раз в двенадцать сильнее первичного. К счастью, тем, кто делал Кристаллы, было далеко до умника, создавшего Цепь. Страшно было подумать, что бы стало с тем же Шани Гардани или Стефаном, окажись в руках моего покойного отца подобная штука. Зато теперь судебные маги остались без своих главных «аргументов» в споре. Правда, герцогу тоже досталось. Я, как могла, его прикрыла, но как шлем не полностью гасит удар, если тот достаточно силен, так и мой щит, хоть и спас от магического огня, не защитил от откатной волны. Что ж, придется красавцу Шарлю денек полежать, а потом походить с больной головой, зато он жив и свободен.

Все закончилось хорошо. Справедливость восторжествовала. Тагэре оправдан, Цепь разрушена, Кольцо тоже, Эстела свободна, и никому и в голову не придет, что она бежала. Возможно, кое-кто решит, что Виргиния, отдавая приказ дочери ре Фло немедленно покинуть обитель, уже была не в себе, но это не наша забота. Насколько я поняла этих бледных поганок, они будут сохранять лицо, старательно делая из пускающей слюни идиотки мудрую и благочестивую правительницу, а значит, Эсте ничего не грозит. Ну и славно! Пора было приниматься за настоящее дело. И все же сердце у меня было не на месте.

Глупо, но Эстела, ее братец и особенно герцог Тагэре не отпускали меня. Я уже поняла, что благородство в Арции нынче не в почете и, в конце концов, мы в ответе за тех, кому единой помощи помогли. Да и что случится, если я уверюсь в том, что дети благополучно выбрались из этого змеиного болота? Ну, потеряю день или два, что это в сравнении с Вечностью?

Уходя в бой, я не должна оглядываться, гадая, не случилось ли чего, а я уже поняла, что не найду себе места, пока не уверюсь, что моя троица в безопасности. Что ж, эти провожания будут моей последней глупостью. Никаких войн я для них выигрывать не стану, пусть сами справляются. Я изрядно тряханула циалянок и вырвала зубы у синяков и Скорбящих. Надо думать, на какое-то время бледная магия ослабнет, и многое может быть решено с помощью честного меча. Ну и интриг, конечно, как же без этого, но тут уж пусть сами выкручиваются. Из Тагэре, сразу видно, интриган еще тот, а вот Эстела, когда подрастет и поумнеет, возможно, и научится играть. Выдержка у нее есть, а в бытность ее воспитанницей она довольно ловко скрывала свои чувства. Да и отец у нее вроде бы неглупый, авось приглядит... Решено, подожду, пока Шарль придет в себя, на что уйдет несколько дней, а потом провожу их до городских ворот. Или лучше до границ Тагэре.

Нет, хорошо все же, что я под магический шумок, поднятый в Замке Святого Духа (Шарль сопротивлялся не хуже, чем в свое время Шандер), сменила обличье, а эти дураки и не заметили. Они совершенно не береглись, подняли сильнейший магический трезвон, не поставив самой простенькой защиты вдоль стен. Не знаю, может, им нравилось, что другие

обладатели Кристаллов или собственной ненаведенной Силы чувствуют их мощь, но в этом потоке можно было утопить сотню небольших, но действенных заклятий, в том числе и трансформирующих.

Если бы мне не нужно было хранить инкогнито, я бы запросто спалила ползамка, развернув энергетический поток, но, во-первых, там был Шарль, а во-вторых, корень зла находится в совершенно другом месте. Мне еще предстоит с Эрасти или в одиночку его найти и вырвать. Я удержалась от искушения устроить большой шум и просто стала кошкой, подождала, покуда из Замка выедет карета, и пристроилась между кузовом и кучерским сиденьем. Дальше было и вовсе просто. По дороге я окончательно убедилась, что герцог человек сильный и очень любящий жизнь (мне такие всегда нравились), а его тюремщик – редкостная мразь, которую я и прикончила чуть ли не с удовольствием. Теперь в моем распоряжении была пара дней, которые можно потратить на разведку. Потом, чтоб не пропустить отъезда моих подопечных, придется засесть в бывшем дворце Сезара (уж не знаю, как зовут нынешнего Мальвани), так что времени лучше не терять.

2850 год от В.И.

11-й день месяца Волка.

Арция. Мунт. Резиденция ордена

– Ты уверена, что толстуха здесь ни при чем? – Жан Фарбье с негодованием посмотрел на свою любовницу. Временщик имел обыкновение во всех неудачах винить кого угодно, но не себя. Диана нашла бы, что ему ответить, но она была слишком подавлена случившимся и не склонна затевать ссору. Ссориться можно, когда дела идут на лад, но, если что-то не сварилось, надо отбросить лишнее и действовать.

Женщина чуть помолчала, подбирая слова, одновременно понятные и необидные, и, вздохнув, сказала:

– Агриппина – псина Виргинии, а та спит и видит от меня избавиться... Именно потому я уверена: Фей-Вэйя ни при чем. Я следила за толстухой с самого начала. У нее есть Кристалл, чего и следовало ожидать, но она ничего не предпринимала, только вынюхивала.

– Тогда кто? – Фарбье сорвался с места, едва не своротив столик с молитвенником и фруктами, и заметался по комнате. – Такого просто быть не могло!

– В то, что за Тагэре вступился святой Антоний, ты не веришь? – поинтересовалась Диана, отщипнув от кисти винограда пару ягод.

– Ты что, издеваешься?

– Нет, что ты! Просто это расставило бы все по местам. Тагэре не виноват, а посему оправдан судом горним вопреки суду земному. Но я в это не верю!

– Но должно же быть какое-то объяснение! Как он смог разомкнуть Цепь, а потом спалить ее вместе с этим недомерком, как бишь его звали?

– Иаков. Судебный магик четвертой ступени Иаков Эвгле, и хорошо, что он. Паршивый был человечешко, вечно на всех доносил, чтобы их место занять, и при этом ни одной юбки пропустить не мог, – Диана нервно рассмеялась, – причем чем крупнее была девица, тем выше подпрыгивал наш малыш. Прямо как мопс, пытающийся на борзую заскочить...

– Хм, – неожиданно для самого себя улыбнулся и Фарбье, – а я видел такое однажды... У матери всяческие псеныши на каждой подушке валялись, так один как-то раз за медвежьей гончей припустился, вот смеху-то было... Ладно, ну его, этого Иакова, хорошо, что кто-то путный не сгорел. Но ты хоть представляешь, как это было сделано?

– Пожалуй, да, – бланкиссима больше не смеялась, – по крайней мере, второе заклетье. Его отбили и направили на того, кто его наслал. Такое никакой Кристалл не учует: оба заклетья сливаются в одно, а засекается только первое. Но как Тагэре сорвался с Цепи, не представляю. Воля у него, конечно, бешеная, но у ре Эстре она вряд ли была много меньше... Помочь не

мог никто. Карету вели и маги, и стражники, Тагэре с Иаковым были вдвоем, потом Иаков вышел, Тагэре остался.

– А когда на него надевали Цепь, не могли напутать?

– В таких вещах Доминику можно доверять, Его Преподобие скорее перебдит, чем недобдит, Тагэре взнуздывали шестеро, правда, даже они справились не сразу.

– А с Эстре сколько было?

– Четверо... Но Доминик клянется, что все прошло как надо.

– А не мог герцог как-то сам, без помощи?

– Ты что, с ума сошел, – вскинулась циалианка и внезапно оборвала самое себя. – В этом что-то есть... Тагэре – Аррой...

– Мало ли Арроев, – пробурчал Жан.

– Мало, – отрезала Диана, – я прекрасно знаю, что дело в крови, а не в благословенном церковью браке, и что ты такой же правнук Шарля Третьего, как Шарло, но почему в ком-то Непонятное поднимается, а в ком-то нет, никому не ведомо.

– Непонятное?

– Да, врожденная способность к высшей магии без артефактов и обучения, хотя и то и другое эти способности усиливает.

– Ты могла бы сделать то, что сегодня произошло?

– Нет, Жан, и ни один из известных мне магов на это не способен, разве что у него есть соответствующий артефакт.

– Значит, ты знаешь не все!

– Значит, не все, – не стала спорить Диана. – Но разум подсказывает, что Тагэре освободился самостоятельно. И не спрашивай, как. Он, похоже, и сам не знает. Как не умевший плавать человек, которого бросили в воду, а он выплыл...

– Диана, а разве в нашем роду... То есть кто-то из Арроев был магом?

– Об этом не принято говорить, но сгинувший Рене мог многое. Церковь объяснила победу в Войне Оленя вмешательством Творца, но в хрониках есть намек на то, что эландец обладал Силой. Правда, в его потомстве это вроде бы не проявлялось. Но другие объяснения еще хуже.

– Тогда Тагэре тем более нельзя отпускать.

2850 год от В.И.

11-й день месяца Волка.

Арция. Мунт

Шарля унесли к Мальвани, благо их дворец выходил окнами на площадь Ратуши. Моложавый медикус с благородными сединами осмотрел все еще пребывающего в глубоком обмороке герцога и сообщил, что ничего страшного нет. Просто шок, вызванный (тут врач оглянулся по сторонам) магическим ударом, ставшим следствием разорванного заклатья. Нужен покой, приглушенный свет и тепло. Обморок перейдет в сон, и к утру Тагэре будет здоров, хоть и слаб.

Поскольку Мальвани испокон века собирали все лучшее из имеющегося в Арции, то и медикус у них был отменный. Успокоившись насчет Шарля, Рауль попал в лапки сестрицы, вцепившейся в него мертвой хваткой.

– Я пойду к нему!

– Зачем? Он спит.

– Я все равно пойду.

– Эста, ему нужен покой, он проспит до вечера. Что, так и будешь в темноте сидеть?

– Буду.

Она направилась к спальне, но Рауль решительно встал на пороге:

– Его нельзя трогать, а я тебя знаю. Пять минут посидишь, потом начнешь за руки хватать или по голове гладить. Вот проснется, и делай с ним что хочешь. Скажи лучше, эта твоя ведьма не объявилась?

– Нет. Как ушла, так и пропала, а потом ты пришел.

– Ничего не скажешь, повезло нам. – Рауль увидел, что опасность покою Шарля миновала, и с удовольствием опустился в мягкое кресло.

– Да, – плечики Эстелы вздрогнули, словно она вспомнила что-то очень неприятное, – если бы не Геро, я бы... Ты бы видел, как испугалась Ее Иносенсия!

– Как ты думаешь, кто она?

– Может, из-за гор? Она циалянок не любит...

– Я догадался, – улыбнулся Рауль. – О, Анри!

Анри Мальвани, высокий и красивый, как и все в его роду, бросил мокрый плащ на кресло и протянул руки к огню. Маркиз был свеж, словно бы не провел три ночи в седле.

– Как наш болящий?

– Спит без задних ног... Эста к нему рвется, а я не пускаю.

– И правильно делаешь, ему целую ночь скакать, пусть поспит.

– Ночь? Ты что, нас выгоняешь?

– По мне, хоть до Темной Звезды живите, но я по дороге домой заехал к Обену. От него и узнал, что, во-первых, я опоздал... тебя убить мало, что ж ты мне сразу не сообщил?! А во-вторых, что Фарбье с Дианой получили по ушам. Но об этом потом. Барон вам советует в Мунте не задерживаться, а его советы на вес золота. Будь Шарль на ногах, я бы вас выпроводил прямо сейчас.

– Анри, неужели они после всего посмеют?

– Уже посмели... Нет, разумеется, никаких арестов больше не будет, но яд, стрела или нож к вашим услугам. Они даже виновного нашли.

– И кого?

– Не поверишь! Канцлера. Милейшего Бэррота обвинили в том, что, «воспользовавшись доверчивостью короля, он вызвал Шарля Тагэре подложным письмом и обманом добился его ареста». Умный Бэррот, не дожидаясь визита синяков, исчез, а не менее умный Обен его якобы ищет. Разумеется, безуспешно. Но теперь они запросто могут прикончить Шарло, да и тебя с Эстелой, и свалить на беглого канцлера.

– Весело!

– Можно, конечно, переждать у меня и послать за войсками. Или уезжайте сегодня, или ждите, но с завтрашнего дня я меньше чем с армией вас не отпущу. Пробраться в дом тайком трудно, а гостям скажем, что Шарль болен...

– И тем самым подольем воды на их мельницу. Раз болен, значит, и помереть может, а потом, от простых убийц ты, допустим, остережешься, а ну как они магию в ход пустят.

– Сегодня им это не помогло...

– Такое не повторится.

– Погоди-погоди, – Анри Мальвани вплотную подошел к Раулю, – выходит, ты знаешь, ЧТО там произошло?

– Что не знаю, а вот КТО... Но чтоб дальше тебя не пошло! Обен уж точно без этих знаний обойдется. Сестренка где-то подцепила самую настоящую ведьму в кошачьем обличье, которая для начала расправилась с Ее Иносенсией и вывела Эсту из Фей-Вэйи. О Шарле они узнали случайно, просто ехали через Мунт и услышали. Эстела собралась изобразить из себя Флориану⁴³, а эта ведьма... Уж не знаю, что было у нее на уме, но она сначала вытрясла из

⁴³ Флориана – героиня легенды, пожелавшая разделить судьбу своего возлюбленного, обвиненного завистниками в недозволенном колдовстве. Потрясенный мужеством девушки, король отпустил обоих.

меня все, что я знал о синяках и покаянии, а потом велела ни о чем не беспокоиться. Я ей не поверил, но Эста настояла, чтоб я сидел тихо и ждал, и оказалась права. Кошка сделала свое дело и исчезла. Сначала я не слишком огорчился, не люблю я магии, но сейчас помощь нам бы не помешала.

– Вряд ли обычная ведьма совладала бы с Виргинией и целой стаей синяков, не говоря уж про всякие магические штучки.

– Ну, не знаю, как ее еще назвать. И хотел бы поверить, что святые заступники наконец-то обратили свой взор к Арции, но увы... На святую Циалу она не похожа. Скорее наоборот.

– Но хотя бы красивая?

– Не знаю! Вроде красивая, но у нее такие глаза, что ничего другого не видишь. Может, Эста лучше рассмотрела...

2850 год от В.И.

11-й день месяца Волка.

Арция. Мунт

Гонец из Фей-Вэйи застал Агриппину за столом в доме ее брата. Бланкиссима смаковала вишневую наливку, не забывая подкладывать Соланж всяческие вкусности, которые в доме барона Трюэля не переводились. Узнав гонца, циалианка вздохнула:

– Судя по всему, что-то случилось. Садитесь и угощайтесь...

– Бланкиссима...

– Давайте письмо и берите ложку. На вас смотреть страшно. Что бы там ни произошло, конца света через пол-оры не будет. Соланж, накорми сигнора⁴⁴ рыцаря. Это наша новая воспитанница, я ее выпросила у Дианы, у нас ей будет лучше.

– Не сомневаюсь, – улыбнулся Жерве, искренне любивший толстушку-бланкиссиму, не обдававшую, как прочие сестры, зимним холодом. – Девочка вернется в мир или примет послушание?

– Рано загадывать, но такие глаза не для обители. Ну, где письмо?

Агриппина была истинной сестрой своего брата. От прочитанного у нее закружилась голова, но она ничем не выдала своего потрясения, только окликнула Соланж: «Девочка моя, собирайся, нам нужно ехать».

Да, она должна срочно вернуться и попытаться понять, что случилось после того, как Виргиния спешно отправила домой дочку ре Фло. Просто так с ума не сходят, особенно Предстоятельница. Или Ее Иносенсия, бывшая, с точки зрения Агриппины, излишне самонадеянной, взялась за заклатья, которые были ей не по силам, или кто-то взялся за нее. Это необходимо выяснить. Что ж, придется оставить Шарля Тагэре на попечении друзей и братца Обена. Сейчас герцогу ничего не грозит, а потом она найдет способ поближе узнать повелителя Эльты и выведать, что же с ним произошло. Бланкиссима склонялась к мысли, что напряжение сил душевных и физических разбудили в герцоге скрытые способности и он, сам не понимая как, сначала разорвал сковавшую его магическую Цепь, а затем парировал направленное против него заклатье. Интересно, осознает ли Шарло, что сотворил, и сможет ли при необходимости повторить? В любом случае Жан с Дианой теперь трижды подумают, прежде чем поднимать руку на Тагэре.

Агриппина была умной женщиной, и она не могла угадать, что может прийти в голову людям ограниченным, к тому же брат так и не успел ей рассказать ни об обвинениях, выдвинутых против Бэррота, ни о своих подозрениях.

2850 год от В.И.

⁴⁴ Сигнор (от сигнала) – потомственный дворянин.

Ночь с 11-го на 12-й день месяца Волка.

Окрестности Мунта

Из города они выбрались благополучно, хоть и не в полном составе. Оруженосец Шарля остался у Мальвани сообщать навязчивым визитерам, что «его светлость плохо себя чувствует и отдыхает», а Жак с помощью своих приятелей должен был проследить, у кого интерес к герцогу вызван сочувствием или любопытством, а кто узнает об этом, преследуя свои цели. Пришлось оставить и лошадей, и небольшой эскорт, взятый Шарлем и размещенный не в резиденции Мальвани, а в гостинице. На своем коне был только Эдгар, а остальным одолжил лошадей Анри. Они выехали в одежде простых путешественников. Трое мужчин и одна женщина в темных дорожных плащах без кареты и запасных коней не должны были привлечь чужое внимание, тем паче разбойники, весьма многочисленные в Приграничье, в окрестностях столицы появлялись редко. И все равно на них напали. Именно тогда, когда вернуться в Мунт стало невозможным.

Тревогу поднял Эдгар. Эстеле, ехавшей между братом и герцогом, не было дела ни до чего, кроме Тагэре, с которым ей так и не удалось поговорить. Шарлю было слишком плохо, чтоб он мог думать о чем-то, кроме того, выдержит ли он ночь в седле, а Рауль прикидывал, что сказать отцу. Неудивительно, что лишь Эдгар заметил смутные силуэты у мостика через неглубокий ручей. Добрым людям прятаться в тени незачем. Ветеран сдавленно выругался и осадил коня. Рауль и чуть замешкавшийся Шарль последовали его примеру. Эстела не успела ничего сообразить, но брат схватил ее лошадь под уздцы и завернул. Тех, у моста, было много больше, и лучше было не рисковать, но возвращаться оказалось бессмысленно: сзади на дорогу высыпали лучники...

Шарло наблюдал за происходящим с каким-то отстраненным любопытством, словно оно его не касалось. Он понимал, что оказавшиеся и впереди и сзади вооруженные люди собираются их убить, но никаких эмоций это у него не вызывало. Будь герцог здоров, он бы уже действовал, но схватка со Скорбящими словно бы высосала у него всю волю и к жизни, и к победе. Тагэре понимал: единственное, что может дать им хоть какой-то шанс, это смешаться с теми, впереди, попытаться прорваться через ручей и ускакать. И делать это нужно немедленно, иначе их просто расстреляют! Их единственное преимущество – кони, а значит – быстрота и сила удара. Будь он в себе, он бы уже вел маленький отряд на прорыв, велел Раулю позаботиться об Эстеле, а Эдгару прикрывать тыл...

К счастью, это понимал не только Шарль. Эдгар многое повидал за свои сорок пять и до глубины души был предан дому ре Фло. Своей семьи у него не было, и дети сигнора для него стали светом в окошке. Рауль был занят сестрой, Шарль пребывал в состоянии лунатика, но Эдгар головы не потерял и сделал именно то, что должно, а именно бросился вперед, крикнув остальным держаться рядом. И тут не было бы счастья, да несчастье помогло. Анри Мальвани дал им лошадей своих сигурантов, привыкших соблюдать строй, и жеребец Шарля самочинно занял место рядом с лошадью Эстелы.

Четверка бросилась вперед. У них был один шанс против сотни, но он все же был.

Убийц (а в том, что это наемные убийцы, охотящиеся именно за ними, сомнений не было: Эдгар узнал в главаре здоровяка, в приснопамятный день несостоявшегося покаяния болтавшего у эшафота) на первый взгляд было около пяти десятков. Вооружены подлецы были отменно, а по тому, как слаженно и уверенно, чтоб не сказать нагло, они действовали, видно было, что это далеко не первый их «подвиг».

Главарь со странной алебардой, острие которой имело два разветвления, заканчивавшихся крюками, без сомнения предназначавшимися для спешивания всадников, стоял чуть впереди остальных. Верзила наверняка владел своим оружием мастерски, но Эдгар выбрал противником именно его. И у разбойничьих шаек, и у небольших военных отрядов самое уязвимое место – вожак. Убить его равноценно тому, чтобы разорвать нитку, на которой нани-

заны бусы. Люди пусть на мгновение, но перестанут быть единым целым, начнут бестолково метаться, совершать глупости. Но потерявшие главаря бандиты теряются чаще воинов регулярного отряда, у которых погиб офицер. Чтобы добиться и сохранить первенство в шайке, нужно не только быть сильнее и хитрее остальных, но и держать их в руках, вовремя устраняя возможных соперников. Замены убитому вожаку сразу не найти, и Эдгар решил попытаться счастья.

Всадники были в нескольких шагах от нападающих, сноровисто сооружавших многорядовое кольцо, которое должно было замкнуться за спинами жертв, когда ветеран, издав дикий атэвский клич, послал буланого в высокий длинный прыжок. Это было неожиданностью не только для бандитов, но и для спутников Эдгара: четверка разделилась на две линии, а сам он оказался рядом с главарем, одновременно выхватывая свой любимый катласс⁴⁵. Старинный эландский клинок был покрыт затейливой резьбой, а гарда была шире обычной и закрывала руку почти до середины предплечья, что было весьма кстати: вряд ли убийцы были бы столь любезны, чтоб дать своим жертвам надеть доспехи.

Первый удар главарь ловко принял на один из крючьев, и тотчас же его странное оружие пошло очерчивать широкий полукруг. Здоровяк намеревался одновременно выкрутить оружие из рук противника и подсесть ноги его лошади. Это явно был его коронный прием, но Эдгар не зря провел в походах и стычках три десятка лет. Северянин резко вздыбил коня, за счет его силы «вытянув» соперника на себя. Копыта ударили бандита в грудь, и тот, глухо выругавшись, отлетел назад и упал на спину. Все произошло настолько быстро, что Рауль и наконец очнувшийся Шарль не успели догнать вырвавшегося вперед. Впрочем, без дела они не остались. Как ни печально, потеря вожака почти не сказалась на остальных, они не растерялись и не отступили.

Убийцы прекрасно понимали, что конным нельзя оставлять простора. Да, неожиданность и разгон сделали свое дело, какое-то время четверке конь о конь удавалось продвигаться вперед, буквально прорубая себе дорогу, но разбойников было слишком много, и они были недурными бойцами. Теперь они пытались прижать всадников друг к другу. Шансов вырваться и ускакать оставалось все меньше, по крайней мере всем четверым. Эдгар это понял, понял он и то, что должен опередить Рауля, который тоже мог вспомнить этот прием. Мальчишка должен жить, а он... Что ж, сорок пять не так уж и мало!

Выхватив из-за спины длинный кинжал, ветеран прыгнул вниз, одновременно с силой всадив клинок в конский круп. Обезумевшее от боли животное рванулось вперед, смяв сразу же четверых. Буланому не суждено было уйти: кто-то очень удачно подсек ему сухожилия на правой ноге, конь дернулся, и, не удержавшись на ногах, рухнул, придавив подвернувшегося разбойника, предсмертный вопль которого завершил прорыв бедного жеребца. Благодаря маневру Эдгара в гуще схватки образовалось пустое пространство. Шарль с Раулем не замедлили направить туда коней, но самому ветерану было некогда смотреть по сторонам. Он яростно отбивался от наседавших бандитов, нанося удары поочередно катлассом и кинжалом и моля то святого Эрасти, то Проклятого о том, чтобы все было не зря. Занятый схваткой, он не видел, как сразу трое убийц грудью и гардами на полном скаку остановили коня Рауля. Это было явным самоубийством, но, похоже, бандиты ценили головы Тагэре и ре Фло дороже собственных. Жеребец остановился, словно налетев на каменную стену, и всадник по инерции вылетел из седла. Но Эдгар не зря учил виконта: падая, тот успел сгруппироваться и вслепую выставить перед собой меч. Это и спасло ему жизнь. Рауля швырнуло через головы остановивших коня бандитов, и он приземлился прямо на древко тяжелого копыя разбойника, стоявшего в последнем ряду оцепления. Приданного полетом импульса хватило, чтобы меч, как тростинку, перерубил толстое древко и разрубил несостоявшегося убийцу чуть ли не до пояса.

⁴⁵ Катласс – специально утяжеленная шпага для абордажного боя, впрочем, нередко применявшаяся для конных схваток.

Шарлю чудом удалось не только остановить своего коня, но и лошадь совершенно потерявшей голову Эстелы, буквально в ладони от спины друга. Но строй был сломан. Впереди, на волоске от спасения, оказался пеший Рауль, затем двое всадников и сразу за ними отчаянно рубящий направо и налево Эдгар, который все же оглянулся. Этим не преминул воспользоваться невысокий, но кряжистый, как дубовый пенек, разбойник, зацепивший ветерана крюком за левое плечо и резко рванувший на себя. Это было плохо, но все ж не смертельно! Эдгар прыгнул назад, выставив под невероятным углом руку с кинжалом. Цепь, на которой крепился крюк, провисла, и клинок погрузился в сердце убийцы до самой гарды, но ветерану это не помогло. Бандиты не упустили шанс, данный им убитым товарищем, и сразу несколько мечей пронзили тело Эдгара. Он еще смог в последнем броске ударить одного из нападавших в шею и, заливаясь вражеской и своей кровью, упал на тело человека с крюком. Смерть, которую он дурачил тридцать с лишним лет, наконец взяла свое.

Теперь все зависело от Шарля, единственного из мужчин, оставшегося на коне. К счастью, воля Тагэре опять взяла верх и над магией, и над болью. Подняв жеребца на дыбы и чудом удерживаясь в седле, герцог рубил направо и налево, заставляя коня чуть ли не танцевать вокруг Рауля и отчаянно крича Эстеле, чтобы та скакала прочь. Рауль, переложивший меч в левую руку, орал им обоим то же самое, а к нападающим присоединялись замеченные на дороге стрелки, которым лишь свои же товарищи да еще небывалая сноровка герцога в управлении конем мешали прикончить уцелевших. Однако главарь, не убитый, а только оглушенный, пришел в себя и вовсе не собирался зазря терять людей. Изрядно прихрамывая, он протискивался сквозь напиравших друг на друга бандитов, крича Шарлю, чтобы тот бросал оружие. Тагэре молчал, продолжая яростно отбиваться, но ответ вожак все-таки получил.

– Оставьте их. – Холода, прозвучавшего в хриловатом женском голосе, хватило бы на парочку выюг.

Несколько мечей молниеносно развернулись на звук. В стгущающихся сумерках еще можно было рассмотреть женскую фигуру, закутанную в плащ. Женщина была одна.

– Оставьте их, – повторила она устало и презрительно, – и можете проваливать.

– Хо! – махнул рукой главарь. – Вот и еще одна. Пять лучше, чем четыре...

– Иногда и одним подавишься, что ж, я предупреждала. Стоять!

Люди и кони замерли в самых немыслимых позах, напомнив украшения на фронтонах канг-хаонских храмов. Женщина отбросила капюшон, и последний оранжевый луч блеснул на светлых косах. Не спеша она проходила мимо замерших бойцов, вглядываясь в лица.

– Ты! – Она положила руку на плечо мощному воину, замершему в низком выпаде, и тот неуклюже шлепнулся на землю, выпустив меч, но потом сразу же схватил его вновь, а женщина уже коснулась высокого светловолосого человека и его коня, а затем всадницы, судорожно сжимавшей поводья.

– Геро, – прошептала Эстела.

– Вот и оставляй вас, – хмыкнула та, – хотя эти, похоже, выставили караулы у всех дорог. Ладно, вам пора.

– Сигнора, – Шарль почтительно склонил голову, хотя по рассеченной щеке сбегала струйка крови, – я знаю, это вы спасли и меня, и Эстелу. Мой дом – ваш дом, и моя кровь – ваша кровь.

– Не надо, – голос Геро дрогнул, – сохрани свой дом для себя и для тех, кому ты нужен, этого будет довольно. А кровь... Я перевяжу Рауля, а потом и тебя, а то останется шрам.

– Шрамы это не то, чего должен бояться мужчина. – Тагэре попытался улыбнуться. – Надеюсь когда-нибудь вернуть вам долг. Если вы собираетесь сражаться, можете рассчитывать на наши мечи.

– Сначала я должна отыскать... Словом, когда война начнется, вы о ней узнаете. А сейчас нужно бежать.

– А эти?

– Эти? – Губы ведьмы тронула полуулыбка. – Я позабочусь о том, чтобы они больше никогда не убивали. Езжайте, незачем вам это видеть.

– А вы?

– У меня своя дорога, – тихо сказала женщина, – и по ней я пройду одна. Да помогут вам Великие Братья.

– Великие Братья?

– Вы не помните о них? Хотя откуда вам... Как бы то ни было, пора.

Эстель Оскора

Герцогу явно хотелось продолжить разговор, но у него хватило такта поклониться и уехать, забрав с собой Эсту и Рауля. Великие Братья! Этот светловолосый порывистый человек прапрапраправнук Рене, и Рене мог бы гордиться таким потомком, хотя среди его наследников попадались всякие. Шарло Тагэре заслуживал того, чтобы жить, так что я оказалась права, решив проводить их. Занятно, эти бездельники чуть было меня не провели, удрав среди ночи и на чужих лошадях. Если бы не магический хвост, все еще тянущийся за Шарло, я бы до сих пор пребывала в полной уверенности, что герцог спит и видит сны в доме своего друга. Да, похоже, от него решили избавиться всерьез. Не вышло!

Я долго смотрела им вслед, таким молодым и полным жизни. Может быть, отправиться с ними? Нет, это никуда не годится, у каждого свой бой, не могу же я все время прыгать вокруг Тагэре и его невесты. Они доберутся до своей Эльты, а дальше все зависит от их ума и, чего скрывать, удачливости. Я дважды удержала под уздцы их судьбу, пусть теперь заботятся о себе сами.... И все равно я расставалась с Шарлем, Эстелой и Раулем как с родными, может быть, потому, что других близких у меня не осталось.

Судьба или те, кого мы называем этим именем, вступили в игру, подсунув мне отдаленного потомка Рене. Только сейчас я поняла, через какие бездны мы смотрим друг на друга. Шестьсот сорок лет! Тех, кого я знала, помнила, любила или ненавидела, давно нет на свете, хотя эльфы-то должны были где-то остаться! Должны-то должны, но о них ничего не слышно. Похоже, Эмзар нашел-таки дорогу домой, или же дети Лебеда присоединились к своим Лунным собратьям, а может, и те и другие сгинули в Сером море, как Рене. А я... я, как воин из старой исской песни, вернулась домой с заветным мечом и поняла, что защищать и спасать некого. Человеку из легенды было легче: он бросился на меч, разом покончив со всем, а мне предстояло действовать. Если все сгинули, если не осталось никого, кроме меня, придется драться в одиночку.

Чтобы отогнать чудовищную тоску, я постаралась разложить по полочкам все, что узнала от Эстелы и Рауля и вытянула из Виргинии. То, что дело неладно, я поняла сразу же, как проникла в Фей-Вэйю, буквально пропитанную отвратительной магией. Ройгианство без Ройгу во славу Творца, который, может, есть, а может, нет... Это было чем-то извращенным, неправильным, диким! В Тарре⁴⁶ забыли Старых богов, забыли сменивших их Светозарных, выдумали некоего Единого в Трех Лицах и теперь во имя этой выдумки творят незнамо что. Кто-то полагает, что и вправду угоден Высшей Силе, но большинство, уж в этом-то я была уверена, заботятся о себе, да и как же иначе...

Я постаралась забыть о том, что вернулась в Тарру, и попыталась взглянуть на свой родной мир глазами странницы, как до этого смотрела на десятки других реальностей. Да и так ли уж я была далека от истины, пытаюсь почувствовать себя чужой? Те, кого я знала, исчезли, изменились очертания морей и границы государств, даже звезды и те кажутся другими. Что же осталось? Несколько названий и капля крови Рене в высоком светловолосом человеке, в кото-

⁴⁶ Тарра – весь мир.

рого влюблена темноволосая девушка, готовая броситься за ним хоть в костер. Разумеется, я спасла их, но вот что делать дальше?

Самым мерзким в новой Тарре, как я поняла, были Скорбящие и циалианки. Женщины, дорвавшиеся до власти и почитающие себя высшей инстанцией, что может быть гаже? Мужчин, даже фанатиков, порой сдерживает понятие чести и мужской дружбы. Женщины дружбы не знают, они могут или любить, или ненавидеть, или любить и ненавидеть одновременно. Если они не любят мужчину, они любят власть или бога и, в любом случае, ненавидят соперниц и тех, кто выбрал для себя другой путь. «Не такая» – такой же враг, как и та, что может перейти дорогу. Сестры же (если Виргиния не была вырождаком, а она, к сожалению, не была – об этом увиденное мной прямо-таки криком кричало) совмещали в себе все самое жуткое, что есть у клириков, каковых я на своем веку немало повидала, у женщин и у магов, черпающих свою силу в жестоких ритуалах. Сочетание вышло чудовищным.

Я не сомневалась, что тот, кто прятался в Сером море, направлял и этот орден, и Лумэнов, и ифранского Жозефа. Эта тварь была куда страшнее не только моего отца со всеми его «рогатыми», но и самого Ройгу. Это же надо! Незаметно прибрать к рукам чуть ли не всю Арцию, не прибегая к «Наполнению Чаши»⁴⁷ и прочим прелестям. На первый взгляд все шло как обычно. Ну, воевали, ну, убивали и свергали, так это было всегда. Развалилась некогда большая империя, забыли порох и собственное прошлое, вспомнили доспехи, уверовали в новые сказки, поменяли местами правых и виноватых. По отдельности все это могло случиться, но вместе мне ужасно не нравилось.

Я уж не говорю о том, что проклятье старой Зенобии сработало: кровь Рене восстала друг на друга. В Тарре шла нешуточная заваруха. Того, что я успела увидеть, хватило, чтобы понять: потерпев неудачу с древним богом, наш неприятель сделал ставку на людей, прежде всего на Скорбящих и циалианок (впрочем, Лумэны и ифранские короли были немногим лучше), и те успели натворить дел. Если все они были руками того заморского зла, которое сгубило Рене, то оно здорово продвинулось вперед.

Похоже, оно в состоянии добиться своего и без Белого Оленя, которого я не слышу, хотя переполняющая меня сила свидетельствует, что тварь жива и здорова, и, значит, я должна ее найти и остановить. Так что войны и интриги придется отложить, хотя моя душа, или что там у меня было, болела и за Тагэре, и за Эстелу. Я должна освободить Эрасти. Не выйдет – займемся чем-то другим, но начинать следовало с этого.

Где искать Проклятого, я знала: вряд ли Корбутские горы и Место Силы куда-то делись, горы стоят долго, особенно такие. На мгновение я задумалась. Проще всего было перенестись туда с помощью магии, но кто знает, как она сработает рядом с тем чудовищным искажением, которое видел Роман, да и синяки не могут не учуять такое возмущение, а я бы не хотела сообщать им о своем возвращении. Они, похоже, считают меня сказкой, и пусть считают. Увы. Я не столь всемогуща, как та Темная Звезда, которой сегодня в Тарре пугают детей, но я есть, и с этим им придется считаться. Даже если я не найду ни Романа, ни Эмзара, даже если Рене погиб или исчез и я НИКОГДА его не увижу, я сломаю хребет этой погани. А для этого нужна тайна и ясный и трезвый рассудок. Именно поэтому я не стану рыскать по Арции, выискивая следы тех, кто мне дорог, а направлюсь в Последние горы. Или я найду Эрасти, или нет, но любой ответ – это определенность.

Рене не заставлял меня клясться, что я закончу его войну, что бы ни случилось с ним, но я сделаю это. Сейчас осень. Если отправиться пешком, не прибегая к высшей магии, я окажусь у Места Силы не раньше весны, да и то если повезет.

⁴⁷ Наполнение Чаши – магический ройгианский обряд, когда собирается жизненная сила умерщвляемых особым способом существ, которая впоследствии преобразуется в магическую энергию.

Поискать Тайные Пути? Думаю, я нашла бы их, но я слишком долго не была в Арции и не знаю, кто сейчас ходит тропами Ушедших. Если ройгианцы, я получу войну раньше, чем нужно. У меня оставался лишь один способ, простой и надежный. Правда, если тот, кого я позову, не придет, это будет знаком того, что и другие друзья далеко или мертвы. Именно поэтому я тянула, глядя, как на западе догорает оранжевая полоска. Месяца не было, только холодные звезды. Я отыскала созвездие Рыси, мысленно обращаясь к Рене, а потом опустилась на колени над речонкой и, резанув по руке эльфийским кинжалом – еще одна память, – опустила окровавленную руку в воду. В моих жилах по-прежнему текла красная кровь, и пусть не кто угодно, но я сама еще могла ее пролить. Глупо, но отчего-то это успокаивало.

Если тот, о ком я думаю, жив и здесь, он меня узнает и придет, а пока следовало заняться новоявленными статуями. Конечно, можно было и так оставить, через несколько дней они бы умерли от жажды, и с жизнью кончилось бы и заветье, но такое «украшение» возле столицы вызовет нездоровое любопытство. Заклятью неподвижности я научилась далеко от Тарры, здешним магам его никогда не распутать, да и сил у них не хватит, но шум пойдет немалый, и как бы это не повредило Тагэре. Все мало-мальски сведущие в волшбе наверняка пришли к выводу, что раз на эшафоте не было никого постороннего, то всему виной разбуженная внешней магией кровь Арроев. Лично я бы так и подумала, а если еще и те, кто на него напал, оборотились в соляные столбы, то на герцога повесят всех магических собак. Нужно было срочно что-то придумать, и, скажу без лишней скромности, у меня это вышло.

Убийц оставалось десятка три, я прикинула, кто из них был самым сильным, и придала ему внешность Шарля, после чего отступила в сторону и сказала: «Свободны». Разумеется, все бросились на одного. Мой выбор оказался неплох, бандит защищал свою жизнь бешено, прежде, чем его свалили, он уложил двоих или троих. Тот же, кто его убил, в награду получил... лицо Тагэре и смерть. Они убивали друг друга, а я стояла и смотрела. Не могу сказать, что это было приятным зрелищем. Мне пришлось дважды увидеть, как падает пронзенный мечом человек, вызывающий у меня какую-то осеннюю нежность. Отвернуться я не могла – нужно было успеть сменить заклинание.

Наиболее удачные боевые заветья растут из слабых и подлых сторон тех, против кого они направлены. С такими, как Шарло, этот прием не сработал бы, но для наемных убийц он был в самый раз. Они предавали и предавали, били в спину и чужих и своих, обо всех судя по себе. Мой герцог верил тем, кто дрался с ним бок о бок, и потому для этого заветья был неуязвим. Другое дело – бандиты. Придавая одному из них черты Тагэре, я заставила остальных на него наброситься. Разумеется, «жертва» вообразила себя преданной. Предсмертной ярости, страха и злобы, направленной против своих же, хватило на полноценную Печать Ненависти. Теперь каждый в каждом видел врага, каждый дрался против всех, полагая себя жертвой предательства со стороны других. Я смотрела на жуткий, безумный, воющий ком, истекающий кровью. Это были даже не звери, а что-то извращенное, жестокое и бессмысленное.

Разбойники истребляли друг друга, а я стояла рядом, держа заветье и сохраняя барьер, так как заваруха началась слишком близко от города, а вызванное моим появлением в Тарре магическое возмущение учуяли даже на отдаленной дороге.

Наконец все было кончено, пауки пережрали друг друга. Остался только один, и тот едва держался на ногах. Я могла бы его прикончить, но решила «повесить» на него все, что можно и нельзя. Магическая грязь, налипшая на меня во время моих таррских походов, и жизненная сила убитых бандитов были превосходным материалом, а жаль мне этого человека не было. Раз ты стал наемным убийцей, будь любезен проглотить то, чем угощал других. Я подошла к нему и положила руки на его плечи. Он попробовал вырваться, но мир уже стремительно оборачивался вокруг нас двоих, вливая в последнего из убийц силы всех, погибших здесь, и одновременно желание бежать, бежать и бежать... Когда силы иссякнут, он упадет и умрет, но будет это нескоро, сначала беглец оставит такой магический след, что самый заваливающий магик

поймет: здесь прошел кто-то, сотворивший запредельную волшбу. Я убрала руки, и убийца, даже не оглянувшись, торопливо вскочил на лошадь и поскакал на юго-восток: я прикинула, что лучше, если след приведет в Канг-Хаон. Если разбойника настигнут живым, еще можно будет догадаться, что он обманка, но, если он успеет умереть, у преследователей не возникнет сомнений: дорогу им перешел хаонский волшебник. И пусть гадают, зачем это ему понадобилось!

Дело было сделано, и я присела на берегу ручья. Отчего-то судьба вечно подстерегала меня у воды. Время шло, я ждала, не позволяя себе даже думать о том, что жду напрасно. И он пришел. Клубящиеся облака налетели с северо-запада, закрывая звездное небо, вдали загремело. Поздняя гроза приближалась, а вместе с ней и тот, кого я звала. Окружившая меня угольная чернота не мешала чувствовать каждое движение древнего создания. Спутник первых богов Тарры, участник нашей с Рене войны и свидетель нашей любви появился быстрее, чем я думала, и я со стоном приникла щекой к прохладной шее. Гиб! Старый друг! Как же я была рада его видеть!

2850 год от В.И.

12-й день месяца Волка.

Окрестности Мунта. Морской тракт

Шарль едва держался в седле, но признать это было выше его сил, а Эстела никогда бы не позволила себе запросить пощады при герцоге. Передохнуть предложил Рауль, хотя он был единственным, кто мог продолжать путь. Виконт внутренне улыбнулся и заявил:

– Все! Или мы останавливаемся в той деревушке, или мы умираем у того холма!

– Хорошо, – кивнул Тагэре и замолчал, видимо, ему было тяжело даже говорить.

В большом доме у дороги горел свет: хозяева уже встали. Рауль постучал, и всклокоченный дядька в холщовом фартуке поверх тяжелой куртки, оказавшийся – на ловца и зверь бежит – местным трактирщиком, с готовностью принял предложенный ему аур⁴⁸, радуясь удачно начинающемуся дню. Комнат у него оказалось как раз две, и обе пустовали. В одну Рауль водворил притихшую Эстелу, от усталости забывшую даже о герцоге, а во вторую буквально втащил Шарля. Тот, когда Рауль принялся стаскивать с него сапоги, попытался сопротивляться, но быстро смирился и вскоре уже спал. У ре Фло еще хватило сил умыться, позавтракать лепешками с парным молоком и выяснить, что деревенька зовется Броды, стоит на земле, принадлежащей графам Койла, и что благородные сигноры могут жить здесь хоть до Темной Звезды.

Рауль заметил, что они, вероятно, проведут здесь пару дней, но лучше будет, если об этом никто не узнает. Трактирщик с готовностью согласился, по его глазам было видно, что он подозревает любовную интрижку. Вот и славно, скрывать еретиков он, возможно бы, и не решился, а вот удравшую дочь от назойливого родителя... Почему бы и нет! Рауль сдержанно хмыкнул, укрепляя хозяина в его догадке, и поднялся наверх.

Шарль спал, разметав руки, видимо, ему что-то снилось, потому что он улыбался совсем по-детски. Рауль сбросил куртку и с удивлением уставился на то место, где была рана. На смуглой коже белел рубец, которому на вид было никак не менее полугода. В другое время виконт был бы потрясен до глубины души, но сегодня он слишком устал и для того, чтобы думать, и для того, чтобы удивляться. Он еще немного посидел, глядя прямо перед собой и веря и не веря, что все произошло именно с ними, а потом стащил со второй кровати одеяло и улегся у двери, положив рядом меч и кинжалы. Спустя мгновение спал и он.

2850 год от В.И.

15-й день месяца Волка.

⁴⁸ Аур – золотая монета, имеет хождение во всех Благодатных землях.

Фей-Вэйя

– Вот мы и дома. – Агриппина ласково улыбалась, хотя на душе у нее скребли кошки. Кто знает, что здесь творится, но зачем загодя пугать Солу. Девочка только-только начала оттаивать, да и не понять ей того, чего опасается Агриппина. Пока не понять! – Видишь дом, увитый виноградом? Ты будешь жить там, на втором этаже.

– А вы, бланкиссима?

– Я? Рядом. Мы будем видеться каждый день. Я старшая наставница, а ты к тому же моя крестница. Ничего не бойся, я о тебе позабочусь.

– Спасибо, – опустила ресницы Соланж, и Агриппина которой раз подумала об удивительной красоте юной ноблесски. Даже теперь вряд ли кто пройдет мимо и не оглянется. А что будет года через три, когда Сола закончит обучение!

– Ты уже ответила на Вопросы?

– Нет, бланкиссима... Бланкиссима Козима меня еще только готовила.

– Хорошо, завтра этим и займемся. – Разумеется, Диане, затеявшей авантюру с Тагэре, было не до девчонок-послушниц!

В Мунте в резиденции ордена вообще творится что-то непотребное. Сестры чуть ли не в открытую живут не только с рыцарями Оленя, что время от времени случалось даже в Фей-Вэе, но (что вовсе никуда не годится!) с арцийскими нобилями, и тон задает Диана, спевшаяся с мерзавцем Фарбье.

Воистину, от орла орленок, а от кота – кощенок. Фарбье славились любвеобильностью, которая уступала разве что их честолюбию. Потомки любовницы Жана Лумэна, прозванного Двоеженцем, они старательно карабкались вверх, пытаясь с помощью некрасивых, но знатных жен и честолюбивых любовниц отмыть с герба кошачьи следы... Жан Второй, незаконный кузен убитого во время очередной военной авантюры Пьера Пятого, с помощью развратной бланкиссимы совсем подмял слабоумного короля. Диана же ведет себя в Арции как королева. Агриппине было противно на все это смотреть, но пока Рубины Циалы не украсят ту, кто сможет в эти поганые времена спасти Арцию от гибели, придется терпеть и блудниц, и интриганок. Можно, конечно, покарать арцийку, но это усилит Елену-тихоню, а Агриппина была уверена, что в ифранской змее яда еще больше. Позволить же кому-то из них захватить Рубины сестра барона Трюэля не могла. Заболевшая Виргиния, та хотя бы видела дальше собственного носа.

Выбежавшие служители принимали лошадей, снимали с них баулы. Сестра Теона увела присмирившую Соланж. Девочка несколько раз оглянулась на Агриппину, и та ободряюще помахала ей рукой. Сложись ее судьба иначе, ее собственной дочери могло бы быть столько же, хотя с такой внешностью, как у нее самой, девочек лучше не рожать. Агриппина вздохнула и повернулась к одной из сестер:

– Что, бланкиссима Генриетта у себя?

– Да, она просила привести вас немедленно.

– Хорошо, я только переоденусь.

– Бланкиссима сказала, чтобы вы сразу же шли к ней.

Так, значит, письмо не врет, и случилось что-то из ряда вон выходящее. Агриппина сбросила влажный тяжелый плащ – дождя не было, но все прямо-таки пропитала холодная сырость – и поднялась к Генриетте.

– Слава святой Циале, Грина. Наконец-то!

– Неужели все так серьезно?

– Не знаю, что и думать. Ты в этом разбираешься лучше меня.

– Так что случилось?

– Сначала проведем Виргинию.

– Что с ней произошло?

– Это я и хочу узнать. Я такого никогда не видела. В дюзах обрабатывают иначе, но на обычное помешательство тоже не похоже.

На помешательство это действительно не походило, хотя бы потому, что для того, чтобы сойти с ума, требуется ум, а у Ее Иносенсии его не осталось. Перед потрясенной Агриппиной сидело животное не умнее морской свинки.

– Грина! В уставе сказано, что Предстоятельница становится таковой пожизненно, что она не может ошибиться или согрешить.

– Значит, не может... Что ж, придется обучить ее делать несколько нужных жестов, а остальное ляжет на тебя. Ты настоятельница Фей-Вэйи, и здесь твои распоряжения, кроме тех, что отменит Ее Иносенсия, – закон. Но я сомневаюсь, что она станет что-то отменять.

– Грина!

– Гета! Тебе никогда при живых Елене и Диане не удастся стать Предстоятельницей. А теперь, если не будешь дурой, ты получишь все, кроме Рубинов.

– Ой, как я рада, что ты вернулась!

– А вот я не очень. Виргиния могла бы и подождать кварту⁴⁹ или две, пока я управлюсь с делами. То, что я видела в Мунте, мне не понравилось, и дело не в любовных похождениях Дианы.

Эстель Оскора

Гиб остановился на краю самой мерзкой цветочной поляны, которую я когда-либо видела. Собственно говоря, до сего эпохального момента я не представляла, что цветы могут быть мерзкими, и потому увиденное перевернуло все мое нутро. Высокие, по грудь коню, с жирными стеблями и широкими зелеными с белесоватым налетом листьями, увенчанные мясистыми соцветиями, испускающими приторно-сладкий аромат, эти, с позволения сказать, растения стояли сплошной стеной, а над ними вились достойные их бледные бабочки... Я поняла, что дальше Гиб не пойдет. Водяной конь был смел и искренне предан Рене, любовь к которому частично перенес и на меня, но даже мой адмирал вряд ли заставил бы Гиба сделать хоть один шаг. Эти цветочки были границей, за которой все словно бы сходило с ума. Роман рассказывал, что ему удалось перейти цветущее поле и добраться до центра этого безумия, но, похоже, за прошедшие столетия очаг заразы разросся. Эльф говорил о каком-то провале, куда он спускался, я же обнаружила цветочное кольцо, едва переправившись через широкую степную реку. Что ж, терять мне в любом случае нечего! Со мной Кольцо Эрасти и моя сомнительная Сила. Если мне удастся продрасть к Проклятому, то, может быть, я получу ответы на все вопросы, в том числе и на тот, который был для меня важнее всего. Эрасти МОГ знать, что скрывается в Сером море, и я не колебалась.

Гиб, совсем как настоящий конь, ткнул меня зеленоглазой мордой и вздохнул. Моя единственная связь с прошлым! Я провела рукой по лоснящейся прохладной шее и, больше не оглядываясь, шагнула в проклятый цветник.

Идти по нему было не так уж и трудно, хоть и противно. Стебли, на которые приходилось наступать, с чавканьем переламывались, брызгая мутным соком. Полагаю, для любого нормального существа это было смертельным ядом, но у меня вызывало лишь брезгливость. Бабочки окружили меня и нахально порхали вокруг лица, то и дело задевая белесыми крылышками, в воздухе стоял густой запах парфюмерной лавки, но эту беду пережить было можно. Луг казался бесконечным, я не знала, сколько я прошла. Все те же бабочки. Все та же сладкая жара и мясистые пупырчатые цветы у лица. Наконец я догадалась посмотреть на небо, и мне, впервые за время разлуки с Рене, стало страшно. Неба не было, была какая-то клубящаяся муть. Я попробовала привстать на цыпочки и оглянуться. Бесполезно. Только цветы, бабочки,

⁴⁹ Кварта – арцийский эквивалент недели, соответствует одной фазе Луны.

опаловая пелена сверху и переломанные, истекающие соком стебли, отметившие мою дорогу. Я поднесла к глазам руку с Черным кольцом и увидела, что оно изменилось. Раньше это был просто слегка выщербленный сверху очень темный полупрозрачный камень с какими-то точками и разводами внутри. Теперь внутри кольца, словно костер на ветру, билось невиданное черное пламя, и ветер дул чуть в сторону от того направления, которое избрала я.

Я знала, что именно Кольцо в свое время привело Рамиэря туда, где исчез Эрасти, видимо, и мне следовало повернуть туда, куда указывал язык темного огня, и я повернула. Теперь я, по крайней мере, получила хоть какой-то знак, подтверждающий мои догадки. И я шла, стараясь думать о чем угодно, кроме того, что и эта дорога может оказаться бесполезной. Мое упорство было вознаграждено, я бы даже сказала, слишком.

Роман не преувеличивал, наоборот. А может, за прошедшее время виденное им безобразие окрепло и заматерело. ЭТО, толстое, полупрозрачное, мутное, больше всего походило на студенистый след чудовищного слизняка, отделенный от земли и намотанный на огромное веретено, верхний конец которого терялся в белесой хмари, заменяющей здесь небо. Я стояла на окраине наконец-то закончившегося луга, где цветы едва достигали колен, а бабочки и вовсе исчезли, и смотрела на то, не знаю что. В нем не было ни входа, ни выхода, вообще ничего. Приглядевшись, я все же разглядела в сером сгустке какие-то черточки и кляксы, но от этого легче не стало. Что ж, идти так идти, и я шагнула вперед.

Ничего не произошло, меня не скрутило в бараний рог, в меня не ударила молния, я не провалилась в зыбучие пески. Что ж, раз нас подпускают поближе, подойдем.

Я хорошо помнила рассказ Романа, но со мной не происходило ничего похожего. Я просто медленно шла вперед, а поганое веретено отступало. Когда-то я так же бежала по мокрому полю за радугой, а она уходила от меня дальше и дальше, потом стала гаснуть и наконец исчезла, а я поняла, что пробежала немалое расстояние. Эта же штука исчезать не собиралась, она по-прежнему маячила вдаль, не приближаясь, но и не удаляясь, а потом я оказалась на краю обрыва, взявшегося буквально ниоткуда. Конечно, будь это обычный обрыв, он вряд ли мог бы мне повредить, даже свались я с него, но в этом месте я не чувствовала в себе совершенно никакой Силы. Мои ноги болели, как у любого человека, который долго шел пешком, мне хотелось пить, было жарко и тоскливо, а тут еще эта яма. Я заглянула в нее: глубоко. Серые пыльные камни, серая пыль внизу. А впереди этот чертов столб, который...

Сначала мне в очередной раз показалось, что я схожу с ума, но, приглядевшись, я уверилась, что если глаза мне не врут, то веретено похудело, и изрядно, после чего я сделала то, что должна была сделать много раньше, а именно – оглянулась. За мной, сколько хватал глаз, растянулась серая неприглядная пустыня. В своих скитаниях я не раз видела земли, которые так назывались, но там были какие-то барханы или каменистые россыпи, там росли кактусы или саксаул, а здесь было именно пусто. Ничего, только плоская, как стол, поверхность, покрытая пылью, в которую ноги проваливаются по щиколотку.

Я снова вгляделась в похудевшее веретено и обругала себя последними словами: смутные пятна, проступающие сквозь серую слизь, изменили свои очертания. Какой же душой я была! Я все время ждала, когда что-то начнется, когда на меня обрушится магический удар, а все было просто и глупо. Тот, кто наматывал этот чудовищный кокон, делал это с таким расчетом, чтобы некто, скорее всего он сам, мог его размотать и добраться до того, что скрыто в середине. Пользовался он силой Ройгу, а значит, то, что было по силам ему, мог сделать кто-то из его собратьев-ройгианцев высокой степени посвящения и, разумеется, Белый Олень и Эстель Оскора. И делалось это просто до противности. Нужно было просто идти вперед. Каждый мой шаг разматывал этот кошмар, как разматывает ковер каждый шаг дворцового служителя, катящего перед собой скатку. Мне нужно было лишь идти вперед, и больше ничего. Поняла я и другое: мерзкие цветочки не имели никакого отношения к этой магии, это был гной, вытекающий из раны. Уроду-ройгианцу удалось ранить сам мир, и рядом начали твориться всяче-

ские безобразия. Эту гниль еще нужно будет как-то выжечь, но сначала я должна дойти до Эрасти. Я посмотрела вниз: да, овраг, но неужели я, прошедшая десятки миров, не смогу туда спуститься?! Смогу, Проклятый меня побери!

2850 год от В.И.

21-й день месяца Звездного Вихря.

Святой город Кантиска

Святой Эрасти отрешенно и скорбно взирал на собравшихся клириков. Архипастырь⁵⁰ Иакинф, благообразный старец с иконописным лицом и бледно-голубыми, как у младенца, и столь же пустыми глазами, торжественно опустился в свое кресло и высоким надтреснутым голосом объявил, что конклав собран, дабы выслушать легата Иллариона, по настоянию кардинала Арцийского Евгения, расследовавшего то, что произошло в Мунте.

Кардиналы важно наклонили благообразные головы, хотя в глубине души у многих таился страх. С тех пор, как Архипастырь Максимилиан настоял на окончательной передаче всех дел, связанных с Запретной Магией, в руки Церкви и для ведения их основал орден святого Антония-Молчальника⁵¹, Скорбящие набрали немалую силу. Идти против них осмеливались разве что такие неумные и отчаянные люди, как нынешний арцийский кардинал. И надо же было такому случиться, что именно в Арции из рук антонианцев вырвался Шарль Тагэре. Даже те члены конклава, которые не имели никакого отношения ни к Арции, ни к делам Скорбящих, чувствовали себя неудобно, а Евгений спокойно сидел в первом ряду, поблескивая колючими глазами на Предстоятеля антонианцев Ореста, и прямо-таки рвался в бой.

Больше всего клирики боялись, что дойдет до голосования и придется прилюдно принимать чью-то сторону. Ореста ненавидели, ему желали всяческих неудач и неприятностей, но выступать против него было себе дороже. С другой стороны, если он сломает Евгения, его уже не остановить. Архипастырь откровенно слаб, Предстоятель эрастианцев давным-давно ушел в себя, а о других и говорить не приходится. Клирики понимали значение происходящего, лихо-радочно прикидывая, что говорить, если их спросят. Пока же все шло своим чередом.

После короткой молитвы во славу Творца в его Трех Ипостасях Создателя, Судии и Спасителя и обращения к святому Эрасти Архипастырь дал слово легату. Иеромонах Илларион, еще молодой, с красивым, жестким лицом, более похожий на воина, нежели на клирика, легко опустился на колени перед Архипастырем. Глава Церкви Единой и Единственной пожевал губами, вздохнул и велел рассказать все, что тот обнаружил в Кантиске. Евгений и Орест подались вперед, не отрывая взгляда от невозмутимого лица легата. Илларион поднялся и заговорил спокойно и обстоятельно. Он напомнил, как три кварты назад был послан в Мунт, дабы разобраться в беспрецедентном случае, и какие ему были даны полномочия.

– Я провел расследование настолько тщательное, насколько мог, – перешел наконец к делу клирик. – К сожалению, я не говорил с самим герцогом Тагэре, в настоящее время находящимся в Эльте. Это бы потребовало поездки на север, мне же был назначен срок в две кварты. Полагаю, в будущем для создания полной картины есть смысл выслушать исповедь Тагэре и исповедь его исповедника, но это вряд ли повлияет на сделанные мной выводы. Я считаю, – Илларион перевел взгляд на Предстоятеля антонианцев, – виновным в случившемся епископа Доминика.

Слова легата повисли в полной тишине. Такого не ожидал никто. Даже Евгений, чьи претензии не шли дальше того, что Тагэре заманили в Мунт и схватили, воспользовавшись

⁵⁰ Архипастырь – глава Церкви Единой и Единственной.

⁵¹ Антоний-Молчальник – юноша по имени Артур из знатной арцийской семьи, узнавший, что его отец и старшие братья впали в ересь Проклятого, и донесший на них Архипастырю Октавиану. После этого подвига Артур, любивший свою семью, принял постриг под именем Антония и дал обет вечного молчания. Причислен к лику святых.

его, Евгения, болезнью и невозможностью использовать право вето. Первым опомнился Орест. Ледяным тоном он осведомился, чем именно обоснованы подобные выводы.

– Многим, – невозмутимо сообщил Илларион. – Если конклав меня выслушает...

Конклав, разумеется, выслушал, и легат все так же спокойно и обстоятельно сообщил, что не нашел никаких доводов в пользу того, что Шарль Тагэре виновен в кощунстве и запретной магии. Что касается оскорбления величества и государственной измены, то есть обвинений, находящихся в ведении Тайной Канцелярии, то они не дают права ведущим следствие применять магические артефакты для получения признания иначе, как с согласия Церкви в лице арцийского кардинала, какового не было получено. Более того, Илларион установил, что епископ Доминик и ранее использовал магию в интересах отнюдь не Церкви Единой и Единственной, но в интересах светских властителей Арции в лице Жана Фарбье. Он, Илларион, обнаружил неопровержимые доказательства того, что делалось это отнюдь не бескорыстно.

По мнению легата, Доминик злоупотреблял своим положением, сообщал в Кантиску ложные сведения, использовал доверенные ему артефакты не должным образом. К тому же, полагаясь на рекомендации все тех же Фарбье, епископ поручал мирским служащим Тайной Канцелярии деяния, на которые имели право лишь клирики.

– Я, – Илларион слегка возвысил голос, – остаюсь в глубочайшем убеждении, что некоторые обвинения минувших лет, против которых в свое время выступал Его Преосвященство кардинал Арции, были сфабрикованы епископом Домиником и его мирскими единомышленниками. Герцог ре Эстре, граф Койла-старший, бароны Ло и Лерма были приговорены на основании вырванного магическим насилием признания, и остается лишь сожалеть, что уже тогда не было проведено должного расследования. Канцелярия Его Святейшества была удовлетворена объяснениями, данными Его Преосвященством Орестом, и лишь событие в Мунте, бросившее тень на орден и его методы, заставило нас взглянуть на происходящее собственными глазами. Я кончил.

Его Святейшество какое-то время переводил испуганные глаза с Ореста на Евгения и обратно, а потом все же выдал из себя:

– Хочет ли кто-то из уважаемых членов конклава задать вопросы и высказаться? Прошу вас, Андроник Оргондский.

– Я не оспариваю выводы, сделанные легатом Его Святейшества в отношении оплошностей и злоупотреблений, творящихся в Арции. Но я хотел бы услышать его мнение о том, что же все-таки произошло?

– Я согласен, – подал голос и Орест, – прежде чем принимать решение, следует узнать, что за магией владеет герцог Тагэре, магией, оказавшейся сильнее Цепи и Перстня.

– Их утрата, к несчастью, невосполнима, – констатировал Илларион, – теперь в Арции много труднее вести дела, связанные с истинной, а не мнимой запретной волшебю. Если, разумеется, Святой Престол не сочтет уместным восполнить потери за счет имеющихся у него реликвий.

– Это невозможно, – коротко бросил Орест, а Его Святейшество согласно наклонил голову, – но вы все время уходите в сторону от главного.

– Ваше Высокопреосвященство! Я не имею обыкновения уходить от чего бы то ни было, – вскинул голову Илларион, – я исследовал с помощью усиленного Кристалла камеру, в которой содержался Тагэре, карету, которая доставила его к месту покаяния, дом маршала Мальвани, где он находился, прежде чем бежать.

– Так он все-таки бежал? – уточнил один из кардиналов, известных своей близостью к Оресту.

– И был прав. Потерпев поражение на площади Ратуши, недоброжелатели герцога (мне не были даны полномочия на расследование обстоятельств покушения, хотя у меня и есть предположения) подослали к нему убийц. Но я возвращаюсь, как тонко заметил Его Высокопрео-

священство, к главному. Я не нашел ни одного свидетельства использования Шарлем Тагэре запрещенной магии или же того, что его освободили при помощи оной. Зато я нашел свидетельство того, что Иаков Эвгле, назначенный Обвинителем, был судебным магом, но не членом ордена. Я не уверен в том, что он обладал знаниями, достаточными для работы с доверенными ему артефактами. Происшедшему, на мой взгляд, можно дать лишь два объяснения. Первое, о котором кричали горожане на улицах. И второе, представляющееся мне более вероятным.

Не следует забывать о происхождении Цепи, не исключено, что ее создатель, современник и, по некоторым сведениям, ближайший друг королевы Гортензии, мог сделать ее безопасной для представителей арцийской династии. Я беседовал с заклинателями, взнудывавшими Арроя, и я уверен в добросовестности их показаний. Все они уверены как в том, что герцог Эльтский совершенно не владеет активной магией, так и в том, что сопротивление такой силы со стороны обычного человека невозможно. Один из них, брат Серж, докладывал епископу Доминику, что не считает возможным проводить церемонию покаяния, не разобравшись в причинах этого явления. Он же поставил вопрос и о познаниях и умении Иакова Эвгле, но к нему не прислушались. За время, прошедшее между взнудыванием и покаянием, Шарль Тагэре мог оправиться от полученного им магического удара. Цепь же не только не сковала его волю, но и могла стать неким охранительным талисманом. Не исключено, что этот талисман инициировал врожденные магические способности Тагэре-Арроя. В результате или он сам непроизвольно отразил направленное на него при помощи Кольца заклятие, или, что представляется более вероятным, это сделала Цепь. Два артефакта взаимно уничтожили друг друга. В пользу этого говорит то, что Тагэре получил магический шок, которого бы не было, действуя он осмысленно. Я полагаю, герцог Эльты никоим образом не может считаться магом, в этом смысле он совершенно безопасен.

– Безопасен? – с сомнением протянул фронтерский кардинал Бартоломей. – Но вы только что говорили о его происхождении.

– Эта кровь течет не только в жилах Тагэре. Все здесь собравшиеся знают, что родоначальник династии Арроев Эландских Рене был сильным и реально действовавшим магом, но в его потомстве активных склонностей к волшебству отмечено не было. Да, Шарль Тагэре оказался неуязвим для некоторых артефактов, как находятся люди, неуязвимые для мерного поветрия или мышьяковой чумы, но это не значит, что они насылают эту чуму. Вот мое мнение.

– Кардинал Арции, – Иоакимф явно чувствовал себя неудобно, – согласны ли вы с выводами легата Иллариона и имеете ли что добавить?

– Ваше Святейшество, – Евгений и не скрывал, сколь он доволен, – я полностью согласен с прозвучавшими здесь словами и могу лишь выразить благодарность брату Иллариону и просить Святейший Престол об отзыве из Мунта епископа Доминика и последующем суде над ним.

– Предстоятель ордена святого Антония, что имеете сказать вы?

– Брат Илларион, – глаза Ореста не предвещали ничего хорошего, – весьма убедительно рассказал о провинностях епископа Доминика. Думаю, конклав единодушно признает его виновным, и он будет должным образом наказан, однако теперь в полный рост встает вопрос о его преемнике. Достойный легат принадлежит к ордену никодимиянцев, однако, исполняя ответственные поручения Его Святейшества, он обрел должные знания в судебной магии, что и доказал с блеском. В присутствии конклава я предлагаю ему вступить в антонианский орден и стать преемником Доминика. Если, разумеется, Его Святейшество его отпустит, а Его Высокопреосвященство Евгений не наложит вето.

Илларион был по-прежнему совершенно спокоен.

– Если Его Святейшество меня отпустит, а Его Высоко-преосвященство кардинал Арции не наложит вето на мою кандидатуру, я согласен принять этот пост и обещаю, что буду действовать, исключительно руководствуясь церковными канонами и мирскими законами.

2850 год от В.И.

1-й день месяца Копьеносца.

Арция. Тагэре. Эльтова скала

Берег был белым, а небо и море, раз за разом с ревом бросающееся на камни, черными. В такую пору торчать на продуваемой всеми ветрами скале мог только безумный. Впрочем, даже летом в самую лучшую погоду Эльтову скалу обходили десятой дорогой. Никто не помнил, почему туда не стоит ходить, но даже подвыпившие храбрецы и те выказывали свою отвагу иными способами. Однако ледяной лунной ночью на плоскую, словно срезанную, вершину поднялись двое.

Один, высокий и стройный, кутался в плащ с капюшоном, второй был чуть пониже, его темное платье явно не годилось для подобных прогулок, но он, казалось, не чувствовал ни холода, ни пронизывающего ветра, то и дело налетающего порывами с моря. Лунный свет, усиленный сиянием выпавшего утром снега, играл на серебристых волосах, заставлял переливаться таинственными зелеными огнями камни на груди. Человек был еще не стар, с красивым, волевым, но очень бледным лицом, хотя, возможно, причиной бледности была луна. Поигрывая кинжалом, он задумчиво слушал собеседника.

– ... я бросился в погоню, но она меня опять обманула. Это был какой-то мерзавец, охваченный ужасом. Я догнал его у Хаонгской границы, он не знал и не понимал ничего, кроме того, что должен бежать и бежать.

– Ты уверен, что это именно она?

– Больше никому. Уже первое возмущение было слишком сильным для любого другого создания. Несомненно, в мир Тарры что-то вошло, но что? Только не принадлежащие Тарре могут ее покинуть, и только Эстель Оскора, плоть от плоти этой земли, может вернуться.

– Но были и другие...

– Правильно, но никто не подходит под подобный след. Очередные боги, ищущие мир, которым можно править, вели бы себя иначе, да и шума было бы больше. Беглый маг вроде нашего заморского друга или затаился бы, или, наоборот, немедленно стал действовать, и я бы его нашел. Нет, это была она, и она очень ловко научилась замечать следы. Пока я гонялся за тем, на кого она перебросила свой астральный хвост, пока возвращался назад, она успела исчезнуть. Потом объявилась в Мунте, спасла Тагэре и вновь сгинула.

– Но почему она не попыталась... – Седой оборвал фразу на полуслове, но второй его понял.

– Почему она не попыталась найти нас? А с чего ты взял, что она не ищет? Но разве это просто? Когда началось все это безумие, я исчез и, видимо, проделал это слишком хорошо, а о тебе и вовсе ничего не известно, спрашивай не спрашивай. Геро не хочет, чтобы о ее возвращении проводали чужие, и это понятно. Не удивлюсь, если она почувствовала мое заклятье и, не зная, кто ее ищет, затаилась.

– Ты прав, – человек с кинжалом встал, – я об этом не подумал. Но мне пора, я и так задержался...

– Ты был в Эльте?

– Да, две ночи, – он улыбнулся, но как-то натянуто. – Для меня это победа.

– Зря ты рискуешь.

– Я всю жизнь рисковал, но больше двух дней мне пока не выдержать, впрочем, раньше и этого не было. И все же, все же я хотел бы ее увидеть.

– Я найду ее, даже если понадобится перевернуть всю Арцию.

– Я знаю, – еще раз улыбнулся седой, – раз она вернулась, значит, хотела этого и, значит, помнит...

– Как сказал бы твой отсутствующий друг: «Если ты не сомневаешься в себе, почему ты сомневаешься в других?» Конечно, помнит.

– Да, он много бы чего сейчас наговорил. Как он, кстати?

– А что ему сделается? Учит жить всех, кто ему под руку, то бишь под лапу, попадается.

– И много таких?

– Достаточно. Хотя он не прочь все бросить и взяться за старое, только это вряд ли получится, слишком уж он переменялся.

– Все мы переменялись, кроме тебя.

– Не скажи. Если бы у меня не было зеркала, я поклялся бы, что я уже давно не я. Слушай, тебе не кажется, что мы слишком сильно стали себя жалеть?

– Ты прав, – седой тряхнул головой, словно бы прогоняя неприятные мысли, – пора с этим кончать. Эстель Оскора вернулась, значит, началось.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Mea culpa, mea maxima culpa...⁵²

*Я никогда не думал,
Что можно так любить и грустить.*
Н.Гумилев

Эстель Оскора

Когда-то тут было изумительно красиво, но ройгианские ублюдки превратили окрестности башни в покрытую пылью пустыню. По очертаньям местности можно было предположить, что раньше башня стояла на острове посредине довольно большого озера. Теперь от него осталась лишь большая котловина, в центре которой возвышался холм удивительно правильной формы, увенчанный высокой башней. Ее шпиль рвался к небу, синева которого на фоне серой пыли казалась особенно чистой. Проклятое веретено исчезло, как только я достигла «берега», и вместе с ним исчез и застывший небо туман. Что ж, по крайней мере, с одной бедой я покончила без особого труда, если, конечно, не считать стертых ног и пропыленной одежды. Я усмехнулась и произнесла простенькое заклятье, снимающее усталость. Получилось! Видимо, «разматывание» веретена требовало напряжения всех сил, но, когда работа была сделана, мои способности ко мне вернулись. Что ж, очень хорошо.

Я подошла к башне, сложенной из розоватого мрамора, и обошла ее кругом. Так вот какова обитель Адены, сестры и подруги неистового Ангеса и покровительницы клана Лебеда! Оставалось туда войти. Я постаралась представить себе озеро заполненным водой, а берега – заросшими цветущими кустами. Лично я бы сделала вход как можно ближе к воде... О, кажется, тут когда-то были пологие ступени, сбегające вниз. Я тронула рукой кладку. Роман проник внутрь обители Ангеса, случайно опершись о нее рукой с Кольцом. Я сделала то же самое, и ничего! Ну, разумеется, если что-то кажущееся непреодолимым оказалось легче легкого, то, что представлялось простым, окажется неподъемным. Кольцо Ангеса не позволяло войти в башню Адены. Попробовать проломиться силой? Но при этом поднимется такой магический вой, что здешние маги, будь они трижды за горами, не преминут понять, что в Тарре орудует кто-то очень сильный.

До этого мне удавалось прятать свою волшебку в чужой, но тут-то я была одна-одинешенька. Ни циалианок тебе, ни синяков, ни магического свинства, устроенного ройгианцами. Конечно, те, кто приглядывает за этим проклятым местечком (а таких просто не может не быть), скоро обнаружат, что заклятью конец. Возможно, даже догадаются, в чем дело, но вот где Эстель Оскора – снаружи или внутри, им не узнать. Если же я начну ломиться в обитель Адены, меня могут застать за этим предосудительным занятием, и еще вопрос, кто это будет.

Самым умным, наверное, было бы вернуться и с помощью Гиба поискать эльфов, если они еще здесь. Уж повелителя-то Лебедей башня впустит. Но где их искать? В Пантане? На Лунных островах? Где-нибудь еще? То, что я успела услышать в Фей-Вэе, не обнадеживало. Дивный народ давно забыт, даже про Романа и того ничего не слышно, если не считать идиотской выдумки Ольвии (в том, что о Войне Оленя церковь судит с ее слов, я не сомневалась).

От лихорадочных раздумий меня оторвало теплое прикосновение. Нет, за прошедшие столетия я положительно поглупела! Сначала не сообразила, как обстоят дела с «веретеном», а потом забыла, что ношу с собой талисман Астена, который сейчас буквально бился у меня на груди. Я вытащила фигурку лебеда, от которой исходило мягкое серебристое сияние, и

⁵² «Моя вина, моя большая вина...» (лат.) – начало покаянной молитвы.

молча протянула вперед на раскрытой ладони. За эти годы я привыкла думать, что у меня нет сердца, зато теперь оно отыгралось, пытаюсь выскочить из моей груди. Неужели не поможет? Помогло... Розоватый мрамор пошел волнами, в стене появилась изящная маленькая дверь, я толкнула ее, но она не подалась.

Приглядевшись, я увидела что-то в замочной скважине, что-то, явно не бывшее ключом. Кольцо! Кольцо, вставленное камнем внутрь. Так вот что сделала Циала Благословенная. Она воспользовалась кольцом Адены как ключом, но не отпирающим, а запирающим. Что могло быть проще и надежнее?! Пока ключ в замке, из башни не выйти, а вынуть его может либо тот, кто вставил, либо, будем надеяться, обладатель лебединой магии, магии Адены. Я протянула руку вперед и почувствовала легкое прикосновение защитного заклятья. Меня признали своей. Я дотронулась до золотого ободка, и Кольцо словно бы само прыгнуло мне в ладонь. Овальный прозрачный камень вспыхнул ослепительным синим светом, напомнив мне глаза Астена.

Если бы не ройгианцы, Роман бы вошел сюда пятьсот с лишним лет назад, и, может быть, не понадобилось бы ни похода к Лунным островам, ни нашей с Рене жертвы. Дверь открылась, но я медлила, уж слишком страшным было бы узнать, что мы опять опоздали и Эрасти здесь нет. Изначально смертный, за полторы тысячи лет он мог погибнуть или, став величайшим магом Тарры, отыскать дорогу наружу, но в другие миры. Я стояла на пороге, убеждая себя не отчаиваться, если мы опять вытащили пустышку, и понимая, что пережить новое разочарование будет очень трудно.

2854 год от В.И.

23-й день месяца Сирены.

Арция. Мунт

Замок Святого Духа почитался местом гиблым и страшным, куда более страшным, чем Речной Дворец, в котором принял смерть низложенный супруг королевы Гортензии. Если несчастного мужеложца и прикончили, то сделали это люди. Это было понятно, а значит, не так уж и страшно. Даже тень незадачливого короля, уныло бродившая по галереям дворца в канун дня мученика Фернана, никого особо не пугала. Правду сказать, видел ее мало кто, разговоры ходили, но многие полагали их бреднями подвыпивших стражников и их веселых подружек. Нет, Речной Замок если и был опасен, то только для тех, кто перешел дорогу королю, или самим королям. Другое дело антонианцы и синяки. Конечно, в Арции они не забрали такой власти, как в той же Мирии, но нужно было быть очень смелым, чтоб пойти им наперекор. Жители Мунта с плохо скрываемым страхом косились на мрачную громаду Замка, которую не делал веселее даже золотистый кантский известняк, пошедший на облицовку стен. Девять башен были увенчаны Стрелами⁵³, десятая, обвалившаяся в незапамятные времена, казалась уродливым пнем. Ее несколько раз пытались восстановить, но она упрямо падала, едва только рабочие начинали устанавливать Стрелу. После четвертого обвала Предстоятель ордена приказал оставить попытки и из какого-то извращенного фатализма повелел переделать нижние этажи под епископские покои, что и было исполнено.

Вопреки ходившим по Мунту слухам, внутренности замка отнюдь не казались страшными. Чистые безликие помещения, квадратные, мощенные плитами дворы, узкие переходы, освещенные масляными светильниками. Ничего особенного. Что до комнат Его Преподобия, то покойный Доминик любил уют и аляповатую роскошь. Илларион же предпочел, чтоб его апартаменты не выбивались из общего ряда замковых помещений: опрятно, просторно и серо. Однако начинать с переделки собственных покоев новый епископ не хотел, равно как и жить

⁵³ Стрела, обвитая плющом, – символ Скорбящих Братьев, этот символ, видимо, родился из символа Церкви Единой и Единственной, представлявшего собой увитый плющом посох, и обычая Божьего суда, когда обвиняемого расстреливали стрелами, окропленными святой водой. Считалось, что невиновного такая стрела не поразит.

среди изображений юных мучениц, весьма смахивающих на куртизанок, и вычурных бронзовых светильников. Илларион устроился в бывших комнатах секретаря Доминика, и только недвусмысленно выраженное недовольство Ореста заставило Иллариона взяться за переделки, оказавшиеся куда более монументальными, чем предполагалось вначале. Пришлось отдирать резные панели корбутского дубца, снимать бархатные и парчовые драпировки и шпалеры, на которых языческие воины в странных доспехах, защищающих явно не те части тела, с вождением сдирали одежды с явно ничего не имеющих против дев.

Вытканые распутницы были приговорены к сожжению на замковом дворе, когда же их убрали, взору Иллариона предстала оштукатуренная стена, по которой змеились трещины от костылей, на которых висели непотребные изображения. Оставалось решить, чем их заменить: другими шпалерами, простым серым ковром без узора или же просто оштукатурить стену. Илларион задумчиво провел рукой вдоль змеящейся трещины, и внезапно большой кусок штукатурки отпал. Окна комнаты выходили на запад, и ласковые вечерние лучи неожиданно выхватили огромный глаз, светло и строго глянувший в душу епископа. Илларион застыл, как громом пораженный, а затем дрожащими руками бросился расчищать проступившее изображение. Куски штукатурки и сухая дранка словно только и мечтали, что осыпаться. Не прошло и полутора ор, как Его Преподобие, замерев от благоговейного восторга, стоял пред суровым мужским ликом.

Это был Кастигатор-Судия, строгий и неумолимый, скорбящий по тому, кому вынесен приговор, но уверенный в своей правоте. Изображение было слишком велико для этой комнаты, к тому же явно было неполным, и Илларион догадался, что некогда это помещение являлось частью храма и лишь затем было приспособлено под земные нужды ордена. И еще Его Преподобие понял, что должен восстановить святыню и сделать ее доступной для всех. Он переедет в другое здание, ибо негоже смертному жить в храме, тем более в таком. Но сколько же лет этой фреске?! Наверняка она была написана задолго до Анхеля, а краски даже не потускнели...

2855 год от В.И.

26-й день месяца Влюбленных.

Ифрана. Авира

Авира была красивым городом и, если уж на то пошло, ненамного младше Мунта. Раскинувшаяся на двух берегах не слишком полноводной, но отнюдь не захудалой реки Хары, она с 2502 года являлась столицей Ифраны, самочинно отложившейся от Арции. Впрочем, бывшая империя продолжала упрямо считать Ифрану своей провинцией. При Шарле Длинном и Франциске Грубом было не до возвращения потерянного, но, когда сначала Пьер Третий, а затем его внук Филипп покончили сначала с бунтовщиками, а потом и с голодом, взгляды Мунта вновь обратились на юг.

В 2747 году Филипп Третий, приведший остатки империи в порядок, счел уместным взяться за возвращение утраченных земель. С Фронтерой проблем не случилось. Тамошний герцог, находящийся в постоянной склоке с Таяной, не пожелал воевать еще и с Арцией и с готовностью принес вассальную присягу. Другое дело, что для фронтерцев, живших между двух огней, клятвы не имели никакого значения, особенно если тот, кому она была дана, ослабевал. Филиппа Третьего Фронтера тоже не слишком заботила, с тех пор как по требованию Церкви были разорваны все связи с таянскими еретиками (а может, это таянцы захлопнули дверь перед носом соседей), северо-восток Арции превратился в отпетое захолустье, служащее источником вечных, но не смертельных неприятностей. Другое дело южные провинции с их виноградниками, апельсиновыми рощами, умелыми ремесленниками и выходом к морю. Удовлетворившись обещанием господаря Зенона воздержаться от набегов на арцийские замки (слово фронтерцы сдержали, потому что как раз в это лето у них произошла очередная непри-

ятность с Таяной и им стало не до бесчинств на западных рубежах), Филипп перешел Табит и вступил в Ифрану. Война шла успешно.

Проживи король еще лет пять или же не умри в сравнительно молодом возрасте его старший сын и наследник, Ифрана скорее всего вернулась бы в лоно Арции, но Филипп умер, а его потомство оказалось не в состоянии довершить начатое. И все из-за того, что наследство распределилось наихудшим для Арции способом. Корона и власть достались внуку короля Этьену, тихому, нерешительному человеку, воинский талант унаследовал младший из принцев, Эдмон Тагэре, успешно командовавший армиями, но абсолютно не владеющий даром интриги, к чему был склонен его брат Жан Лумэн. Оказавшийся же старшим в роду герцог Лионель Ларрэн больше всего на свете хотел покоя и закрывал глаза на творящееся у него под носом. В результате Этьен лишился сначала трона, а потом и жизни. На престоле обосновались Лумэны, озабоченные не столько тем, чтобы вернуть Арции былую славу, сколько тем, чтобы удержать им не принадлежащее. Когда же Пьер Пятый, хоть как-то разбиравшийся в военном деле, погиб и власть по сути перешла к Фарбье, которых волновали лишь собственные дела, стало вовсе худо. Речь шла уже не о том, чтобы вернуть потерянное, а о том, чтобы не допустить новых потерь.

Конечно, были в Арции и воины, и полководцы – те же Тагэре и Мальвани, которые не только не уступали ифранийским военачальникам, но и превосходили их на голову. Но сам Тагэре о своих правах не говорил, за него это делали другие, первым из которых был старик ре Фло. Жан Фарбье заставил безумного короля подписать акт, согласно которому сын Фарбье Жиль объявлялся вопреки всем законам наследником престола. Но Арция знала, кто имеет право на корону, а армия настойчиво требовала вернуть в армию Тагэре и Мальвани, которые смогли бы исправить положение. На это Фарбье пойти не мог, не мог он и удержать в повиновении множество озлобленных неудачами вооруженных людей, презирающих безумного короля и ненавидящих временщика. Единственным выходом было добиться мира и распустить армию, набрав для обеспечения собственной безопасности наемников во Фронтере и Эскоте.

К несчастью, мир с Ифраной означал войну с Дианой, так как для арцийской бланкиссимы ее ифранская сестра была тем же, чем для Фарбье – Тагэре. Фарбье боялся своей любовницы, но Шарля боялся больше, потому и решился тайно написать ифранскому королю Жозефу, в первый раз назвав его «Величеством». Именно это письмо, с тщанием завернутое в промасленную кожу и помещенное в специальный нагрудник, привез в Авиру переодетый простым нобилем младший брат Фарбье Эдвар.

Теперь следовало решать, к кому направиться. Выбор был небогат. Просить помощи у бланкиссимы Елены не следовало: она-то поможет, но как бы Диана за это голову не свернула. Можно было попробовать пробиться к королю Жозефу, но тут предстояло раньше времени раскрыть карты, и не было никакой уверенности, что кто-то из придворных не озабочится донести тем, кому до поры до времени о затее Фарбье знать не обязательно. И Жан, и сам Эдвар склонялись к третьему варианту: поговорить с кузеном короля герцогом Эркюлем Саррижским, у которого была дочь Агнеса, три года как вступившая в брачный возраст. Саррижи были слишком знатны, чтобы позволить себе мезальянс с кем-то ниже герцога, но недостаточно влиятельны, чтобы рассчитывать на партию с принцем крови и тем более с королем. Именно поэтому выбор Фарбье и остановился на Эркюле. Он должен проглотить приманку.

Герцогский дворец находился на самом берегу Хары, и флаг с двумя перекрещенными на малиновом поле павлиньими перьями лениво трепыхался под легким ветерком. Хвала святой Цидале, Сарриж был дома.

2855 год от В.И.

26-й день месяца Влюбленных.

Эр-Атэв. Пустыня Гидал

– Ты звал меня, Владыко, – инок в темно-зеленой эрастианской рясе смиренно, но не заискивающе склонил голову.

– Входи, чадо, – Никодим, настоятель обители святого Эрасти Гидалского, приветливо кивнул, – входи и садись. Впереди у нас долгий разговор.

Инок сел, всем своим видом выразив готовность внимать. Владыка Никодим молчал, пристально разглядывая лицо человека, избранного им своим преемником. Иеромонах Иоанн был среднего роста и крепкого сложения, красотой не отличался, но лицо имел хорошее, а в небольших темно-серых глазах светился недюжинный ум. Правда, в обители Иоанн пробыл не столь уж и много, всего одиннадцать лет, другие могут не понять. И все же владыка был убежден, что поступает правильно.

Иоанн явился в Гидал с отягченной сомнением душой. Будучи родом из Срединной Арции, он с отроческих лет не видел себе иной судьбы, кроме служения Творцу в лоне Церкви Единой и Единственной, но, приняв постриг и оказавшись одним из пастырей, постепенно стал сомневаться если не в Книге Книг, то в ее толковании. То, что он видел, едва не отвратило душу Иоанна от Церкви. Он почти решился сложить с себя сан и бежать в Проклятые земли, но вспомнил об обители святого Эрасти Гидалского и решил совершить паломничество, дабы во время его решить для себя, остается ли он в лоне Церкви Единой и Единственной или нет.

Не сразу снизошел мир в душу пришельца, который имел обыкновение не только молиться, но и думать, не только читать Книгу Книг, но и самому искать ответы на многие вопросы. Никодим говорил с арциейцем не раз и не два и лишь уверялся в собственном мнении, что и в Благодатных землях, и в самой Церкви творятся дела нехорошие и малопонятные. Никодим и его паства были в безопасности под защитой атэвских калифов, свято выполнявших завет великого Майхуба. Но обитель в самом сердце пустыни была воздвигнута не только и не столько во славу Творца, сколько в защиту истинной Памяти о былом. Читая же новые, написанные в Кантиске книги, слушая рассказы паломников, Никодим все больше убеждался, что грядут времена, предвиденные святым блаженным Иоахиммиусом, первым Держателем Вечноцветущего Посоха⁵⁴. Сам Никодим, зимой разменявший восьмой десяток, понимал, что успеет упокоиться с миром, прежде чем зло, отступившее во время Войны Оленя, вырвется наружу, но вот его преемника скорее всего подхватит грядущая буря. Именно поэтому старый клирик не имел права на ошибку.

В обители было много достойных. Теодор был знатнейшим целителем, Онуфрий умелой рукой вел немалое хозяйство и принимал паломников, а Василий лучше всех знал и трактовал Книгу Книг, и от его проповеди уверовал бы и покался в грехах даже камень. И все же никто из них не пытался перейти черту, за которой начиналось Неведомое. А Иоанн пытался. Было в этом спокойном и обстоятельном человеке что-то, заставляющее предполагать в нем не просто подвижника, но бойца. И Никодим решился на разговор.

– Знаешь ли ты, чадо, почему калифы, исповедующие учение своего безумного пророка, оберегают нашу обитель?

– Я долго думал об этом. – Иоанн говорил медленно, каждое слово падало веско, как камень в пустой колодец. – Речь идет о каком-то договоре, некогда заключенном калифом Майхубом и святым Иоахиммиусом. То, что нам дал Эр-Атэв, видят все, что даем или должны отдать мы, никто не знает. Но это что-то важное, как для нас, так и для иноверцев. Возможно, мы храним нечто, относящееся к эпохе Войны Оленя, ведь именно после победы в ней была основана обитель.

– Хвала святому Эрасти.

⁵⁴ Посох, обвитый плющом, – символ Церкви, символизирует опору, которая необходима всем – и людям, и растениям. Вечноцветущий посох, увитый неувядающими живыми цветами, – реликвия святого Иоахиммиуса, основателя монастыря Эрасти Гидалского.

Никодим торжественно встал, опершись на знаменитый Посох, ради созерцания которого тысячи арцийцев ежегодно переправлялись через Пролив, дабы в канун Светлого Рассвета преклонить колени перед Священной Реликвией. Более шести сотен лет Посох святого Иоахмиуса был увит живыми цветами дивной красоты. Несколько раз Архипастыри хотели перенести реликвию в Кантиску, но настоятели обители отвечали, что святой Иоахмиус велел им находиться в пустыне, сохраняя чистоту помыслов до времени, когда они будут призваны. Возможно, этот отказ и не остался бы безнаказанным, но руки Святого Престола не могли дотянуться до Эр-Атэва, а воевать с калифатом было себе дороже. Посох оставался в Гидале и передавался настоятелем избранному им наследнику. Но прежде чем Иоанн примет Вечноцветущий, иноку предстоит узнать немало того, что может смутить даже светлый и сильный ум.

– Чадо Иоанн. – Иоанн поднялся, хоть еще и не понимал, что сейчас произойдет. – Знаешь ли ты наш обычай: настоятель избирает своего преемника из числа иноков, и до самой смерти предшественника тот становится его правой рукой? Мой выбор пал на тебя.

Иоанн побледнел, губы его дрогнули, но он сдержался. Ни благодарностей, ни вопросов, ни сомнений в своих силах, ни лицемерного отказа. Так. Очень хорошо, он с успехом прошел и это испытание. Испытание неожиданным взлетом.

– Возложи руку на Посох, чадо, и повторяй за мной: «Я, нареченный Иоанном, клянусь сохранить доверенное мне в тайне, пока святой Эрасти не разрешит меня от этой клятвы...»

2855 год от В.И.

12-й день месяца Собаки

Арция. Мунт

Агнеса Саррижская старательно не показывала вида, что потрясена великолепиям Мунта. Несмотря на то, что Ифрана уже три с лишним сотни лет считалась независимым государством и довольно успешно воевала с прежней метрополией, ее жители в глубине души продолжали ощущать себя провинциалами. Особенно когда попадали в Мунт. Агнеса гордо выпрямилась, старательно глядя перед собой, не хватало еще, чтобы арцийцы увидели, что она озирается по сторонам, как какая-нибудь деревенщина!

В конце концов, она теперь их королева. Во всяком случае принимают ее по-королевски. Саррижи были влиятельными людьми, но их земли были расположены у самой границы и изрядно пострадали во время войны. Разумеется, они не бедствовали, но и позволить себе купаться в роскоши не могли, а король Жозеф Третий, дядюшка Агнесы по матери, был фее-рически скуп. Даже его придворные дамы, особенно те, которых Его Величество дарил своим вниманием, сетовали на то, что тот неделями не меняет белье, а сапоги донашивает до дыр. Если же кто-то из нобилей одевался дорого и красиво, то Жозеф расценивал это или как личное оскорбление, или как знак того, что у одного из его подданных завелись лишние деньги, которыми следовало поделиться с Его Величеством. О балах же и охотах и вовсе говорить не приходилось. Король их не устраивал, потому что это было дорого, а нобили – потому что это не нравилось королю. Разумеется, с таким сюзереном жизнь в Ифране более напоминала существование никодимианской⁵⁵ общины, нежели двора второго по величине государства Благодатных земель.

Неудивительно, что кортеж суженой Его Величества короля Арции был более чем скромным, как и наряд самой невесты. Когда на границе ее встретили доверенные лица жениха, Агнеса была готова со стыда сквозь землю провалиться, настолько ее украшенное скромной вышивкой кремовое платье выделялось на фоне невообразимых туалетов арцийских дам и кавалеров, отделанных золотом, драгоценными камнями, мехами и кружевом. Девушка с душевным трепетом рассматривала струящиеся женские туалеты и высокие головные уборы,

⁵⁵ Никодимианцы – нищенствующий монашеский орден, известный строгостью устава.

к которым крепились тончайшие вуали. Впрочем, мужчины, носившие похожие на тюрбаны головные повязки из атэвских шелков, короткие куртки со стоячими воротниками, в разрезах рукавов которых виднелись шелковые рубашки, обтягивающие штаны-чулки и башмаки с загнутыми носами, выглядели едва ли не наряднее дам.

Разумеется, шло это не всем. Кое-кто из придворных щеголей выглядел не лучше разрисованного подвыпившим мазилкой краба, но некоторые казались рыцарями из сказки. Интересно, какой из себя ее жених? Агнеса про него не знала ничего, кроме того, что ему двадцать шесть лет, он мужчина и король. Вообще-то ее прочили в жены наследнику мирийского герцога, но хозяин процветающего островного государства настаивал на соответствующем приданом, а его величество Жозеф, хоть и был не прочь увидеть свою племянницу мирийской герцогиней, отнюдь не спешил раскошелиться. Переговоры затянулись, а за это время молодой Энрике Кэрна умудрился тайно обвенчаться с незначительной ноблеской. Из-за скупости дядюшки Агнеса оказалась посмешищем всей Ифраны. Надежды на мало-мальски достойный брак таяли с каждым годом, так как своих средств у потерявших почти все земли Саррижей не было. И вдруг такая удача! Супруга арцийского короля! Правда, про Пьера поговаривали всякое, но Агнеса гнала от себя неприятные мысли, в конце концов, не хуже же он Жозефа с его грязными сорочками и сальными волосами?!

Девушка с волнением ожидала встречи, выслушивая любезности арцийских нобилей, самым приятным из которых был Жан Фарбье. Конечно, он был не первой молодости, но весьма недурен собой в своей золотистой, расшитой богомольниками и жемчугом куртке и коричневых штанах, обтягивающих сильные мускулистые ноги. Это именно он вручил Агнесе золотой нарцисс, который она, якобы из вежливости, а на деле за неимением ничего другого приколола к своему платью. Да и советы Фарбье всякий раз приходились весьма кстати. Он несколько раз удерживал ее от явных ошибок, подсказывал, как к кому следует обращаться, отвечал за нее, когда она не знала, что сказать, и всячески давал ей понять, как он рад ее приезде.

Агнеса никогда не обольщалась насчет своей внешности. У нее были слишком резкие черты лица, большой нос, широкие черные брови, а волосы на подбородке и щеках приходилось по утрам выщипывать. Однако этому изысканному вельможе она как будто бы нравилась больше лилейных томных красавиц, и Агнеса испытала к нему за это острую благодарность.

«Обратите внимание, моя принцесса, – Фарбье грациозно наклонился к окошку кареты, в котором ехала ифранка, – это знаменитый Замок Святого Духа, им пугают людей, но все далеко не так страшно, как рассказывают. Нынешний епископ обещает вскоре открыть его для желающих. А сейчас мы выезжаем на площадь Ратуши, где вас поприветствуют отцы города Мунта и где к нам присоединится Его Величество. Я должен вас попросить, дорогая принцесса, не показывать, если что-то в поведении Его Величества покажется вам, скажем так, странным. Его Величество рано потерял отца, он рос очень замкнутым и не любит шумных церемоний. Обычно мы его от них оберегаем, но свадьба, как вы понимаете, бывает только раз в жизни...»

Речь Фарбье журчала как ручеек, но Агнеса ее почти не слышала, пытаясь взять себя в руки. Сейчас она увидит человека, которому отдала свою руку, даже не видя его. Она увидит короля, она будет приветствовать своих подданных. Процессия вошла в увитые цветами арки, Агнеса не видела, как идущие впереди процессии девушки в розовом разбрасывали цветы, но карета ехала по фиалкам и ландышам, и племянница Жозефа понимала, что это для нее и из-за нее. Приветственные крики сливались со щебетом многочисленных птиц в клетках, которых выпускают, как только ее рука коснется руки короля, и звуками гитар и мандолин, на которых играли сопровождающие королевскую невесту менестрели. Из раскрытых окон свешивались флаги и ковры, на перекрестках здоровенные стражники охраняли бочки с вином, которые будут открыты вечером, дабы жители славного города Мунта выпили за здоровье жениха и невесты.

Наконец карета остановилась. Фарбье галантно распахнул дверцу и подал Агнесе руку. Белые туфли невесты ступили на розовую ковровую дорожку, ведущую к ратуше, на ступеньках которой стояло несколько человек. Агнеса пыталась рассмотреть и узнать короля, но солнце било в глаза, и она была вынуждена отвести взгляд. Опираясь на руку Фарбье, девушка дошла до лестницы, затем спутник ее оставил, и она пошла одна, стараясь держаться прямо. На верхней площадке она буквально налетела на одетого в белое и голубое молодого человека примерно одного с ней роста с бледным одутловатым лицом, с интересом на нее уставившегося.

Агнеса тоже остановилась, не зная, идти ли вперед или остаться на площадке. А молодой человек, добродушно улынувшись, сунул руку за пазуху и вытащил оттуда зверька, похожего на пушистого бесхвостого мышонка, и сказав: «На» – протянул ей. Больше всего Агнесе захотелось с визгом отшвырнуть эту гадость, но она подумала, что, возможно, это какой-то здешний обычай, о котором ей забыли рассказать, и, сжав зубы, взяла меховой комочек.

– Правда, хороший? – спросил молодой человек. – Это тебе. Жан сказал, что ты добрая. Правда, он часто врет. Меня зовут Пьер, а как тебя? Мне говорили, да я забыл. Ты теперь будешь жить с нами, да? А ты любишь землянику? Я люблю, но от нее потом все чешется, а у тебя?

Агнеса слушала эти слова, ничего не понимая, и только в глубине ее души билась одна мысль: «Это не он! Святая Циала, сделай так, чтоб это был не он!»

2855 год от В.И.

23-й день месяца Собаки

Ариция. Тагэре

От Эльты до замка Тагэре было немногим более трех вес, всего ничего, но Этьену ре Фло в последние годы путешествия давались все с большим трудом: кости, застуженные еще в юности (граф во время охоты провалился под лед и потом был вынужден провести весь день в мокрой одежде), к шестидесяти годам отыгрались за все. Если во Фло, где солнце так прогревает толстые каменные стены, что даже в месяце Зеркала они остаются теплыми, он ходил и ездил верхом, как все люди, то стоило ему оказаться на севере, как старые болячки брали свое. Потому-то при всей своей любви к дочери, зятю и внукам Старый Медведь выбирался к ним редко и только летом, но на этот раз дело было неотложным, и Этьен пустился в дорогу, заранее смиряясь с неизбежным.

Владелец ре Фло был человеком незаурядным, все в нем – и величественная внешность, и горделивая осанка, и пронизательный взгляд – выдавало натуру властную, сильную и целеустремленную до жестокости. Под стать старику были и наследники, но даже среди них граф отличал двоих: старшего внука Рауля, названного в честь дяди, и дочь Эстелу, герцогиню Тагэре, подарившую мужу двоих сыновей: Филиппа и Эдмона. Дед твердо рассчитывал увидеть на голове одного из них корону.

Старый Медведь не сомневался, что с Лумэнами они справятся, куда сложнее было уломать Шарля. Как всегда, когда он вспоминал зятя, в сердце старого нобиля поднимали голову досада и гордость. Этьен восхищался герцогом, но его бесило упорное нежелание того объявить о своих правах на престол и возглавить нобилей, недовольных засильем законных и незаконных Лумэнов. Шарль же уперся, как стадо ослов, и ни доводы тестя, ни слова любимой жены (а Шарлю любил Эсту), ни очевидное желание северян на него не действовали. Он, в пятнадцать лет доказавший свою храбрость в бою, в восемнадцать командовавший полком, а в двадцать шесть – армией, не хотел гражданской войны.

Конечно, все эти годы Тагэре не бездельничал. Именно он держал в узде эскотских нобилей, взявших скверную привычку грабить приграничные земли. С возвращением в Эльту

Шарля Тагэре налетчикам пришлось поджечь свои полосатые⁵⁶ хвосты. Шарло стал настоящим хозяином северо-запада Арции, доказав, что может не только воевать, но и править.

В Мунте герцог больше не появлялся, но о нем все равно говорили. Особенно теперь, когда Лумэны спелись с Жозефом, все бывшие победы и удачи были пущены коту под хвост. Мужеподобная ифранская девка не только не принесла в Арцию приданого, но за право уложить ее в постель слабоумного короля, который, похоже, вообще не знает, чем женщины от мужчин отличаются, пришлось заплатить с таким трудом завоеванным островом Ро и провинцией Сарриж, возвращенной мечом Тагэре Арции и отданной Лумэнами новоявленному тестю. Уж это-то должно побудить Шарля к действию! Ре Фло насупился и пошевелил губами, ведя мысленный разговор с зятем. Он не понимал Шарля с его дурацким миролюбием, хотя, возможно, тот оказался прав в том смысле, что последняя выходка Фарбье показала всем, что арцийские короли об Арции не думают и не собираются думать. Новоявленная королева, судя по всему, скоро сядет всем на голову. Если Шарло наконец очнется, лучшего времени для восстановления не найти.

Граф улыбнулся и подозвал внука. Раулю было девятнадцать, но он уже сейчас давал фору тридцатилетним и как воин, и, что самое удивительное, как политик. Не так давно он победил в учебном поединке и дядю, и отца, а значит, среди нобилей у него практически нет соперников. Разве что Мальвани и, конечно же, Шарль.

– Вы меня звали, дедушка?

– Да, дружок, – Этьен с удовольствием оглядел ладную фигуру внука, малыш пойдет далеко, очень далеко. – Я хочу оставить тебя в Эльте. Ты не против?

– Я?! – Темные глаза сверкнули. – Я всю жизнь мечтал учиться у Шарля!

– Ну, значит, твои мечты сбылись, но ты не только будешь с ним мечом махать. И Арции, и нам, и самому Шарло нужно, чтоб он наконец вспомнил, кто он такой. Шарль Тагэре не имеет права отсиживаться на севере, когда эти ублюдки продают Арцию Жозефу. Я поговорю с ним, но не уверен, что он согласится сразу, а капля и камень точит, ты знаешь, когда и что говорить, так что я на тебя рассчитываю.

– Я постараюсь...

2855 год от В.И.

12-й день месяца Волка.

Арция. Фей-Вэйя

– Девочка моя, ты уверена в своем решении? – Агриппина испытующе смотрела в синие глаза Соланж. – Если ты скажешь «да», обратной дороги у тебя не будет. Ты и так все знаешь, но я должна тебе сказать это еще раз. Вступая в орден, ты отказываешься от многого, во имя чего Творец создал женщину. У тебя никогда не будет ни мужа, ни детей, ни своего дома. Это такие, как я, на которых смотреть тошно, больше находят в ордене, чем теряют, а ты ведь красавица, на тебе любой с радостью женится. Зачем же хоронить себя заживо?

– Я подумала, матушка.

– Она подумала, – хмыкнула Агриппина, – не верится что-то! А ты подумала, что будет, если завтра или послезавтра ты встретишь человека, которого полюбишь ты и который полюбит тебя? Ты или наступишь себе на горло, или станешь преступницей, которую, если ее разоблачат, ожидает страшная участь. Ты не только себя погубишь, но и своего возлюбленного! Это ты понять в состоянии?! Если циалянку изобличают в прелюбодеянии, она отправляется в Шильскую обитель, и даже я не знаю, что творится в ее подвалах! А если ты осмелишься забеременеть, то тебя после рождения ребенка заживо замуруют в склепе, а твое дитя отдадут в приют Святого Христофора. Если это мальчик, из него сделают убийцу во славу Божию,

⁵⁶ Намек на полосатые плащи, которые носили вожди эскотских кланов. Каждый имел свою расцветку.

если девочка – куртизанку, с помощью которой Скорбящие будут прибирать к рукам нобилей. А если будет доказано, кто отец ребенка, то, кем бы он ни был, он понесет наказание как за изнасилование.

– Зачем вы мне об этом говорите, матушка?

– Потому что не хочу, чтобы ты губила себя и других. Ты слишком красива для обители, Соланж. Ты должна жить той жизнью, для которой созданы красивые женщины. Доб-ро, была бы ты честолюбива, такие еще могут обходиться без любви...

– Но мне не нужны мужчины, матушка. И что я буду делать, если выйду из обители? Куда я пойду?

– Куда-куда, да в поместье своего отца! А твою тетку мы приструним. Это твои земли, это твой дом. Хорошего управляющего мой брат тебе подберет, ты уже совершеннолетняя, станешь выезжать... Уверю тебя, у твоих ног будет весь Мунт. Ну, чего молчишь? Сола! Я тебя спрашиваю, отвечай, безобразница ты этакая.

– Матушка... Я... Я боюсь! Я была дома, тетушка меня ненавидит... Они уже привыкли, что Ноаре принадлежит им.

– Как привыкли, так и отвыкнут! Боишься, что они попробуют причинить тебе вред? Глупости, на моего братца, хоть он и пьяница, можно положиться. Да с твоей головки и волоска не упадет. Так что забудь о своих страхах!

– Матушка, я не тетушку боюсь...

– А кого?

– Вы не будете смеяться?

– Нет, конечно же... Говори!

– Я боюсь своих снов. Пока я здесь, все хорошо, но как только я выхожу из обители... Матушка, я всякий раз вижу, как иду по нашей обители, вернее, мне кажется, что это наша обитель. А потом я начинаю понимать, что это какое-то другое место, недоброе и мерзкое. Все и так и не так, те же самые фрески, но... Матушка, это ересь!

– Мы не вольны в своих снах, девочка, а я твоя наставница. Рассказывай дальше.

– Матушка, там... Там... Знаете нашу главную икону в храме равноапостольной? Ту. С оленем...

– Конечно же, знаю, Сола. Ты не волнуйся. Мало ли что кому приснилось...

– Это... Это мне снилось каждый раз, когда я была не в обители.

– Ну, пусть будет так, – Агриппина вздохнула, – но не думаю, чтобы это было чем-то таким уж страшным. Говори дальше. Что там случилось с фреской?

– Издали все, как и всегда... Святая с оленем попирает Проклятого, а там... Лицо то же, но это не святая равноапостольная Циала, матушка, а блудница. А у оленя клыки, как у волка, и нет глаз, вместо них что-то такое белое, как туман... нет, как пар, когда грязное белье стирают. А под ногами у них не Проклятый, а святой Эрасти! И они начинают оживать, словно бы вырастать из стены, и я понимаю, что сейчас они меня схватят. Я поворачиваюсь и бегу, бегу, бегу и чувствую, что за мной гонятся, а я бегу, бегу... Матушка, я не могу об этом рассказывать.

– Нет, девочка, – Агриппина обняла Солу за плечи, – ты должна рассказать мне все до конца, а потом мы с тобой подумаем, что делать дальше. Говори, я слушаю.

– Я бегу, бегу...

– Я уже поняла, что ты бежишь. Дальше.

– И вдруг впереди свет, и я слышу голос и знаю, что это святой Эрасти. Он меня зовет к себе, я вижу дверь, на которой изображен божий Лебедь, дверь открывается, там сад... Таких садов не может быть на самом деле. Это рай, наверное...

– Очень может быть. Дальше.

– Те, сзади, уже совсем близко, я бросаюсь вперед, из сада мне навстречу идет святой Эрасти, я его вижу. И вдруг! Вдруг все исчезает, и передо мной Проклятый! А сзади те двое... Они меня гонят к нему, а он смотрит на меня и говорит, что я сама его выбрала и что теперь я его...

– И ты это видела каждый день?

– Да.

– А когда ты в обители, ничего такого не происходит?

– Нет... Но...

– Что за «но», девочка. Я должна знать все! – Я видела святую Цяалу. Настоящую.

– Один раз?

– Да, в первый день, как вернулась. И она мне сказала, что, пока я с ней, Проклятый меня не получит.

– Что ж, – Агриппина выглядела искренне расстроенной, – беру все свои слова назад. Тебе действительно лучше остаться здесь. И, наверное, кое-что узнать. Я сама буду с тобой заниматься. Жизнь длинна и непредсказуема. Может быть, тебе придется покинуть обитель, и кто знает, послужит ли покрывало⁵⁷ вне стен монастыря достаточной защитой. Поэтому ты должна овладеть магией святой Цяалы и узнать все, что известно, о Проклятом, его слугах, адептах Темной Звезды, Рене-Сгинувшем и других... Об этом мало кто знает, даже в стенах ордена, но ты имеешь на это право. Хотя жаль...

– Вы о чем, матушка? Чего жаль?

– Тебя жаль, дурочка ты моя... Но после того, что ты рассказала, я не имею права тебя отпускать. Я сама приму твой обет.

– Спасибо, матушка...

⁵⁷ Белое покрывало – символ циалянства.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.